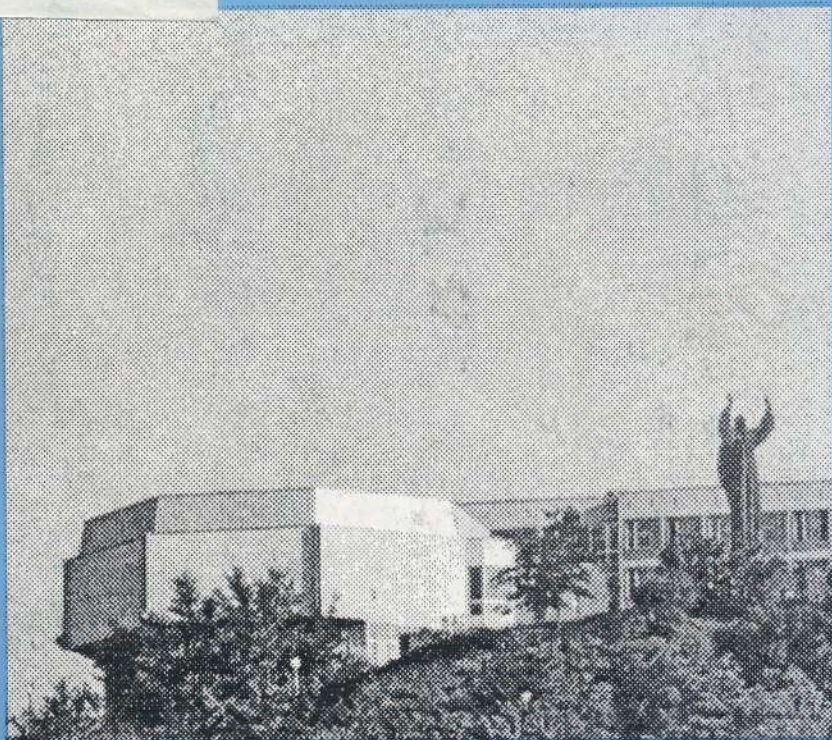

ТРУДОВЕ
НА ВЕЛИКО-
ТЪРНОВСКИЯ
УНИВЕРСИТЕТ
"КИРИЛ И МЕТОДИЙ"

80
JLA 110
JIL 87

Университетско издателство "Св. св. Кирил и Методий"

ТОМ 25, КНИГА 2
ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ
ЕЗИКОЗНАНИЕ

21 SEP 2004

JUL 2007

ТРУДОВЕ
НА
ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ
Книга 2, Том 25
1988

Редактор Русин Русinov
Технически редактор Райна Карабоева
Коректор Цветанка Рашкова

Излязла от печат декември 1998 г.

Формат 60 x 90/16
Печатни коли 13

ISSN 0204 – 6369

Университетско издателство "Св. св. Кирил и Методий" –
Велико Търново, 1998
Печатница на Университетското издателство

**ТРУДОВЕ НА
ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
"СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ
ЕЗИКОЗНАНИЕ
Том 25, Книга 2
1988**

**TRAVAUX
DE
L'UNIVERSITE
"ST. ST. CYRILLE ET METHODE"
DE VELIKO TIRNOVO
FACULTE PHILOLOGIQUE
LINGUISTIQUE
Tome 25, Livre 2
1988**

Университетско издателство "Св. св. Кирил и Методий"
В. Търново, 1998, V. Tirnovo

СТАТИИ
87

80

РЕДАКЦИОННА КОЛЕГИЯ

проф. Русин Русинов (главен редактор)

доц. кфн Иван Харалампиев

доц. кфн Паусий Христов

доц. кфн Петър Джамбазов

ст. пр. Емилия Михайлова (научен секретар)

649 / 1999

ОКРЪЖНА БИБЛИОТЕКА
гр. В. ТЪРНОВО Д

© Великотърновски университет
"Св. св. Кирил и Методий", 1998

ISSN 0204 – 6369

СЪДЪРЖАНИЕ

<i>Любка Стоичкова.</i> Семантична класификация на относителните прилагателни имена в съвременния български език.	7
<i>Силвия Папазова.</i> Към основния синтактичен словоред на допълненията в немски и български език.	35
<i>Мария Русинова.</i> Пунктуационният минимум – основа на пунктуационната грамотност.	65
<i>Йордан Димитров.</i> Грешките в публикацията на Констанцката библия пауперум.	93
<i>Иванка Накова.</i> О некоторых особенностях русских и болгарских однословных терминов изобразительного искусства	125
<i>Василена Тодорова.</i> Една нехарактерна употреба на латинското <i>ut</i> и българският конюнктив	165
<i>Петър Джамбазов.</i> Прилагателните в руските материали на Освободителната война, които са образувани от тюркски адиективно-субстантивни имена на селища в България.	179

CONTENTS

<i>Lyubka Stoitchkova.</i> Semantic Classification of the Relative Adjectives in Modern Bulgarian.	7
<i>Sylvia Papazova.</i> On the Basic Syntactic Word Order of Objects in German and in Bulgarian.	35
<i>Maria Russinova.</i> The Punctuation Minimum – A Basic for Punctuation Competence.	65
<i>Yordan Dimitrov.</i> The Mistakes in the Publication of The Konstanz Biblia Pauperum.	93
<i>Ivanka Nakova.</i> On Some Peculiarities of the Russian and Bulgarian One-Word Terms in the Field of Fine Arts.	125
<i>Vassilena Todoranova.</i> One Non-Typical Use of the Latin <i>ut</i> and the Bulgarian Koniunktiv.	165
<i>Petar Djambazov.</i> The Adjectives in the Russian Sources of the Liberation War, Formed from Turkic Adjectival-Substantival Names of Settlements in Bulgaria.	179

ТРУДОВЕ НА ВТУ "СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
ВЕЛИКО ТЪРНОВО

Том 25 Книга 2

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ

1988

TRAVAUX DE L'UNIVERSITE "ST. ST. CIRILLE ET METHODE"
DE VELIKO TIRNOVO

Tome 25 Livre 2

FACULTE PHILOLOGIQUE

1988

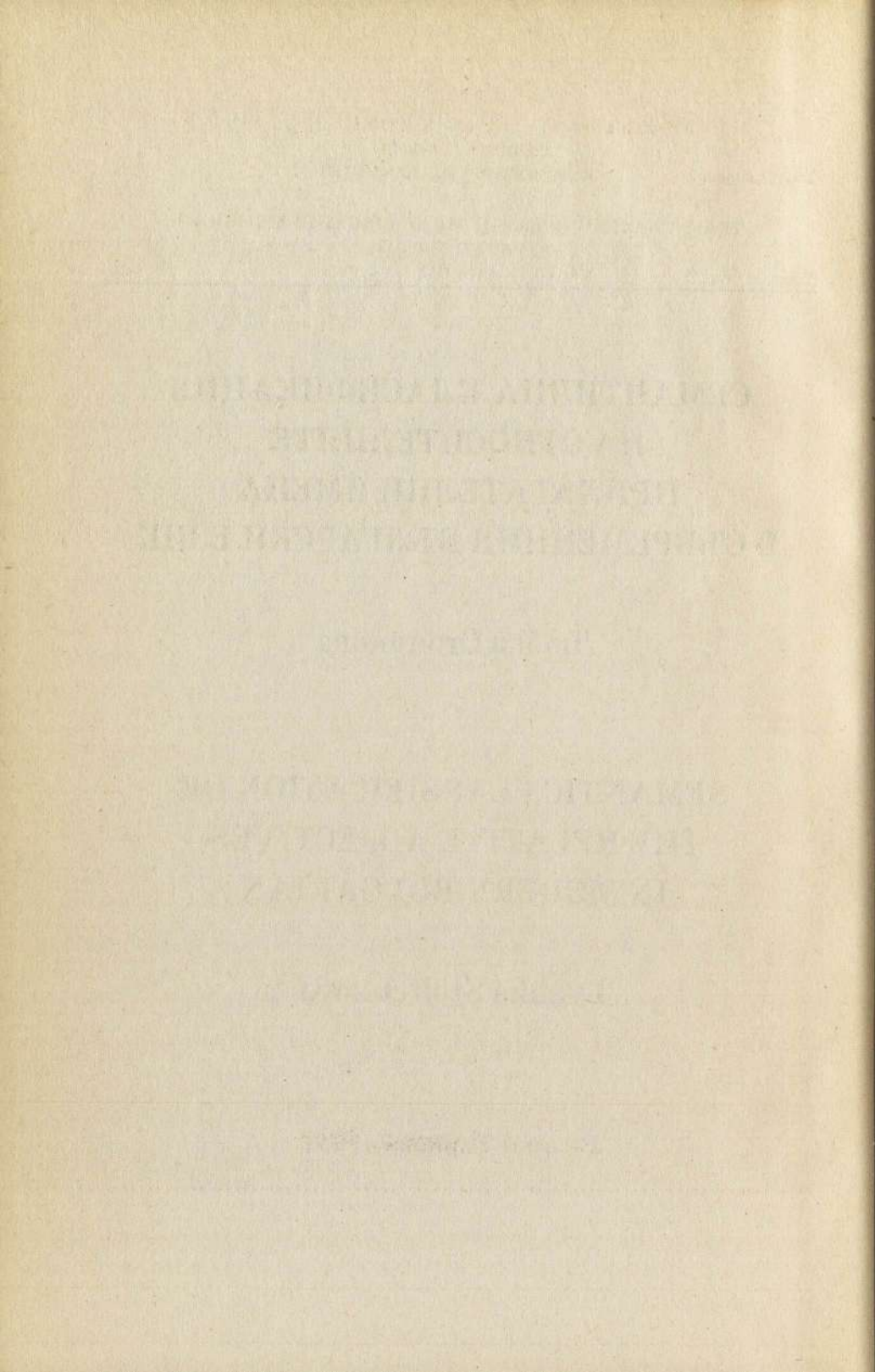
**СЕМАНТИЧНА КЛАСИФИКАЦИЯ
НА ОТНОСИТЕЛНИТЕ
ПРИЛАГАТЕЛНИ ИМЕНА
В СЪВРЕМЕННИЯ БЪЛГАРСКИ ЕЗИК**

Любка Стоичкова

**SEMANTIC CLASSIFICATION OF
THE RELATIVE ADJECTIVES
IN MODERN BULGARIAN**

Lyubka Stoitchkova

Велико Търново, 1988

Целта на настоящата разработка е да разкрие и обоснове обективното единство и системност на относителните прилагателни имена като думи с единна, но вътрешно разчленена цялост, съвкупност. По същество тази класификация е структурно-семантична, но и категориална, тъй като в основата ѝ заляга обобщеното значение за субстанция при съществителните имена, за атрибут при прилагателните, за действие при глагола¹ и пр.

Основното понятие на семантичната класификация е семантичното поле и съставлящите го подповета (групи), разграничавани според доминантния (интегриращ) признак, който съдържа типовото значение на съвкупност от лексеми с еднородни значения, например относителни прилагателни имена за материален произход и състав, за пространство и време, за вид и разновидност и т. н.

Семантичната класификация, която по същество е описание на полевата структура на този морфологичен клас, изисква да се характеризира еднородната семантика на думата глобално, да се групират думите с еднородна семантика и да се характеризира всяко семантично поле според характера на влизащите в него лексеми в зависимост от тяхната:

1. Тематична отнесеност.
2. Парадигматични връзки (моносемия и полисемия, синонимия и антонимия, активност и пасивност, функционалност и пр.).
3. Възможност за семантично разчленяване.
4. Морфологична общност, която се базира на семантичната им общност и от своя страна влияе върху нея.

При структурно-семантичната класификация на относителните прилагателни имена сме се ръководили от теорията и практиката на компонентно-семантичния анализ, като във връзка с това е необходимо да уточним някои термини и понятия.

Приемаме, че лексемата е единица на изразяването, а семемата – единица на съдържанието [18, с. 30; 8, с. 14]. Така, както лексемата се сегментира на морфемии (минимални звуково-смислови единици),

при компонентно-семантичен анализ на думата семемата се сегментира на семи (елементарни смислови единици). Ето какво определение дава В. Г. Гак на сема: “Под семантична структура на отделното значение на думата се разбира съвкупността от елементарни смисли (семи), съставлящи това значение. Всяка сема е отражение в съзнанието на носителите на езика на различни черти, обективно присъщи на денотата, или приписвани му в дадена езикова среда и, следователно, явяващи се обективни по отношение към всеки говорещ” [6, с. 95].

При назоваването на минималните смислови единици в значението на думата се използват различни термини, които са израз на различни теоретични постановки при определяне на съдържанието им: “диференциален елемент”, “фигура на съдържанието”, “семантичен множител”, “диференциален признак”, “ноема”, “семантичен маркер”, “сема”, “семантичен компонент” и др. [Вж. 10].

Широко се прилага структурната типология на френското езикознание, възприета и от съветския езиковед В. Г. Гак.

Като се придържахме към предложеното от Гак, Шмельов, Бондарко и др. структуриране на крайните смислови единици (семите) в състава на елементарната смислова единица (семемата), ние ги подреждаме в следния йерархичен ред:

Архисема – сема, която отразява най-общите признаци и свойства на определен клас единици. Иначе казано, архисемата е обобщено-категориална сема, с която се означава общото съдържание на отделните единици в позиция на неутрализация между тях. Например семантичните различия между *каменен, стъклен, фаянсов, глинен, кристален, дървен* и пр. се неутрализират в архисемата ‘материал’. Следователно архисемата е обща сема в значението на определен клас обекти или на определена лексико-семантична група и отразява признаци, свойствени на всеки един от членовете на класа.

Диференциални семи – в своята съвкупност те определят семантичния обем на дадена дума и диференцират значението ѝ от значенията на другите думи в групата. Следователно диференциалните семи отразяват непосредствените различия между думите. Като се има предвид, че предметите и обектите от действителността се характеризират с два основни типа признаци – описателни и относителни, диференциалните семи могат да се групират съответно в диференциални описателни и диференциални относителни семи.

Диференциални описателни семи – те отразяват външните особености на обекта (размер, външен вид, устройство и др.).

Диференциални относителни семи – те отразяват отношението на дадения предмет към други предмети (предназначение, функция, местоположение и т. н.).

Асоциативни (логико-смислови) семи – изречения-съждения, които се основават на асоциативното мислене, изхождащо от представата за определен предмет, обект, действие, признак, например: сребро – вещество, метал, от който могат да се правят предмети, аналогично на злато. Оттам – сребърен, златен – признак, качество, което е свързано със свойствата и предназначението на съответния метал.

Експресивно-стилистични (конотативни) семи – те се реализират на речево равнище и отразяват различните асоциации, с които даденият предмет се свързва в съзнанието на говорещия. С функционирането на експресивно-стилистичните семи е свързана появата на преносните значения на думите.

И така семата (семантичният диференциален признак) е едностранна единица, която, без да има отношение към материалната страна на езиковия знак, се свързва само с плана на съдържанието.

В системен ред се намират не само семантичните множители в структурата на семемата, но и отделните лексеми. Тяхната организация се базира на диалектичното единство между семантичната диференциация и семантичното сближаване на лексикалните единици, факт, подчертаван от повечето семасиолози. Затова за изследване се вземат отделни лексикални микросистеми, групирани въз основа на семантичния критерий. Така се стига до обособяване на красен брой лексико-семантични полета, при групирането на които се прилагат или отделни елементи от метода на компонентно-семантичния анализ, или се има предвид общата представа за компонентната структура в значението на лексиката.

Връзката между теорията за системната полева структура на лексиката и практиката на компонентно-семантичния анализ се признава във всички изследвания по семасиология. Ето как я формулират Гулига и Шенделс: “Теорията за структурно-семантичните полета не изключва компонентния анализ, напротив, тя може да има твърда основа само ако се опира на неразчленимите повече смислови единици: теорията за полевата структура на

лексиката и анализът по семи взаимно се допълват” [10, с. 269]. При интегрирането на двата семантични подхода в лексиката – “полеви” и компонентен – доминиращо значение има, разбира се, първият. Анализът на конкретния фактически материал потвърди известните положения, че: 1. Семантичните полета не са строго изолирани, а се преплитат и си взаимодействуват; 2. Между семантичните полета има сфери на привличане и отблъскване, които са обусловени от наличието на общи (интегрални) и диференциални семантични признаци; 3. В тях могат да се отделят централна и периферна част, при което центърът (доминантната семема) съдържа особеностите на целия семантичен комплекс; 4. Колкото се отива към периферията на семантичното поле, толкова повече отслабва връзката с доминантата и отделни семантични признаци и цели думи се откъсват от него, при което могат да се отнесат едновременно към две или повече семантични полета [вж. 13, с. 16 и сл.].

И така групирането на лексиката по структурно-семантични полета става около основна, “ключова” дума (доминанта), която съобщава “семантичната тема” на цялото поле.

Ако приемем, че доминантата е семема, то архисемата ще съдържа обобщаващия интегрален признак, а зависимите от нея множители – съответните диференциални признаци. Ако за нулев ред на зависимост или за абсолютна позиция приемем интегралната сема, съответните диференциални признаци ще бъдат в различен ред на зависимост.

Според отношението на семите към плана на израза Л. М. Василиев [4] различава експлицитни и имплицитни семи. *Експлицитни семи* се наричат тези, които имат явен словообразователен (морфемен) или синтактичен (лексемен) израз. *Имплицитните семи* нямат явен израз във формата на лексико-граматичното изразяване. Заедно с другите семи те се съотнасят към една и съща лексема или морфема. По такъв начин имплицитните компоненти от значението се изявяват, както изтъква Л. М. Василиев, само в лексико-семантични опозиции и чрез контекста, т. е. отнасят се към т. нар. “скрита граматика”. Уточняваме, че контекстът не създава, а само актуализира една или друга имплицитна (потенциална, конотативна) сема [20, с. 219].

Вредица изследвания по семантика се подчертава, че значението на думата се образува от наслагването на семантичните признаци. Но, както правилно отбелязва А. М. Кузнецов [13, с. 26], семантичният

признак не може да бъде реализиран в чист вид в нито една дума. В конкретните значения на отделните думи фигурират само семантичните компоненти, тъй като признакът представлява идеална същност и се проявява само при противопоставянето най-малко на две думи. Във връзка с това авторът предлага следната схема на взаимодействието и взаимовръзките между елементите на минималната смислова единица:

минимална смислова единица

семантичен признак	семантичен компонент
интегрален и диференциален	скрит и явен

От схемата става ясно, че взаимната обусловеност между семите води до това, че един и същи признак в зависимост от степента на своята окрупненост може да бъде диференциален и интегрален [13, с. 26–27]. Тази принципно правилна постановка на Кузнецов приемаме с уговорката, че думите се обединяват в дадено лексико-семантично поле не около общ интегрален семантичен признак, а около общ интегрален семантичен компонент.

Класификацията на относителните прилагателни имена по структурно-семантични полета е процес, който се усложнява извънредно много от тяхната потенциална нееднозначност, полисемантичност, дифузност, тъй като са контекстово зависими. За да се избегне субективизмът на интуитивното определяне на семите и полевата структура на значението, използваме трансформационни процедури по линията на непосредствено съставящите, чрез които дълбочинната семантика посредством изречения на трансформация се превръща в повърхностна семантика на адекватно-субстантивната синтагма с точно открояване и формулиране на семантичните признаци.

Целта на групирането на относителните прилагателни имена в краен брой структурно-семантични полета е да опишем и съпоставим отделните лексеми на основата на семантичната им същност: наличие на опосредстван денотат и статус на относителна самостоятелност в рамките на именната синтагма или на по-широк вербален контекст.

При класификацията на фактическия материал* се очертаха следните структурно-семантични полета относителни прилагателни:

* Фактическият материал наброява около 2 000 лексеми, експерпирани от тритомния Речник на съвременния български книжовен език (Т. 1–3, С., 1955–59) и от други лексикографски издания.

за *материален произход и състав*; за *предназначение и цел*; за *вид и разновидност*; за *пространство и време*; за *притежание*; за *свойство*.*

Лексемите, които отнасяме към съответните полета, влизат в тях не изцяло, а само с едно от своите значения. Това обуславя открития характер на семантичните класове.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНО ПОЛЕ ЗА МАТЕРИАЛЕН ПРОИЗХОД И СЪСТАВ

Интегралният компонент, който е общ за цялото поле, е 'материал', а диференциалните признаци, които отъждествяват, но и съпоставят, противопоставят думата в границите на полето се модифицират в зависимост от значението на лексемата, на неговата структура, поставяща го в определена група (подполе), са признаците 'състав', 'вещество', 'конкретност'.

Интегралният компонент 'материал' е по-общ и обобщаващ спрямо диференциалните признаци – той ги обединява като крайни семантични съставлящи на даденото поле. Те от своя страна го разчленяват в една последователна вътрешно-семантична детайлизация – включването на признаците един в друг – от по-тесни към по-широки, от по-конкретни към по-абстрактни, от по-частни към по-общи.

Модификацията на диференциалните признаци е в зависимост от степента на тяхната конкретност.

В семантичната структура на прилагателните от полето за материален произход и състав преобладават абсолютните семантични компоненти, които пряко се съотнасят към денотата на мотивиращите единици и следователно са добре изразени денотативни признаци. Относителните, сигнификативните, които в основата си са мисловни, логически, тук са по-незначителни по брой и характер. Докато първите идентифицират адекватното значение с денотата, с обекта на название и отражение, вторите – относителните, квалифицират по определен начин значението като цяло и в отделните му съставлящи като структура и микросистема. Такива

* Подобна семантична класификация на относителните прилагателни имена при Ст. Георгиев в *Морфология на съвременния български книжовен език*, В. Търново, 1985, с. 106

тук са отчасти признаците 'състав', 'конкретност', които характеризират и обобщават логически абсолютните като 'материал', 'вещество'.

Модификацията на признака 'вещество' се базира върху характера на обективната даденост, осмислена като признак според състава на веществото (восък, въглища, вар, земя, пръст, глина), състав от веществен предмет (камък, слюда, мрамор, растение, дърво), състав от метал (алуминий, желязо, бронз, платина, цинк), състав от течност (вино, вода, ракия, коняк), състав от събирателна предметност (баластра), състав от материя (бархет, брезент, плюш, басма, американ, кадифе) и др. Тази модификация може да се разчлени още и това ще зависи от семантиката на прилагателните имена, като обособяването на тази отнесеност със съдържанието на вещество в денотата не е безкрайна. Тя се разчленява дотогава, докато има семантична значимост, докато влияе върху семантичната структурираща роля на признака, в налагането на семантичните различия, даващи податки за семантично обобщаване в определена посока, например: състав от вещество – към подгрупата за материал (*глинен съд, бетонна стена, пръстена паница, мраморен под, каменна ограда, порцеланова чиния*); състав от веществен предмет – към характерна разновидност на предмет (*шоколадова есенция, захарен сироп, какаова торта, царевичен хляб, пшеничено нишесте, слънчогледово масло*); състав от метал – към качествено изтъкване (*платинено колие, сребърен нож, златен пръстен, оловна втулка, медна жица*) и др. Това осмисляне е логическо, в посока на определена понятийна абстрахираност, субективна преценка.

Модификацията на признака 'конкретност' зависи от степента на изразеност на конкретността – от вещество в буквалния смисъл на съответствие с денотата до известно обобщаване на конкретното.

В семантичния клас с архисема 'материал' при относителните прилагателни имена описваме не отделни думи, а реда семантично свързани един с друг елементи в такава система, в каквата те съществуват в езика. Ще подчертаем още веднъж, че разделяме относителните прилагателни по семантични полета и тематични групи въз основа на казаното от лингвистиката, че лексиката е набор от значими единици на езика (лексеми), които образуват система. Така към структурно-семантичното поле за материален произход и състав отнасяме относителни прилагателни като *цинков* (кофа), *меден* (гаванка), *стомащен* (пружина), *липов* (дъски), *кожен* (кресло),

чугуен (радиатор), оловен (детайл), сребърен (поднос), каменен (корито), коралов (гердан), железен (брънка), кристален (чаша), дървен (сандък), мраморен (паметник), циментов (разтвор), яитарен (колие), винен (оцет), киртичен (постройка), дървесен (пепел), снежен (къщичка) и т. н.

При компонентно-семантичния анализ на разглежданите лексеми като диференциални относителни семи могат да се отделят 'състоящ се от', 'направен от', образуван от'.

Към същото поле, но с диференциални семи 'тъкан', 'материя' са лексемите *американен* (възглавница), *сърмен* (колан), *кадифен* (панталон), *плюшен* (завеса), *копршен* (блуза), *басмен* (пола), *найлонов* (чувал), *хасен* (чаршаф) и др.

Групирането на относителните прилагателни имена по тези признаци дава представа за особената вътрешна организация на езика и по-конкретно за организацията на думите от тази част на речта. Създава се особен език на описанието, с който се причисляват денотатите на всяка отделна единица към определена денотативна отнесеност. По този начин прилагаме следния подход при построяването на метаезика за описание на значението, предложен от А. Гудавичюс: извличаме елементите на метаезика от данните, получени при анализа на семантичната система на езика по пътя на противопоставянето между близки по значение думи и изрази [11]. Определените семантични компоненти са елементарни смислови единици, определени комбинации, които влизат в състава на номинативното значение на думата. Тези единици са *пределни*, т. е. не могат да се разделят на по-малки смислови компоненти. Освен това те са *еднопланови*, тъй като се съотнасят само с плана на съдържанието.

От казаното следва, че значението за материален произход и състав се свързва с отношението към материална същност на предмета, с признак, който фиксира вещественото съдържание на предметите и набляга на материала, от който са направени. Относителният признак е производен и представя вещественото като страна, особеност и в този смисъл частичност спрямо качествената особеност на предмета.

В това обективно положение на зависимост между предметно-материалната даденост, когато една даденост се включва в друга и става нейна особеност, осъзнавана като признак на предмета, е

заложена денотативната основа на адективното значение на прилагателните от това структурно-семантично поле – значение, което е номинативно-денотативно и познавателно-сигнификативно, както и дистрибутивният периметър на тези лексеми.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНО ПОЛЕ ЗА ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ЦЕЛ

Семантиката на относителните прилагателни имена, които отнасяме към семантичното поле за предназначение и цел, е свързана с отношение към предмета, изразен с мотивиращата единица – съществително или глагол. В случаите, когато мотивиращата единица е глагол, словообразователният формант засилва значението за действие и производното относително прилагателно придобива специфична структура, която всъщност е структурата на номинативната единица. Така интегралният компонент, инвариантен за лексемите от семантичното поле за предназначение и цел 'предназначен за', се конкретизира от признака за действие и се превръща в ономасиологична база на относителните прилагателни, образувани от глаголи, а диференциалните признаци, взети също в обобщената им характеристика – в ономасиологични признаци. Или тук ономасиологичната база за действие съвпада с основния номинативен признак, а ономасиологичният признак – с характеризирания номинативен признак.

Диференциалните семи, които, от една страна, приобщават съответните лексеми към семантичното поле за предназначение и цел, а, от друга – ги обособяват като самостоятелни единици, са: 'който служи за', 'употребяван при'.

С най-широк периметър на действие в рамките на архисемата 'предназначен за' е диференциалният признак 'който служи за', например *родилен* (дом, зала), *игрален* (салон, клуб), *спален* (вагон, помещение), *танцов* (площадка), *тъкачен* (стан), *впрегатен* (кон), *сметачен* (машина), *предачен* (машина) и др.

Значението на семантичния множител 'който служи за' е тясно свързано с 'необходим за'. Двата диференциални признака поясняват две страни на по-общия – 'действие'. Значението им е сходно, но не идентично, например алармен – 'който служи за', а не 'който е необходим за' (алармен сигнал). Семата 'който е необходим за' е от

първи ред на зависимост в случаи като: *квалификационен* (курс), *научен* (експедиция), *просветен* (учреждение), *блокаден* (операция) и др.

Семата 'употребяван при' е самостоятелна дотолкова, доколкото е синонимна на 'който служи за', но с по-тясно значение, т. е. един предмет може да служи за определена дейност (*рисувателен* – за рисуване – рисувателен лист; *музикален* – музикални изпълнения – музикален салон), но той става 'употребяван при', когато влезе в действие неговото предназначение: рисувателна четка – четка, употребявана при рисуване, а не при боядисване. Следователно семантичният компонент 'употребяван при' е в по-силна контекстова зависимост от 'който служи за'.

С обща ономазиологична база 'действие', която е конкретна реализация на 'предназначен за', са голяма група "полусложни" относителни прилагателни имена [15, с. 18], образувани от основи на съществителни и морфема *анти-*, например: *антиамерикански* (демонстрация), *антидемократически* (възгледи), *антинаучен* (възгледи), *антиобществен* (прояви), *антипартиен* (действие) и мн. др. Признакът 'действие' тук се носи от морфемата *анти-*. Именно тя противопоставя значението на производното относително прилагателно на мотивиращото го съществително.

Относителният признак в значенията на словоформите от семантичното поле за предназначение и цел е запазен в живата връзка между определения предмет с друг предмет.

Редът лексеми, обединени около архисемата 'предназначен за' в структурно-семантичното поле за предназначение и цел, може да бъде продължен с примери като *рекламен* (афиш), *декоративен* (цветя), *балетен* (пантофки), *бален* (рокля), *туристически* (скипировка), *вечерен* (тоалет), *десертен* (чиния), *театрален* (билет), *зимен* (облекло), *супен* (лъжица), *вълчи* (сачми), *овчи* (ясла), *бетонен* (желязо), *воден* (чаша), *сигнален* (фенерче), *зеленчуков* (магазин), *студентски* (поликлиника), *хоров* (песен), *туристически* (обувки), *бирен* (фабрика), *бебешки* (бельо) и пр.

В тази сравнително обобщена структура на относителните прилагателни имена от структурно-семантичното поле за предназначение и цел като диференциални признаци фигурират още 'необходим за', 'насыщен', 'потребен'. Тяхната модификация е обща дотолкова, доколкото лексемите от този клас имат засилено пред-

метно и действено предназначение. В същото време, като думи, в чието значение преобладава сигнификативният аспект, една от посочените диференциални семи е основна, тъй като е актуализирана от контекста на именната синтаagma: бален – 'предназначен за тържествена вечер' – бална рокля; детски (в основното си значение) – 'предназначен за деца' – играчки, литература, конфекция; женски – 'предназначен за жена' – накити и т. н.

Модификацията на семантичния компонент 'с цел' е в по-голяма зависимост от външния (вербалния) контекст и се осъществява в рамките на синтагми, чиито семантичен център са съществителни имена със значение за действие или обществено явление, свързано с някакво действие или подчинено на определени цели, например: *мирен* (преговори), *помощен* (стопанство), *трудов* (възпитание), *заешки* (лов) и др.

Системната организация на относителните прилагателни имена от структурно-семантичното поле за предназначение и цел също се основава на принципа за чифтно противопоставяне на лексемите. При това всяка лексема реализира едно от значенията си и с него се подчинява на интегралния семантичен компонент.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНО ПОЛЕ ЗА ВИД И РАЗНОВИДНОСТ

Лексемите, които отнасяме към структурно-семантичното поле за вид и разновидност, имат значение за класификация, за причисляване към даден вид, означен с мотивиращата единица. Като имаме предвид семантико-граматичните особености на относителните прилагателни имена от другите семантични полета, с които полето за вид и разновидност е в системни отношения, можем да приемем, че архисемата тук е 'сборност'. Семантичните множители, а именно 'проява', 'причисляване', 'приобщеност', се отнасят към посочения интегрален компонент като частно към общо. Към посочените диференциални признаци могат да се добавят още 'притежателност' и 'зависимост'.

Наличието на сравнително голям брой диференциални признаци (семасиолозите посочват, че те могат да бъдат най-много

шест) за прилагателните от семантичното поле за вид и разновидност може да се обясни с факта, че мотивиращите ги единици са главно от чужд произход и принадлежат към най-различни функционални стилове на лексиката.

Като имаме предвид казаното, а също и разнообразната модификация на диференциалните признаци, смятаме, че в случая от решаващо значение е принципът за индивидуално общуване. Върху тази основа анализираме вътрешната организация на семантичното поле за вид и разновидност. Ето и част от лексемите, които се отнасят към него: *мемоарен* (книга), *избен* (помещение), *авантюрен* (роман), *автокефален* (църква), *акварелен* (бои), *акредитивен* (писма), *бактериологичен* (война), *трофеен* (оръжие), *женски* (влияние), *камбанен* (звън), *родителски* (подкрепа), *танков* (атака), *партизански* (отряд) и др.

Включените в това семантично поле единици могат да се съпоставят по своите признаци. Именно въз основа на това съпоставяне сме извели елементарните смислови единици. Така в структурно-семантичното поле за вид и разновидност, както и в останалите, включваме относителни прилагателни, обединени от общи елементи в предметно-логическото им съдържание. А самите компоненти в значението са първостепенни, които се разпространяват върху цялото поле, и второстепенни, които са съществени в рамките на определено подполе', каквото в случая е подполето за видово причисляване според дейност. Семантичният доминант тук е 'причисляване', а диференциалните признаци съответно 'конкретност', 'дейност'. Значението на относителните прилагателни имена от семантичното подполе за видово причисляване според дейност може да се обобщи като 'дейност, свързана с определен предмет, който се засяга или е средство, придружаващо проява', например: *демонстративен* (поведение), *спасителен* (операция), *оздравителен* (комплекс упражнения), *обновителен* (процес), *залесителен* (работи), *лингвистичен* (анализ), *зенитен* (боеве) и др.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНО ПОЛЕ ЗА ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЕ

Семантичното описание на относителните прилагателни от полето за пространство и време комбинира лексеми върху основата на предварително зададен интегрален компонент, в случая 'там, където' и 'тогава, когато', върху които се диференцират конкретните значения и се построява комбинация от едноплатови единици. Семите тук са обединени от логическата връзка между логически обусловените пространствено-временни понятия, но с установяване на еднозначни съответствия между изразяваното и съдържанието. Така в структурно-семантичното поле за пространство и време се обособяват две подполета: едното – с ключова дума 'локалност' и конкретизация на пространствени понятия, а другото – с ключова дума 'темпоралност' и уточняване на някакъв отрязък от време.

Със сравнително добре очертани граници е семантичното подполе за локалност, където диференциалната сема от първи ред на зависимост е актуализирана като интегрална, обединяваща голям брой относителни прилагателни от съществителни-топоними, названия на местности, населени пунктове и др., например: *амазонски* (пейзаж), *варненски* (плаж), *пловдивски* (панаир), *рогозенски* (златно съкровище), *плевенски* (панорама), *венециански* (търговец), *софийски* (срещи), *анадолски* (поборители), *баварски* (танц), *багдадски* (крадец), *девненски* (низина), *балвански* (битка) и мн. др. Реализацията на диференциалните признаци в контекста на именната синтагма е предпоставката, която ги формулира като 'място на', 'място за', 'място към', 'място около', например: *полски* (работа), *скален* (убежище), *уличен* (боеве), *източен* (страна), *горски* (поляна), *домашен* (разправия), *къщен* (работа), *ресторантски* (истории), *складов* (транспорт) и пр.

Абстрахирането от конкретните лексикални значения на думите от семантичното подполе за локалност 'там, където' се модифицира и от семантичния множител 'място, необходимо за', например: *фризьорски* (салон), *вилно* (място), *агитационен* (пункт), *снимачен* (площадка), *концертен* (зала) и др.

Към системата от диференциални признаци тук могат да се прибавят още 'който се намира', например: *пустинен* (мираж),

източен (изложение); 'който живее', например: *речен* (риба), *полски* (мишка), *плодов* (червей), *зелев* (пеперуда), *вишен* (мушици); 'който е близо до', например: *черноземен* (район), *пристанищен* (квартал), *речен* (долина); 'насочен към', например: *софийски* (vlak), *северен* (експедиция), *южен* (вятър), *флангов* (удар); 'който произхожда от', например: *японски* (роза), *дунавски* (порода овце), *тервелски* (сорт пшеница) и др.

В рамките на разглежданото поле, но с актуализиран интегрален семантичен компонент 'размер' и диференциални описателни и относителни семи 'обем', 'величина', се отнасят относителни прилагателни с обобщено значение 'признак на предмет, който се определя от това каква част заема от пространството'.

В модификацията на диференциалните признаци присъствуват обикновено два момента: на конкретно и на преносно-метафорично значение, при което актуални ще бъдат емоционално-експресивните семи, например: *безбрежен* (море), *безкраен* (вражда), *безмерен* (пространство), *безпределен* (обич), *исполишки* (сила), *необятен* (простор), *неограничен* (власт) и др.

Прилагателните имена от структурно-семантичното поле за пространство и време с интегрален семантичен компонент 'размер' притежават собствено-оценъчно значение, т. е. в зоната между прилагателните със собствено-оценъчна семантика – качествените прилагателни и прилагателните, участващи в денотативната структура на именната синтагма – относителните, – се намират прилагателните от семантичното поле за пространство и време. Тази размитост на границите между класовете думи е едно от най-характерните свойства на признаковите думи. Сравни: подвижни граници между качественни и относителни прилагателни, неопределени, нефиксирани строго граници между семантичните полета при относителните прилагателни.

Интегрален семантичен компонент в подполето за време с 'темпоралност', а диференциалните признаци – 'време до', 'време след', 'време през', например: *дневен* (светлина), *коледен* (пости), *предсмъртен* (агония), *ранен* (петли) и др.

Семантичното подполе за време се оформя върху взаимно допълващите се и актуализирани от вербалния контекст семи като: 'намиращ се във времето', например *вечерен* (здрач), *есенен* (листа), *празничен* (веселие), *зимен* (облаци), *илинденски* (въстание),

мартенски (музикални дни) и др.; 'предвиден за времето', например: *дневен* (норма), *декемврийски* (план), *януарски* (сесия), *годишен* (доход), *седмичен* (почивка), *едноминутен* (мълчание), *тримесечен* (продукция), *семестриален* (отчет) и др.

Семантиката на лексемите от структурно-семантичното поле за пространство и време е с подчертано сигнификативен характер, но в случаите, когато техни мотивиращи единици са предложни съчетания (предсмъртен), на преден план излиза денотативният аспект в значението им.

При описанието на структурно-семантичното поле за пространство и време се ръководиме от правилото, че една дума се описва чрез значението на друга дума на основата на лингвистичното тждество, както в тълковните речници. При това семантичните инварианти притежават допълнителни признаци, с които съществуват самостоятелно в рамките на даденото семантично поле или подполе.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНО ПОЛЕ ЗА ПРИТЕЖАНИЕ

Относителните прилагателни имена, които отнасяме към семантичния клас за притежание, в своето абсолютно значение отразяват обективната действителност или мисловните процеси в тяхната признакова определеност или отличителност. В състава му те участвуват и съществуват като лексико-семантични варианти, чиито граници се определят от семантиката на определяемата дума.

В рамките на разглежданото поле влизат относително най-голям брой лексеми. Най-общо те имат значение за принадлежност и едновременно изразяват проява, сборност и др. Това говори за семантично разнообразие на словоформите от това поле. В зависимост от семантиката на мотивиращите ги единици, образуваните по пътя на морфемната деривация относителни прилагателни имена могат да изразяват следните видове принадлежност: индивидуална, родова, притежателна зависимост и принадлежност по вид и разновидност. Интегралният семантичен компонент, семата с инвариантно значение тук е 'принадлежност', а диференциалните признаци – 'причисляване', 'характерност', 'атрибут на'.

Анализирани откъм съдържателната си страна, лексемите от семантичното поле за притежание изразяват притежателна зави-

симост, отпесена към лице, означено с мотивиращата единица. Това значение се обобщава като типичен признак, характерен за определения предмет като негова диференцираща, а не индивидуална особеност.

Модификацията на диференциалните признаци зависи от степента на тяхната конкретност. В семантичната структура на прилагателните от семантичния клас за притежание се наблюдава добре изразен денотативен признак, тъй като мотивиращите ги съществителни се отнасят към семантичното поле за предметна същност – съответно с подполега за одушевена същност (персоналност и неперсоналност) и неодушевена същност.

При непосредствената реализация на диференциалните признаци в речта, в зависимост от вербалния контекст, при преносно-метафорична употреба, лексемите от този клас могат да развият качествено-характеризиращи значения.

Компонентно-семантичният анализ на фактическия материал показва, че към семантичното поле за притежание се отнасят словоформи, които при трансформационен анализ и при индивидуално тълкуване на значението на всяка лексема се свеждат до следните обобщени модели: 'който принадлежи за постоянно ползуване', 'който принадлежи като авторско право', 'който принадлежи по роднинска или служебна линия', 'който принадлежи като означение', например: *воденичен* (колело), *вуйчов* (колекция), *адвокатски* (шледоария), *църкелов* (гнездо), *съдийски* (тога), *лакейски* (поклон), *монашески* (килия), *следователски* (подход), *генералски* (пагон), *царски* (дворец), *ефрейторски* (нашивки), *прокурорски* (реч), *партизански* (име), *мечи* (бърлога), *кукурузен* (листа), *момченишки* (лудории), *бебешки* (снимка), *работнически* (инициатива), *бригаден* (сметка), *офицерски* (пагон), *калугерски* (расо) и мн. др.

В рамките на семантичното поле за притежание влизат и относителни прилагателни за индивидуална принадлежност. Всичките са образувани от съществителни собствени, например: *Китанов* (глас), *Стаичов* (пож), *Стоичков* (върба), *Иванкин* (фамилия), *Лешинови* (тезиси), *Цветиши* (очи), *Крали-Марковски* (сила) и др.

В йерархическа зависимост от архисемата 'притежателност' е диференциалният признак 'характерност', който доминира в словоформите: *вдовишки* (посоля), *детски* (глас), *женски* (смях), *стар-*

чески (походка), *юношески* (лекомислие), *братски* (прегръдка), *мъжки* (стъпки), *майчин* (грижа), *аристократичен* (маньер), *сиромашки* (къща), *хулигански* (постъпка), *джентълменски* (жест), *шопски* (инат) и др.

Към семантичното поле за притежание с диференциални относителни признаци 'произлязъл от', 'произведен от' включваме относителни прилагателни като: *азиатски* (нрави), *сибирски* (нефт), *немски* (точност), *африкански* (музика), *японски* (прецизност), *столичен* (шум), *американски* (оръжие), *империалистически* (планове, агресия), *съветски* (инициативи), *български* (предложение) и др.

Диференциалните признаци 'свързан с', 'зависим от', 'характеризиран според' отнасят към същото семантично поле и прилагателните: *курортен* (поликлиника), *мирен* (переговори), *аграрен* (въпрос), *амбулаторен* (преглед), *снаряден* (вой), *мишъорски* (труд), *ученически* (храна), *капиталистически* (експлоатация), *военен* (промишленост) и др.

Прегледът на относителните прилагателни имена от структурно-семантичното поле за притежание показва, че в словообразователно и семантично отношение съществуват два подкласа лексеми: в единия подклас производните единици запазват семантиката на мотивиращите ги съществителни (амбулаторен, военен), като относителните прилагателни изразяват значението си за качество чрез отношение към мотивиращата субстанция. Към другия подклас се отнасят лексеми, които на базата на префиксалната морфема *анти-* развиват противоположно значение (*антивоенен*, *антибългарски*, *антиимпериалистически*).

Лишени от собствена оценъчна функция, относителните прилагателни встъпват в денотативната структура на именната сингама, където семантичен център е съответното съществително име. Но относителното прилагателно не е само "добавка", а означава обобщен, абстрахиран признак на предмета и се характеризира с предметна сборност. То определя частичната сборност по съвпадащи признаци.

Част от лексемите от разглежданото поле са актуализирали като архисема семантичния множител 'присъщ на', например: *божи* (слово), *народен* (умотворения), *дяволски* (работа), *философски* (разсъждения), *педагогически* (такт), *академичен* (обучение), *исторически* (виждане) и др.

Многократно изтъкваната особеност, че границите на структурно-семантичните полета на относителните прилагателни имена са подвижни, се потвърждава от факта, че някои лексеми, които с основното си значение се отнасят към полето за притежание, с производните си значения спадат към семантичното поле за свойство. Това се отнася за случаи като: *политически* (въпроси) и (мъдрост), *женски* (свят) и (смях), *майчин* (дреха) и (грижа), *братов* (колекция) и (грижа), *руски* (нефт) и (характер), *офицерски* (пагон) и (стойка), *царски* (дворец и милост), *лекарски* (слушалки) и (отзивчивост), *лакейски* (ливрея) и (поклон), където в съчетание с първите съществителни определения-относителни прилагателни се отнасят към семантичното поле за притежание, а с вторите – към семантичното поле за свойство.

И все пак структурно-семантичното поле за притежание е със сравнително добре очертани рамки, тъй като интегралният семантичен компонент отчетливо се конкретизира от съответните диференциални признаци. Те означават такова отношение между предметите, при което единият се включва в сферата на някаква зависимост като негова опосредстваност. При компонентно-семантичния анализ на лексемите от това поле се диференцират голям брой признаци от първи и трети ред на зависимост, което се дължи на производността на обобщения признак. В семантиката им са застъпени и обективни и субективни признаци, опосредствани чрез субстанция в най-широк смисъл.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНО ПОЛЕ ЗА СВОЙСТВО

Структурно-семантичното поле за свойство има усложнен семантичен състав, тъй като интегралният семантичен компонент има компаративен характер. Затова, с изключение на терминологичните образувания по-голямата част от лексемите, които влизат в него, имат качествено-квалификативен характер.

Следователно при определяне границите на полето за свойство от особено значение е семантиката не толкова на мотивиращата база, колкото значението на именната синтаagma и даже по-широкия вербален контекст, в състава на който се реализира компаративният компонент 'както при'.

С най-широк периметър е модификацията на диференциалния признак 'свойствен на', който в рамките на разглеждания клас е от първи ред на зависимост, а в определени случаи, главно при производни, образувани от съществителни собствени, се актуализира като архисема. Така тя придобива обобщено-системно значение и се съдържа в смисловата структура на всички лексеми, неутрализиращи около нея, а самите лексеми образуват организирана подсистема. Следователно семантичният клас за свойство е общ парадигматичен ред за разлика от частните, включени в него върху основата на общи понятийни или други, например конативни признаци.

Към семантичното поле за свойство отнасяме относителни прилагателни като: *агрегатен* (състояние), *адекватен* (признак), *истински* (ковбой), *скотски* (страсти), *варварски* (наказание) и др.

Повечето лексеми от това поле участвуват в него като равностойни компоненти с основното си значение. В тези случаи общото значение за свойство може да се сведе до 'присъщ на', 'проявяващ се', 'проявен от', 'специфичен за', например: *старчески* (болести), *Колчов* (доброта), *братов* (самолюбие), *бащин* (ласка), *Вазов* (патриотизъм), *гробен* (тишина), *летен* (горещина), *класов* (солидарност), *парфюмен* (миризма), *теменужен* (дъх), *женски* (болести), *офицерски* (стойка) и др.

В други случаи обаче може да настъпи промяна в семантиката на лексемите от семантичния клас за свойство: отслабва конкретният признак и се развива абстрактен признак за качество. При актуализиране на емоционално-експресивните семи относителните прилагателни търпят сложни промени в структурата си, които могат да доведат до загуба на денотативния компонент в значението им. Лексемите, които влизат в семантичния клас за свойство с вторичните си значения, а те най-често са наследени от мотивиращата единица, имат по-широка синтактична валентност и са способни да образуват адекватни съчетания, качествено-определителни наречия и предложно именни форми.

Независимо дали в контекста относителните прилагателни имена от семантичното поле за свойство участвуват с прякото или с преносното си значение, диференциалните им относителни признаци са 'характерен', 'специфичен', 'присъщ', 'типичен'.

Инвариантното лексикално значение на лексемите от разглежданото поле е 'който е с ярки черти, присъщи само на него'.

Модификацията на диференциалния признак 'характерен' е в засилена контекстуална зависимост. Реализиран в контекста, той посочва най-ярките особености на някого или нещо (лице, група лица, предмети), свързани с него, отнасящи се до него, по които може да бъде отличен от другите, например: *колегиален* (взаимопомощ), *мъжки* (грубост), *боров* (дъх), *бисерен* (блясък), *бакърен* (цвет), *бирен* (горчивина), *царски* (милост).

Диференциалната сема 'присъщ на' е свързана с начина, по който действува някой в определени случаи, с нещо, което е свързано с вътрешната природа на дадена същност, например: *кучешки* (преданост), *молишки* (гордост), *волски* (кроткост), *бабешки* (бъбривост), *заешки* (слух), *байганьовски* (наглост), *магарешки* (инат) и др. От примерите се вижда, че като членове на именните синтагми определения-прилагателни имена са със склонност към преносно-метафорична употреба, която може да се развие до степен на пълното им окачествяване. От структурно-семантична гледна точка това се обяснява с факта, че в подобни случаи за сметка на денотативната функция, се актуализира тяхната оценъчна функция. Така, на речево равнище, върху денотативния компонент се наслаждава квалификативен и семантиката на тези лексеми трябва да се анализира от прагматичен аспект.

По-различна е модификацията на признака 'специфичен за'. Той има компаративен характер и подчертава отликата на някого или нещо чрез съпоставка, например: *истински* (наследник), *местен* (кадър), *единствен* (клиент), *мъртвешки* (бледност), *есенен* (киша), *мишен* (вой), *спаряден* (съсък) и др.

Диференциалният признак 'типичен за' е изразител на трайна, постоянна черта, инвариантна за всички лексеми от семантичното поле за свойство. Реализацията ѝ в речта е сходна с реализацията на семата 'присъщ на', т. е. описателната диференциална сема 'типичен' е неотменен компонент на относителните прилагателни от разглежданото поле и съвзможност да се актуализира като интегрален при подходящи контекстови условия. Тя приобщава към него голяма група термини с хуманитарно-философски характер, например: *аналитичен* (език), *антагонистичен* (отношения), *авантюристичен* (решения) и др. Тъй като тук лексикалният материал е терминологичен, диференциалните семи от втори ред на зависимост могат да се изведат само като се опираме на устойчивите съчетания, т. е.

прилагателните имат свързано, фразеологично значение. По такъв начин въпросът се свежда до отделянето на такива признаци (експлицитни и имплицитни), които са съществени за явлението само по отношение на връзката му с друго явление и при това за свойства, вече закрепени за спецификата на другото название.

И така диференциалните признаци на прилагателни имена като *автоматичен* (оръжие), *демократичен* (управление), *колониален* (система), *общински* (самоуправление) и др. са 'специфичен за', 'характерен за'. Модификацията им се свежда до трансформационния модел на устойчиви съчетания, които имат следната обобщена конструкция: съществително + 'специфичен за', 'характерен за' + съществително, например: *аджамийски* (работа), *баламски* (решение), *бандитски* (нападение) и др.

В определени случаи диференциалните признаци 'специфичен за' и 'характерен за' също могат да поемат функциите на интегрални семантични компоненти, тъй като сигнификатът е обобщено и опосредствано от мисленето отражение на денотата, на неговата най-съществена част.

В изказването относителните прилагателни имена функционират в две структури, които могат да се реализират както съвместно, така и отделно. Това са денотативната и квалификативната им структура [5]. Двойната им функция съставя тяхната специфика като подклас думи. В действителност в семантиката си те съдържат качество на един или друг признак на предмета или събитието, отнесено към съответния денотат. Именните синтагми, в които участвуват относителните прилагателни с чисто относителното си значение, се отнасят към различните фрагменти от ситуацията. Затова и границите на очертаните от нас структурно-семантични полета са подвижни.

Като прилагаме метода на компонентно-семантичния анализ, ние правим опит да изработим метаезик на описанието въз основа на т. нар. базови предикати (семантични признаци), постулирани предварително чрез анализ на конкретен лексикален материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. А л и м п и е в а, Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы. Л., 1986.
2. А п р е с я н, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
3. Б о н д а р к о, А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
4. В а с и л ь е в, Л. М. Семантика русского глагола. М., 1981.
5. В о л ь ф, Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1976.
6. Г а к, В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова. – В: Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1971.
7. Г а к, В. Г. К проблеме семантической синтагматики. – В: Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
8. Г а к, В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале русского и французского языков). М., 1971.
9. Грамматика современного русского языка. М., 1980.
10. Г у л ы г а, Е. В., Е. И. Ш е н д е л ь с. О компонентном анализе значимых единиц языка. – В: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
11. Г у д а в и ч ю с, А. Компонентный анализ и описание значений слов. – В: Уч. записки высших учебных заведений Литовской ССР. Т. 21. Вильнюс, 1970.
12. К а р н а ц, Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М., 1959.
13. К у з н е ц о в, А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
14. Н о в и к о в, Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
15. П е р н и ш к а, Е. Семантика на сложните прилагателни имена в съвременния български език. С., 1980.
16. С е л и в е с т р о в а, О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
17. С о с ю р, Ф. де. Курс общей лингвистики. – В: Труды по языкознанию. М., 1977.

18. Толстой, Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. – Вопросы языкознания, 1963, № 1.
19. Филин, Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.
20. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
21. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
22. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л., 1979.
23. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1970.

БЕЛЕЖКИ:

¹ Редколегията не споделя някои положения от подхода на авторката във връзка със семантичната класификация на относителните прилагателни имена.

SEMANTIC CLASSIFICATION OF THE RELATIVE ADJECTIVES IN MODERN BULGARIAN

Lyubka Stoitchkova

The purpose of the present work is to reveal and justify the objective unity and system of the relative adjectives through a structural-semantic classification which, in its essence, is a categorial one too.

In the structural-semantic classification of this lenical microsystem we were guided by the theory and practice of the componential-semantic analysis, and in that respect greater precision is given to the notions lexeme – sememe, as well as to the structural hierarchy of the semes as parts of the sememes.

The following structural-semantic fields of the relative adjectives have been determined: of material origin and composition; of destination and purpose; of species and variety; of space and time; of possession; of characteristic.

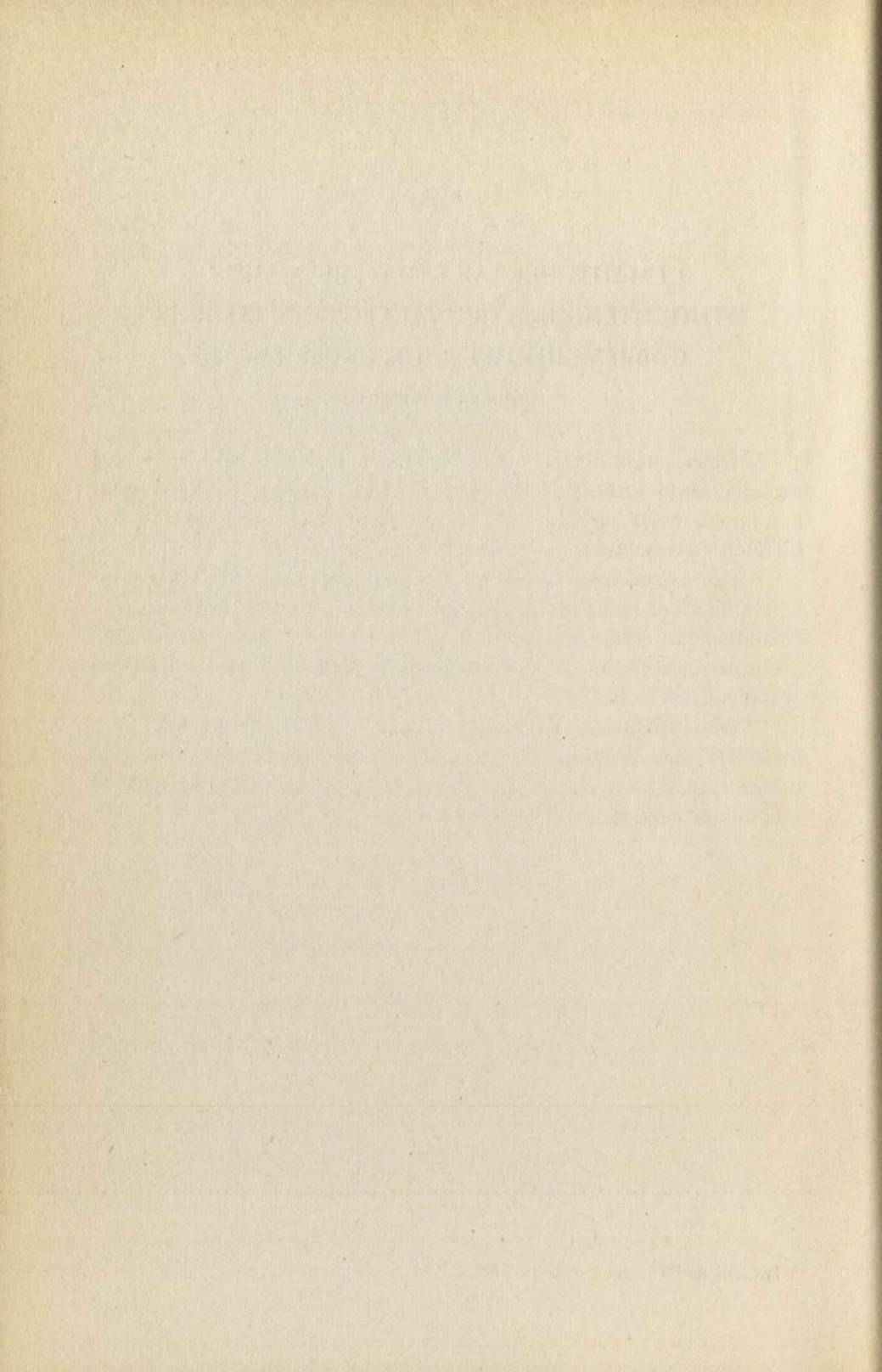
СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ИМЕН В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Любка Стоичкова

Цель настоящего исследования – раскрыть и обосновать объективное единство и системность относительных имен прилагательных посредством структурно-семантической классификации, являющейся по существу категориальной.

При структурно-семантической классификации этой лексической микросистемы мы руководствуемся теорией и практикой компонентно-семантического анализа, в связи с чем уясняются и уточняются понятия лексема – семема, а также структурная иерархия сем в составе семемы.

Обособлены следующие структурно-семантические поля относительных имен прилагательных: материального происхождения и состава; предназначения и цели; вида и разновидности; пространство и времени; притяжания; свойства.

ТРУДОВЕ НА ВТУ "СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
ВЕЛИКО ТЪРНОВО

Том 25 Книга 2

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ

1988

TRAVAUX DE L'UNIVERSITE "ST. ST. CIRILLE ET METHODE"
DE VELIKO TIRNOVO

Tome 25 Livre 2

FACULTE PHILOGIQUE

1988

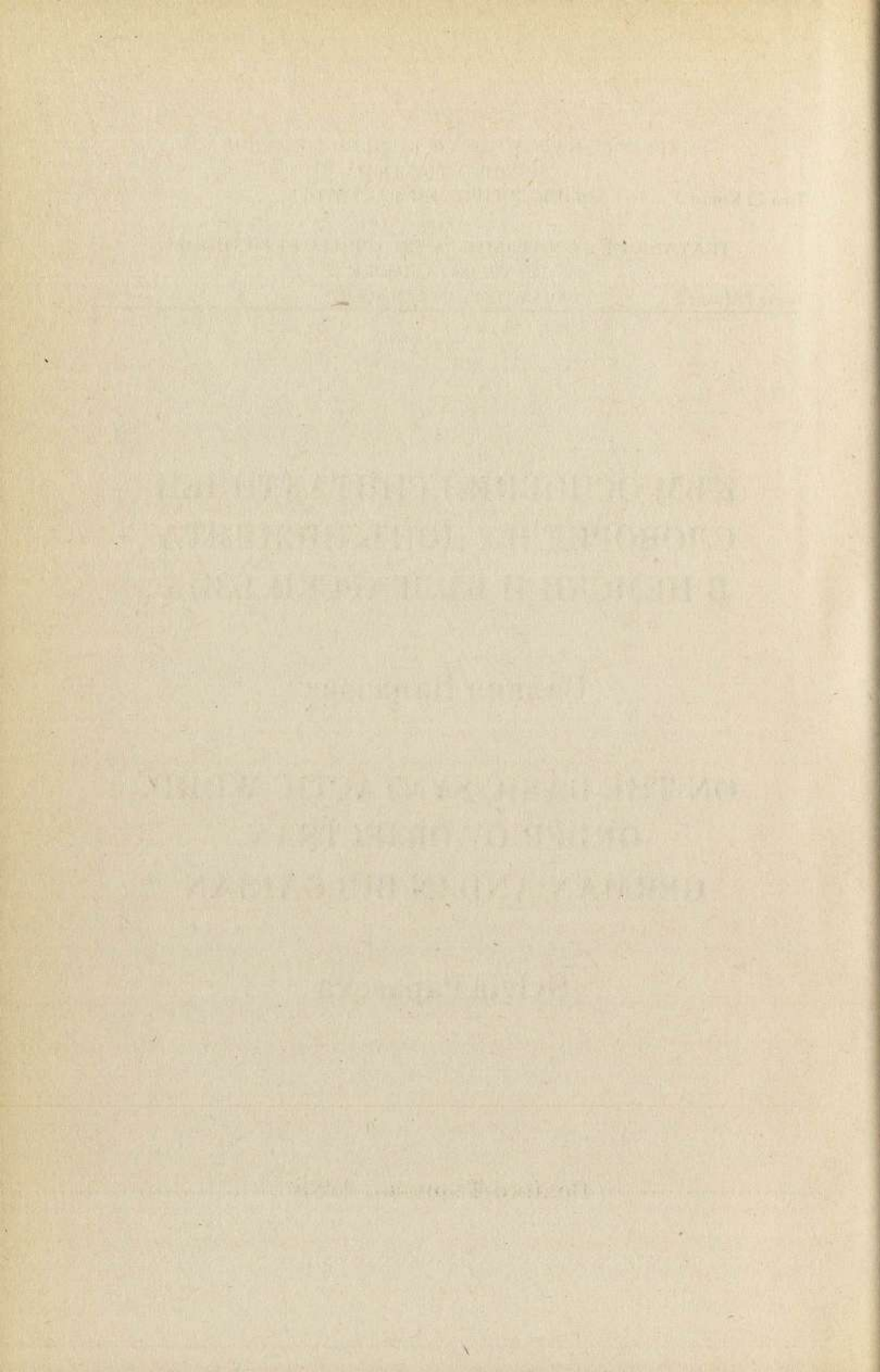
**КЪМ ОСНОВНИЯ СИНТАКТИЧЕН
СЛОВОРЕД НА ДОПЪЛНЕНИЯТА
В НЕМСКИ И БЪЛГАРСКИ ЕЗИК**

Силвия Папазова

**ON THE BASIC SYNTACTIC WORD
ORDER OF OBJECTS IN
GERMAN AND IN BULGARIAN**

Sylvia Papasova

Велико Търново, 1988

Aufgabe der folgenden Untersuchung ist es, die Konzeption einer systematischen Beschreibung der syntaktischen Grundreihenfolge im selbständigen Satz darzustellen und vor diesem Hintergrund die syntaktische Grundreihenfolge der Objekte im Deutschen und Bulgarischen zu untersuchen, was einerseits als Illustration der so dargestellten Konzeption aufzufassen ist und andererseits die Untersuchung eines syntaktischen Minimums der Satzstruktur und der topologischen Gesetzmäßigkeiten darin als erste Stufe einer umfassenden Untersuchung der Satzgliedfolge in beiden Sprachen darstellt. Bekanntlich umfaßt das syntaktische Satzminimum nicht immer und nicht nur Objekte als Ergänzungen des Prädikats neben dem Subjekt als ersten Aktanten, sondern die strukturellen Gesetzmäßigkeiten richten sich nach den Gesetzen der Valenz; jedoch kann ein strukturelles Satzminimum mit (obligatorischen und fakultativen) Objekten als repräsentativ für die Satzstruktur und Grundlage für die Erforschung topologischer Gesetzmäßigkeiten angesehen werden, die Hauptgegenstand unseres Themas sind. Dabei ist eine umfassende Beschreibung topologischer Gesetzmäßigkeiten mit so vielen, nur noch teilweise untersuchten und zum großen Teil theoretisch noch ungeklärten, z. T. sich widersprechenden Theorieansätzen verbunden, so daß hier von Anfang an der Untersuchungsrahmen und die Methoden stark eingeschränkt und auf die konfrontative Richtungslinie der Beschreibung orientiert werden müssen. Vom Prinzip eines mehrstufig aufgebauten Sprachsystems ausgehend, wollen wir uns schon jetzt auf die syntaktische Ebene konzentrieren und die morphologische, phonetische und semantische Ebene im Zusammenhang damit und ergänzend, nur z. T. in die Beschreibung einführen. Die syntaktische Ebene gibt uns jedoch als Basis eine feste Ebene der Sprachstruktur, die einen Ausgangspunkt für die teilweise Miterfassung benachbarter Ebenen der Sprachform, wie es die morphologische und die phonetische Ebene sind, sowie gleichzeitig die Einbeziehung der semantischen Ebene und sprachlicher Bedeutungen in die Untersuchung ermöglicht. Dabei sind die Konzentrierung auf die syntaktische Ebene und die Einschränkung der Rolle der anderen Sprachebenen zugleich mit einer wesentlichen Einengung des Untersuchungsrahmens verbunden: es handelt sich zunächst um die

Aufstellung abstrakter topologischer Grundstrukturen (sog. syntaktische Grundreihenfolge, system ordering)¹, mit denen zugleich das Problem des tertium comparationis für beide Sprachen gelöst werden soll, und um zusätzliche, zunächst nur syntaktisch bedingte Umstrukturierungsmöglichkeiten² im Rahmen der so aufgestellten abstrakten Grundstrukturen, indem kommunikative Faktoren von der Untersuchung völlig ausgeschlossen werden. Das erlaubt eine Vereinfachung des methodischen Apparats und bedingt eine notwendige Einschränkung des Umfangs der Untersuchung auf nur syntaktische Gesetzmäßigkeiten; die Einbeziehung zusätzlicher Sprachebenen wie der oben erwähnten, hier vor allem der semantischen Ebene, dient allein der Vertiefung und Erweiterung des syntaktischen Blickpunkts und erlaubt eine Flexibilität im Suchen von Antworten auf tiefgehende Fragen der syntaktischen Struktur, die vor allem in der zugrunde liegenden semantischen Ebene gesucht werden müssen und deren formale Reflexe wiederum mit morphologischen und phonetischen Einheiten bzw. Merkmalen mit Artikelgebrauch und Satzakzent verbunden sind³.

Zur methodischen Basis der Untersuchung

Wenn wir abstrakte syntaktische Grundstrukturen als Basis der Untersuchung und zugleich als tertium comparationis aufstellen, müssen wir erst den Begriff "abstrakt" bzw. "Grundstruktur" klären, wie er hier gehandhabt wird und weiterhin entwickelt und konkretisiert werden soll. Unter abstrakten Grundstrukturen werden hier syntaktische Grundstrukturen (mit Objekten in unserem Fall) verstanden, bei denen ein Isomorphieverhältnis zwischen topologischer und syntaktischer Struktur besteht: d. h. die Glieder, die mit dem Verb als strukturelles Valenzzentrum des Satzes enger verbunden sind, stehen auch näher bei ihm, und umgekehrt, die syntaktisch mit dem Verb weniger eng verbundenen Glieder sind in der topologischen Struktur weiter von ihm entfernt. Dieser Isomorphiebegriff setzt eine Methode voraus, mit der die Enge der syntaktischen Beziehung zum Verb genau festgelegt und markiert werden soll. In bereits bestehenden Untersuchungen des Deutschen⁴ stellt die Konstituentenstrukturanalyse eine Methode zur Ermittlung der Beziehung syntaktischer Enge zum Verb mit höherem Präzisionsgrad dar, und wir werden sie (und die bereits vorliegenden Ergebnisse topologischer Beschreibungen) als Grundlage für die Untersuchung benutzen. Im

Bulgarischen bleiben die Untersuchungen dieser Aspekte der Satzgliedfolge im Rahmen bisheriger Methoden der traditionellen Grammatik⁵ und können hier mit ihren Ergebnissen ergänzend in die Beschreibung eingehen. Eine Vervollständigung und Systematisierung dieser Ergebnisse auf der Grundlage der Konstituentenstrukturanalyse und der Valenz ist für die nachfolgende Konfrontation unumgänglich. Wie bereits vermerkt, sollen in beiden Sprachen semantische Begriffe zur Erklärung tieferer syntaktischer Gesetzmäßigkeiten herangezogen werden: vor allem ist es die semantische Kasustheorie in Verbindung mit Ergebnissen traditioneller Semantikforschung, die stellenweise als notwendig erscheinen.

Wenn jedoch von Konstituentenstrukturgrammatik als Basis der Darstellung der syntaktischen Struktur die Rede ist, soll hier eine notwendige Erweiterung sowohl des Untersuchungsrahmens, als auch bisher erwähnter und angewandeter Methoden unternommen werden: im Unterschied zu bereits vorliegenden Beschreibungen soll hier die Untersuchung die syntaktische Struktur des Satzes und der Infinitivgruppe gleichermaßen umfassen. Mir scheint, daß nur durch diese Erweiterung des Rahmens eine globale Erfassung struktureller Zusammenhänge insbesondere der deutschen Satzstruktur möglich ist, wo eine Parallelität im Aufbau der Infinitivgruppe und des Satzes mit Verbalrahmen nachgewiesen werden kann. Auf diese Weise erscheint auch eine kompaktere Lösung des Problems möglich, ob das Deutsche als SVO- oder als SOV-Sprache zu werten ist. Was in diesem Umfang der Untersuchung erklärbar erscheint, löst sich bei einem kleineren Fokus der Aufmerksamkeit in mehrere sich widersprechende Fragen auf, wie bisherige Erforschungen des letztgenannten Problems zeigen⁶.

Bevor wir jedoch zur Behandlung dieser und weiterer konkreter Problematik eingehen, wollen wir noch das in unserer Beschreibung letzte Grundprinzip nennen, das gerade die parallele Behandlung von Infinitivgruppen – und Satzstruktur möglich macht: es ist das Prinzip der syntaktischen Konnexion, das von Fourquet aufgestellt und auf die Behandlung der Satzstruktur und auf die Untersuchung topologischer Gesetzmäßigkeiten angewendet wurde⁷. Es ist die Auffassung der Satzstruktur als einer stufenartig wachsenden und aus einem verbalen Kern sich entwickelnden Grundstruktur auf dem Wege der Synthese: der Satz besteht danach aus ineinander verkappten syntaktisch eng zusammenhängenden Komplexen, wie an folgendem Schema dargestellt werden soll:

dem Freund den Brief schreiben

Das Beispiel erklärt die Struktur der Infinitivgruppe. Für den Satz ergibt sich:

Er schreibt dem Freund den Brief.

Dabei auftretende Probleme sollen im folgenden Abschnitt behandelt werden. An dieser Stelle soll auch vermerkt werden, daß die Entwicklung der Konnexionsstruktur mit ihrer Syntheserichtung mit der Entwicklung der Konstituenzstruktur als Analyserichtung gut vereinbar ist und dadurch beide Methoden hier als kompatibel aufgefaßt und in Verbindung miteinander angewendet werden. Es geht nur darum, daß man sie nicht vermischt: eine Abbildung der Konnexionsstruktur auf die Konstituenzstruktur, die theoretisch möglich erscheint, wollen wir zunächst offen lassen; außerdem ist sie mit den erwähnten Methoden nicht streng durchzuführen. Eine solche Hypothese kann jedoch als Argumentation für die Verbindung (mit gleichzeitiger Differenzierung) beider Methoden dienen.

Wir wollen noch festlegen, daß die Satzelemente in unserer Untersuchung im Anschluß an U. Engel und die "Grundzüge" als Stellungsglieder aufgefaßt werden⁸. Sehr oft sind Stellungsglieder auch mit Satzgliedern zu identifizieren, weshalb wir hier ausgehend vom Untersuchungsrahmen von "Satzgliedfolge" sprechen.

Abschließend wollen wir noch festlegen, wie wir kommunikative Faktoren aus unserer Untersuchung ausschließen wollen. In den "Grundzügen" wird das durch die strenge Handhabung des Begriffs der Abstraktion von der kommunikativen Markierung realisiert: dort werden in den Grundstrukturen nur nicht vorerwähnte Substantive mit unbestimmtem Artikel zugelassen⁹. Im Hinblick auf eine umfassende Untersuchung komplizierter Satzstrukturen, die als unser hier nicht mehr realisierbares Endziel erscheinen, wäre es soch m. E. angebracht, erstens Strukturen mit durchgehendem Gebrauch des bestimmten Artikels, u. U. sogar Strukturen sog. neutraler Satzgliedfolge mit kommunikativer Folge Thema-Rhema (falls dies irrelevant bleibt) heranzuziehen. Strukturen mit durchgehendem Gebrauch des unbestimmten Artikels erscheinen oft gekünstelt und in komplizierten Satzstrukturen z. T. unübersichtlich und semantisch-kommunikativ undurchschaubar, wie mir scheint¹⁰.

Syntaktische Konnexionsstruktur des deutschen und bulgarischen Satzes und der Infinitivgruppe

Wir wollen die syntaktische Konnexionsstruktur in beiden Sprachen ausgehend von der Infinitivgruppe klären. Im Bulgarischen wird dabei nur bedingt von Infinitivgruppe gesprochen, da der bulgarische Infinitiv verlorengegangen und durch die 1. Person Singular ersetzt ist; wir werden deshalb weiterhin von Verbgruppe sprechen, wenn wir nur Bulgarisch und nicht beide Sprachen meinen.

Die Entwicklung der Infinitivgruppe in beiden Sprachen kann an einem Beispiel so illustriert werden:

dem Vater das Buch reichen

davam knigata na bašta si

Oder in Klammern:

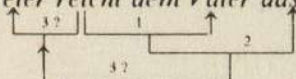
(dem Vater (das Buch (reichen)))

((davam) knigata) na bašta si)

Die zwei syntaktischen Komplexe stellen zwei aufeinanderfolgende Stufen in der Entwicklung der Konnexionsstruktur dar.

Für den deutschen Satz ergibt sich:

Peter reicht dem Vater das Buch.

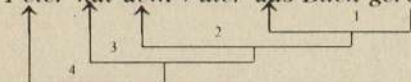
Es wird von Fourquet nicht ausdrücklich festgelegt und bleibt unklar, ob im Rahmen zugrunde liegender Valenzbeziehungen das Subjekt als sog. 1. Aktant direkt als dem Verb oder dem ganzen Verbgruppenkomplex untergeordnet betrachtet werden kann. Die Annahme einer direkten Verbindung zum Verb nähert sich der traditionellen Auffassung von der Subjekt-Prädikat - Beziehung als satzgründender Kern; im Rahmen der Valenztheorie erscheint das Subjekt als Substantiv im Nominativ auch immer als erster obligatorischer Aktant. Im Rahmen der Konstituentenstrukturanalyse stellt das Subjekt in unserem Satzminimum die erste unmittelbare Konstituente der Satzbasis dar. Wenn wir jedoch die

Synthese-Richtung des Konnexionsprinzips streng einhalten wollen, müssen wir jedoch die Anfügung des Subjekts als 3. Expansionsstufe annehmen: das Subjekt erscheint dann als (in unserer Struktur) letztes satzgründendes Element, das aus der Infinitivgruppenstruktur etwas qualitativ Neues, d. h. eine Satzstruktur mit expliziter prädikativer Beziehung bildet. Das würde, wenn wir diesem Gedankengang folgen, auch zu einer präziseren Fassung der Valenzstruktur führen, in welcher dann das Subjekt als das übergeordnete, aber in der Struktur zuletzt anzuschließende Satzelement erscheint¹¹. Diese Auffassung widerspricht nicht der Konstituenzstrukturanalyse, wo das Subjekt als die erste unmittelbare Konstituente der Satzbasis auftritt. Die andere Analysemöglichkeit bleibt der traditionellen Satzgliedanalyse verpflichtet, denn wir können das Subjekt auch als 1. Expansionsstufe und die übrigen Ergänzungen des Verbs dann als jeweils 2. und 3. Expansionsstufe ansetzen. Diese Auffassung nähert sich dem aktuellen Stand der Valenzanalyse (Subjekt als erster Aktant des Verbs).

Wir können hier dieses Problem nicht näher erörtern und entscheiden uns für die Annahme des Subjekts als jeweils letzte, satzgründende Expansionsstufe der Konnexionsstruktur, was in unseren theoretischen Rahmen widerspruchsfrei eingeht. Damit im Zusammenhang steht auch die Klärung eines weiteren Problems der formalen Darstellung des Verbalrahmens im Deutschen in der erwähnten Konnexionsstruktur.

Betrachten wir die Transformation des Satzes:

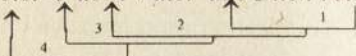
Peter hat dem Vater das Buch gereicht.

Die finite Verbform kann als gesonderte Expansionsstufe in unsere Struktur eingehen und stellt dann den Übergang von der Infinitiv-in die Verbgruppe mit satzgründendem finitem Verb dar. So erscheinen das Subjekt und das finite Verb als satztypische Expandierungselemente, und die qualitative Grenze zwischen Infinitivgruppe und Satz verläuft dann zwischen der 2. und der 3. Stufe in unserem Beispiel. Auf diese Weise entpuppt sich der Satz mit Verbalrahmen als sog. konsistente Struktur mit unveränderter Expansionsrichtung¹² gegenüber dem Satz ohne Verbalrahmen mit inkonsistenter Struktur (das Subjekt ist linksexpandiert im Unterschied zu allen anderen rechtsexpandierten Verbergänzungen). Wir haben Grund, die Sätze mit Verbalrahmen im Deutschen als

repräsentativ anzusehen (sie stellen auch die komplexere Struktur dar) und die Sätze ohne Verbalrahmen dann in unserem Schema folgen derweise umstrukturieren:

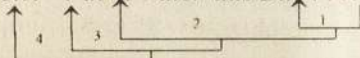
Peter ~~hat~~ dem Vater das Buch reicht.

Wir können jedoch die Abstraktion mit 0-Realisierung umgehen, wenn wir jede grammatische Verflexion bzw. Hilfsverb als selbständige Expansionsstufe mit Anteil an der satzgründenden Funktion ausgliedern:

im rahmenlosen Satz:

Peter -t dem Vater das Buch reich-.

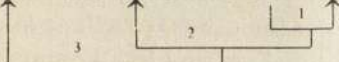

im rahmenhaltigen Satz:

Peter hat ge...t dem Vater das Buch reich-.

Damit ist der Zusammenhang zur Infinitivgruppe hergestellt, die analog dazu dargestellt werden kann:

dem Vater das Buch reich- -en

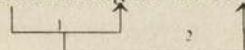
Die 1. (inkonsistente) Expansionsstufe in der Infinitivgruppe und die 3. Expansionsstufe im Satz bleiben jedoch im Rahmen des Verblexems, und wir können auf syntaktischer Ebene davon abstrahieren.

Die oben dargestellte Präzisierung der Konnexionsstruktur Fourquets bei der Anwendung auf das Deutsche fügt sich widerspruchsfrei in modernere Theorien und speziell in die Konstituenzstrukturanalyse¹³, mit der wir einen engen Zusammenhang im Hinblick auf evtl. Abbildungsmöglichkeit en für die beiden letzteren Analysen anstreben.

Im Bulgarischen ergibt sich folgendes Bild für die Verbgruppe und für den Satz:

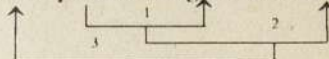
Verbgruppe:

podavam knigata na bašta si

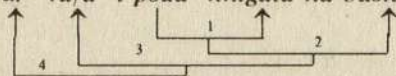
Satz:

Petār podava knigata na bašta si. → Petār podava knigata na bašta si

Oder präziser:

Petăr -va/a -l poda- knigata na bašta si.

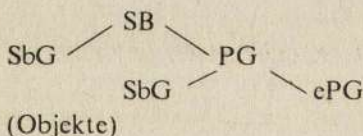
Im Bulgarischen gilt sowohl in der Verbgruppe, als auch im Satz die Innenstellung (hier Zweitstellung) des Verbs als Grundstellung im Aussagesatz. Es ergibt sich eine inkonsistente Struktur mit Rechts-Expandierung der Ergänzungen der Infinitivgruppe und mit Links-Expandierung der Satzgründen dem Elemente: grammatische Verbflexion und Subjekt.

Damit erweist sich die Satzgliedstellung im deutschen Satz als SOV-Stellung und im bulgarischen Satz als SVO-Stellung. Diese Schlußfolgerung beruht auf einer zusammenhängenden Behandlung von Infinitivgruppen- und Satzstruktur.

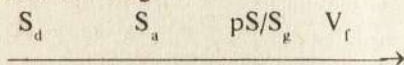
In den folgenden Abschnitten soll anhand der Konnexionsstrukturen als tertium comparationis die syntaktische Grundreihenfolge der Objekte im Deutschen und Bulgarischen dargestellt werden. Unser Hauptanliegen wird dabei nicht die Ausarbeitung von Details und eine pauschale Erfassung der Problematik sein, sondern in erster Linie die Darstellung allgemeiner struktureller Gesetzmäßigkeiten unter Ausschluß kommunikativer Faktoren und in zweiter Linie die Illustrierung des oben dargestellten Modellansatzes zur umfassenden Darstellung der Satzgliedfolge in beiden Sprachen. Fragen der Äquivalenz im Sinne der Aufstellung konkreter Äquivalenzstrukturen werden dabei auch im Hintergrund bleiben, zum Vorteil eines generell angelegten Vergleichs der topologischen Struktur beider Sprachen unter sprachtypologischem Aspekt.

Stellung der Objekte im Deutschen

Laut der Konstituenzstrukturanalyse stellen die Objekte im Deutschen unmittelbare Konstituenten der Prädikatsgruppe dar und nehmen folgende Position in der Hierarchie der Konstituenzstruktur ein¹⁴:

Dabei verändern sich laut vorliegender Untersuchungen die Art und die Enge der syntaktischen Beziehung zum Verb bei den einzelnen Objekten wie folgt¹⁵:

Der Pfeil zeigt eine wachsende Enge zum Verb an.

In der abstrakten Konnexionsstruktur nehmen die Objekte folgenden Platz ein, wenn wir, wie bereits erwähnt, Parallelität der beiden Strukturen annehmen:

$$(S_d(S_a(pS/S_g(V_f))))^{16} \text{ (Schema 1.)}$$

Es stellt sich die Frage, wie bereits vorliegendes Formulierungen der topologischen Regeln aussehen. Die für das Deutsche aufgestellten Regeln variieren je nach der Auffassung des Deutschen als SOV- oder SVO-Typ, so stellt entweder das finite oder das infinite Verb (das Verblexem) den Hauptorientierungspunkt dar¹⁷.

Laut unserer vorausgehenden Überlegungen müßten wir hier entsprechend das Verblexem in Endposition als Hauptorientierungspunkt unserer Regelformulierung wählen und uns dadurch H. Wegener anschließen. Vorher wäre es jedoch angebracht, die eingangs dargestellten theoretischen Überlegungen durch eine konkrete Untersuchung der Stellung der Objekte in unseren Konnexionsstrukturen zu ergänzen, um nicht die Resultate der Konstituenzstrukturanalyse hier direkt zu übernehmen, denn schließlich stellt die Konnexionsstrukturanalyse unsere Hauptmethode und einen Schwerpunkt der Untersuchung dar, den wir gleichzeitig zur Überprüfung bereits vorliegender Resultate der Satztopologieforschung und genauer der Konstituenzstrukturanalyse benutzen können.

Dabei wollen wir für die Darstellung konkreter Realisierungsmöglichkeiten der eingangs dargestellten Gesamtstrukturen die Satzmodelle heranziehen, ohne uns dabei in Einzelheiten einzulassen. Es muß vermerkt werden, daß unsere auf den ersten Blick zu pauschale und stark generalisierende Darstellung mit zusätzlichen Beobachtungen an der Valenz vor allem anhand vorhandener Valenzwörterbücher beider Sprachen¹⁸ ergänzt wurde, die hier aus Raumgründen nicht explizit dargestellt werden können, die jedoch zur Bekräftigung und Bereicherung der weiter unten dargestellten Ergebnisse gedient haben. Eine detaillierte

Behandlung der Problematik setzt ohne weiteres die Miteinbeziehung von Valenzfragen sowie eines reicheren Sprachmaterials voraus, das wir hier nicht unbedingt einzuführen brauchen.

Auch bei den Satzmodellen gehen wir von einem Grundinventar aus¹⁹, das für unsere Zielstellungen ausreichend ist. Es werden jeweils Satzmodelle mit drei oder vier Aktanten als Basis einbezogen. Die topologische Struktur des Satzes wird von den zugrunde liegenden Infinitivgruppenmodellen abgeleitet, die gleichzeitig als Test für die oben dargestellte Reihenfolge der Objekte dienen und in zweiter Linie den Zusammenhang zu den Satzstrukturen sichern sollen (In Infinitivgruppenmodellen werden die Expandierungsstufen auf empirischem Wege leichter festgelegt):

(1) *den Kindern eine Geschichte erzählen*

(S_d (S_a (V_{inf})))

(2) *dem Schüler für die Hilfe danken*

(S_d (pS (V_{inf})))

(3) *sich bei dem Polizisten für die Hilfe bedanken*

(pS (pS (V_{inf})))

(4) *das Buch aus dem Russischen ins Deutsche übersetzen*

(S_a (pS (pS (V_{inf}))))

(5) *die Familie kein Geld kosten*

(S_a (S_a (V_{inf})))

(6) *den Kuchen an die Kinder verteilen*

(Sa (pS (V_{inf})))

(7) *den Mann des Mordes anklagen*

(S_a (S_g (V_{inf})))

(8) *gegen den Autofahrer auf Schadenersatz klagen*

(pS (pS (V_{inf})))

(9) *die Zuhörer für diesen Zwischenruf um Verständnis bitten*

(S_a (pS (pS (V_{inf}))))

(10) *die Frau eine gute Arbeiterin nennen*

(S_a (S_a (V_{inf})))

(11) *den Einbrecher an der Flucht hindern*

(S_a (pS (V_{inf})))

Daraus lassen sich folgende topologische Varianten ableiten, in die wir teilweise auch die Semantik einbeziehen: es handelt sich um relevante semantische Merkmale wie (hum), (abstr), die, wie von einigen Autoren bereits vermerkt wurde²⁰, die topologische Struktur mit beeinflussen:

- (1') ($S_d (S_a (V_{inf})))$
 (2') ($S_d (pS (V_{inf})))$; $pS = (\text{abstr})$
 (3') ($S_a (pS_1 (pS_2 (V_{inf})))$); $S_a = (\pm \text{hum})$; $pS_{1,2} = (\text{abstr})$
 (4') ($S_{a1} (S_{a2} (V_{inf})))$; $S_{a1} = (+ \text{hum})$
 (5') ($S_a (pS (V_{inf})))$
 (6) ($S_a (S_g (V_{inf})))$; $S_g = (\text{abstr})$
 (7) ($pS_1 (pS_2 (V_{inf})))$; $pS_1 = (+ \text{hum})$; $pS_2 = (\text{abstr})$

Es fällt auf, daß pS bei einmaliger oder doppelter Realisierung stets beim V_{inf} auftritt; S_g steht auch unmittelbar beim Verb (vgl. (6')). S_a und S_d stehen weiter vom Verb entfernt, wobei S_d vor S_a erscheint. In einem Modell (4') tritt ein nicht relevantes doppeltes S_a auf, wobei S_{a1} als (+ hum) markiert ist. Bei doppelter Realisierung von pS erscheint pS_1 als (+ hum). pS_2 ist oft sehr eng mit der Semantik des V_{inf} verbunden und ergänzt sie unmittelbar (vgl. B. (4), (8), (9)).

Diese Regeln bestätigen im ganzen die im Rahmen der Konstituenzstrukturanalyse gemachten Beobachtungen und das hier angeführte Schema 1. Dabei tritt eine deutliche Tendenz auf, daß als (hum) markierte Substantive vor Abstrakta stehen, wodurch die bereits gemachten Beobachtungen bekräftigt werden.

Wir wollen nun die Satzmodelle betrachten, die sich von den hier angeführten Infinitivgruppenmodellen ableiten lassen (es werden jeweils Strukturen mit und ohne Rahmen angeführt²¹);

- (1) *Die Mutter* $\left\{ \begin{array}{l} -t \\ \text{hat ge...t} \end{array} \right.$ *den Kindern eine Geschichte erzähl-*

($S_n (V_f (S_d (S_a (V))))$)

- (2) *Der Lehrer* $\left\{ \begin{array}{l} -t \\ \text{hat ge...t} \end{array} \right.$ *dem Schüler für die Hilfe dank-*

($S_n (V_f (S_d (pS (V))))$)

- (3) *Das Kind* $\left\{ \begin{array}{l} -t \\ \text{hat -t} \end{array} \right.$ *bei dem Polizisten für die Hilfe sich bedank-*

($S_n (V_f (pS_1 (pS_2 (V))))$); $pS_1 = (+ \text{hum})$; $pS_2 = (- \text{hum})$

- (4) *Der Schriftsteller* $\left\{ \begin{array}{l} -t \\ \text{hat -t} \end{array} \right.$ *das Buch aus dem Russischen ins Deutsche übersetz-*

($S_n (V_f (S_a (pS_1 (pS_2 (V))))$)

- (5) *Das Studium* $\left\{ \begin{array}{l} -t \\ \text{hat ge...t} \end{array} \right.$ *die Familie kein Geld kost-*

($S_n (V_f (S_{a1} (S_{a2} (V))))$); $S_{a1} = (+ \text{hum})$; $S_{a2} = (- \text{hum})$

(6) Die Mutter $\left\{ \begin{array}{l} -t \\ \text{hat} \end{array} \right.$ den Kuchen an die Kinder verteilt
 (S_n (V_f (S_d (pS (V))))))

(7) Der Staatsanwalt $\left\{ \begin{array}{l} -t \\ \text{hat ge...t} \end{array} \right.$ den Mann des Mordes angeklagt
 (S_n (V_f (S_a (S_p (V))))))

(Eine rahmenlose Konstruktion ergibt sich bei Ersatz von "anklagen" durch "beschuldigen")

(8) Der Fußgänger $\left\{ \begin{array}{l} -t \\ \text{hat ge...t} \end{array} \right.$ gegen den Autofahrer auf Schadensersatz klagend
 (S_n (V_f (pS₁ (pS₂ (V))))); pS₁ = (+ hum); pS₂ = (- hum)

(9) Der Referent $\left\{ \begin{array}{l} -t \\ \text{hat ge...en} \end{array} \right.$ die Zuhörer für diesen Zwischenruf um Verständnis bittend
 (S_n (V_f (S_a (pS₁ (pS₂ (V))))))

(10) Der Meister $\left\{ \begin{array}{l} -t \\ \text{hat ge...t} \end{array} \right.$ die Frau eine gute Arbeiterin genannt
 (S_n (V_f (S_a (S_a (V))))))

(11) Der Polizist $\left\{ \begin{array}{l} -t \\ \text{hat ge...t} \end{array} \right.$ den Einbrecher an der Flucht hindernd
 (S_n (V_f (S_a (pS (V))))))

In allen Satzmodellen erscheint das V_f als die Achse, um die herum sich alle als (+ hum) markierten Satzglieder unmittelbar anordnen, während die anderen Aktanten weiter vom V_f entfernt stehen. Wenn man auch die semantischen Rollen der um das V_f herum platzierten Aktanten ermittelt, ergibt sich für S_n in den genannten Beispielen die Rolle des Agens, und für die unmittelbar nach dem V_f stehenden Aktanten die semantische Rolle des Adressaten bzw. des Patiens. Wenn wir nun bei den jeweils dritten Aktanten der Satzstruktur die semantischen Rollen ermitteln, dann ergeben sich für sie Rollen wie Einordnendes (10), Relationsträger (4 ?), Inhalt (2, 3, 5, 6, 8, 9, 11 ?), die meist durch Abstrakta repräsentiert sind²².

Was wir hier anhand dieser vorläufigen Überlegungen sagen können, ist ein sich deutlich abzeichnender semantischer Unterschied zwischen dem jeweils zweiten und dritten Aktanten in der Satzstruktur, der sich auf

syntaktischer Ebene in den Reihenfolgebeziehungen reflektiert: der als (+ hum) markierte Aktant steht vor dem als (- hum) markierten Aktanten mit häufig abstrakter Semantik. Dabei tritt als S_n meist auch ein als (+ hum) markierter Aktant auf (eine Ausnahme macht (5)). Dabei ist das als (+ hum) markierte S_n in der ersten Position semantisch aktiver als der unmittelbar nach dem Verb stehende, auch meist als (+ hum) markierte Aktant: vgl. die semantische Rolle Agens gegenüber der semantischen Rolle Adressat oder Patiens: die erstere bezeichnet den Urheber der Handlung gegenüber der zweiten und dritten als Empfänger der Handlung oder davon Betroffener im weiteren Sinne. Was wir hier trotz unserer beschränkten Beispiele (die wir jedoch mit zahlreichen Belegen aus Valenzwörterbüchern ergänzen können) folgern können, ist eine deutliche Korrelation semantischer Rollen im Rahmen von Satzmodellen mit drei Aktanten, die so dargestellt werden kann:

Agens - Patiens/Adressat - zusätzliche semantische Rollen (+ hum) - (+ hum) - (- hum)

Die Anordnung der Aktanten im Satz deutet auf eine deutliche Bewegung von (+ hum) zu (- hum) mit abnehmender Aktivität bei der Ausführung der Handlung hin: dem Verursacher folgt der von der Handlung Betroffene, wobei die übrigen Elemente des Sachverhalts zuletzt genannt werden: zugleich stellen die letztgenannten Aktanten mit dem Verblexem eng semantisch verknüpfte und seine Bedeutung ergänzende und modifizierende Sachverhaltselemente dar. Dabei erweist sich das durch den Verbalrahmen oft semantisch entleerte finite Verb als die strukturelle Achse, die eine allgemeine prädikative Beziehung angibt und zugleich die hier postulierte semantische Beziehung zwischen den an der Handlung unmittelbar beteiligten Aktanten mit Personen als Referenten markiert: das finite Verb beschränkt sich also in diesen Fällen auf die Angabe einer allgemeinen Relation zwischen den jeweils ersten und zweiten Aktanten in unserer Grundstruktur.

Die so aufgestellte dreigliedrige semantische Korrelation stellt hier sicher nicht die allein mögliche (s. die zitierten Ausnahmen), jedoch die typische und für Satzmodelle mit drei Aktanten repräsentative Korrelation dar, die zugleich einen für uns aufschlußreichen Zusammenhang zwischen semantischer, syntaktischer und topologischer Struktur deutlich macht²³.

Es wäre weiterhin zu vermerken, daß das finite Verb in Sätzen mit Verbalrahmen die Scheidungslinie absteckt zwischen Aktanten mit erhöhter Aktivität, die sich um das V_f herum plazieren, und den mit dem Verblexem unmittelbar semantisch verbundenen übrigen Aktanten. Dadurch deutet

sich die Möglichkeit einer semantischen Differenzierung der Aktanten etwa als primär bzw. sekundär in einer vorläufigen Hierarchie an, die bei einer detaillierten Behandlung der Problematik weitreichende Folgen sowohl für die Valenztheorie, als auch für die hier behandelten Konnexionsstrukturen und vielleicht auch für die Konstituenzstrukturanalyse haben kann. Dazu soll mit diesen Beobachtungen nur der Weg gebahnt werden.

Unsere Betrachtungen an den Aktanten stimmen mit K. Boosts²⁴ Aufteilung des rahmenhaltigen Satzes in ein strukturell-grammatisches Zentrum (das V_p) und ein lexikalisches Zentrum (das Verblexem) überein und können als eine Erweiterung und Präzisierung seiner Postulate im Lichte neuerer Theorien aufgefaßt werden.

Nach diesen allgemeineren Ausführungen wollen wir uns konkreteren Betrachtungen der Organisation der syntaktischen Struktur im Deutschen zuwenden.

Wenn wir Sätze mit Verbalrahmen mit den entsprechenden rahmenlosen Varianten vergleichen, so kommen wir zu dem Schluß, daß das finite Verb in der rahmenlosen Konstruktion die lexikalische und die grammatische Funktion undifferenziert vereinigt, während in Sätzen mit Verbalrahmen, die im Deutschen die Regel darstellen, die semantische Relationsstruktur vom finiten Verb angedeutet und vom infiniten Verb und den sekundären Aktanten ergänzt und vervollständigt wird. Dabei erscheint das infinite Verb als das eigentliche Valenzzentrum und organisiert in unmittelbarer Nähe um sich herum die mit dem Verb semantisch und syntaktisch am engsten verbundenen (hier als sekundär bezeichneten) Aktanten. Besonders auffällig ist der semantische Zusammenhang mit dem Verblexem bei pS, die mit dem V_{inf} zusammen den lexikalischen Prädikatsteil ergeben (vgl. Satzmodell 9, 10). Sehr oft sind solche pS Abstrakta bei Funktionsverben (vgl. Satzmodell 9). Eine nähere Untersuchung der Objekte würde sicher zu weiteren Differenzierungen und vielleicht auch zu manchen Korrekturen führen, aber das oben erwähnte Prinzip kann als sicher gelten: der lexikalische Prädikatsteil erfüllt valenzorganisatorische Funktionen und bedingt die lexikalische Ausfüllung der für die Aktanten festgelegten Leerstellen, und das finite Verb erfüllt rein relationale und dadurch indirekt auch hierarchisierende Funktionen, indem es die als (+ hum) markierten Aktanten miteinander verbindet und so auch die Scheidungslinie zwischen einer übergeordneten Stufe in der Hierarchiestruktur der entsprechenden primären Aktanten und den übrigen hier sekundär genannten Aktanten erkennen läßt.

Ein Vergleich mit der Infinitivgruppe zeigt an, daß die SOV-Reihenfolge im Satz grundsätzlich andere Merkmale hat als die Endstellung des Verblexems in der Infinitivgruppe, obwohl beide gleiche valenzorganisatorische Eigenschaften besitzen. Das läßt sich anhand unserer Expansionsstrukturen des Satzes deutlich machen, wenn wir syntaktische Grundstrukturen mit semantischer Markierung aufstellen:

$(S_n / + \text{hum} / (V_f (S_{d.a.p} / + \text{hum} / (S_{a.p.g} / - \text{hum} / (V_{inf}))))))$ /Schema 2/

Die Aktanten mit dem Merkmal $+ \text{hum}$ erscheinen in der Expansionsstufe 3, 4 der verallgemeinerten Struktur, in der Oberflächenstruktur erscheinen sie jedoch in der jeweils 1. und 3. Position unmittelbar vor und nach dem V_f worin die Dialektik der Beziehung zwischen den Strukturen von Infinitivgruppe und Satz deutlich wird: der Satz entwickelt sich in der Oberflächenstruktur rein topologisch gesehen von vorn nach hinten mit dem Realisieren der relationalen Minimalstruktur von V_f und primären Aktanten²⁵.

Es stellt sich die Frage, ob dem Satz in einem gewissen Sinne nicht tatsächlich die Subjekt-Prädikat-Beziehung zugrunde liegt, wie in der älteren Grammatik behauptet wird: eine Behauptung, die die Valenztheorie revidiert zu haben schien. Im Rahmen der hier dargestellten Beobachtungen läßt sich jedoch die Subjekt-Prädikat-Beziehung als sog. Satz Kern sehr gut integrieren, indem man dann unter Subjekt-Prädikat-Beziehung ein allgemeines Relationsnetz der hierarchisch übergeordneten Aktanten versteht (diese Relationsstruktur wird gerade in Rahmenkonstruktionen sichtbar, wo das V_f als relationaler Prädikatsteil von seiner lexikalischen Ergänzung getrennt ist.) Dieses Relationsnetz wird dann durch das von hinten aus organisierte Relationsschema der konkreten Valenzstruktur ergänzt und strukturiert.

Die hier aufgezählten syntaktischen Satzstrukturen können zugleich als topologische Grundstrukturen gelten. Hier manifestiert sich auch die Dialektik in der Formulierung der eingangs erwähnten topologischen Regeln: entweder vom infiniten Verb aus (dann erscheinen die mit dem Verb enger verbundenen Satzelemente näher bei ihm), oder vom finiten Verb aus (dann sind natürlich proportional zur ersten Regel die Satzelemente, die mit dem Verb enger verbunden sind, weiter davon entfernt.) Der Vorzug der topologischen Regel mit dem finiten Verb als Ausgangspunkt ist das Einbeziehen rahmenloser Konstruktionen in die erwähnte Gesetzmäßigkeit, wenn man jedoch das infinite Verb als Ausgangspunkt betrachtet, so erfaßt man tiefere valenzbezogene und semantische Zusammenhänge, wie

das durch die Feststellungen weiter oben angedeutet wurde. Im letzteren Fall wird auch die Parallelität mit der Infinitivgruppe deutlich.

Stellung der Objekte im Bulgarischen und Vergleich beider Sprachen

Wir werden von einer direkten Übertragung der deutschen Satzmodelle ins Bulgarische ausgehen. Dieses Herangehen ist sehr problematisch, wollten wir speziell die Satzmodelle oder Äquivalenzbeziehungen zwischen beiden Sprachen untersuchen. Für unsere Zielstellungen scheint es jedoch ausreichend, wenn wir in den bulgarischen Analoga der deutschen Satzmodelle²⁶ ähnlich wie im Deutschen verschiedene syntaktische Kasus und ihnen entsprechende semantische Rollen untersuchen. Dabei darf nicht vergessen werden, daß unsere Beispiele mit weiteren Belegen aus Valenzwörterbüchern unterstützt sind.

Wir gehen wie im Deutschen von Infinitivgruppenmodellen aus:

- (1) *razkazvam prikazka na decata*
(((V) S_a) S_d)
- (2) *blagodarja na učenika za pomoštta*
(((V) S_d) pS)
- (3) *blagodarja na policaja za pomoštta*
(((V) S_d) pS)
- (4) *preveždam knjigata ot nemski na bälgarski*
(((V) S_a) pS)
- (5) *ne struva pari na semejstvoto*
(((V) S_a) S_d)
- (6) *razpredeljam sladkiša na decata*
(((V) S_a) S_d)
- (7) *obvinjavam mäža v ubijstvoto*
(((V) S_a) pS)
- (8) *žalvam se protiv šofjora za obežštetenie*
(((V) pS₁) pS₂)
- (9) *molja slušatelite za izvinenie za tova podvikvane*
(((V) S_a) pS₁) pS₂)
- (10) *naričam ženata dobra rabotnička*
(((V) S_{a1}) S_{a2})

(11) *poprečvam na prestäpnika v hjaġstvoto*

((V) S_d) pS)

Zusammenfassend ergibt sich:

(1') ((V) S_n) S_d)

(2') ((V) S_d) pS)

(3') ((V) S_a) pS)

(4') ((V) pS₁) pS₂)

(5') (((V) S_a) pS₁) pS₂)

(6') ((V) Sa1) Sa2)

Davon lassen sich direkt (bei Hinzufügung eines Subjekts) folgende Satzstrukturen ableiten:

(1') (S_n ((V) S_a) S_d)

(2') (S_n ((V) S_d) pS)

(3') (S_n ((V) S_a) pS)

(4') (S_n ((V) pS₁) pS₂)

(5') (S_n (((V) S_a) pS₁) pS₂)

(6') (S_n ((V) S_{a1}) S_{a2})

Bei dieser Art der Darstellung muß man auf zwei Probleme eingehen:

Im Bulgarischen ist die Kasusflexion bekanntlich verlorengegangen und nur in Pronominalformen z. T. erhalten²⁷. Man kann dabei zwischen Nominativ- und Akkusativflexion deutlich unterscheiden. Wenn wir noch den Dativ ausgliedern, tun wir das auf Grund der typischen Präposition "na", die jedoch oft auch possessivische Bedeutung in Konstruktionen annehmen kann, die etwa dem deutschen adnominalen Genitiv mit possessivischer Bedeutung entsprechen. Die in der bulgarischen Sprachtheorie eingebürgerte Beschreibung syntaktischer Konstruktionen in Satzgliedbegriffen ist jedoch hier nicht anwendbar, da wir neben syntaktischen Funktionen auch an formalen Merkmalen interessiert sind, wie aus der weiteren Beschreibung deutlich werden soll. Für eine präzisere Untersuchung ist ein Modell konfrontativer Beschreibung der Kasus bzw. der Satzgliedfunktionen in beiden Sprachen erforderlich, das noch nicht besteht. Man darf auch nicht vergessen, daß die bulgarische Verbgruppe keine echte Infinitivform aufweist und daher vielleicht mit der Satzstruktur enger verknüpft ist, als dies sonst anzunehmen wäre.

Wir behalten jedoch die parallele Beschreibung von Verbgruppe und Satz im Bulgarischen im Lichte allgemeinerer Zusammenhänge zwischen beiden Sprachen.

Wenn wir im Bulgarischen ähnlich wie im Deutschen die Zusammenhänge zwischen sementischer, syntaktischer und topologischer Struktur untersuchen wollen, so ergibt sich für die bulgarische Verbgruppe als Entsprechung der syntaktischen Strukturen folgende typische semantische Struktur:

- (1) Verb – Aktant₁ – Aktant₂
 /+ hum/ /- hum/

Diese Struktur kann als Grundstruktur gelten. Weniger verbreitet ist:

- (2) Verb – Aktant₁ – Aktant₂
 /- hum/ /+ hum/

Dabei werden nur in der Nebenstruktur (2) Valenzbezüge deutlich: die Aktanten, die hier allgemein als /- hum/ charakterisiert sind, haben eine die Verbbedeutung unmittelbar ergänzende und oft abstrakte Semantik (vgl. VGM 1, 5)²⁸; in anderen Fällen bezeichnen sie das Patiens in der semantischen Relationsstruktur (VGM 6). Die jeweils zweiten Aktanten in Struktur (2) sind Personenbezeichnungen. In VGM (4) handelt es sich um zwei Aktanten /- hum/, die wir hier semantisch nicht näher analysieren; sie würden eine spezifische und relativ seltene semantische Struktur haben.

Für Nebenstruktur (2) seien noch weitere Beispiele zitiert: *vnušavam sážalenie u poznati, zaimstvuvam idejata ot pisatelja, izvojuvam pobeda ot vruga, spodeljam trevogite s majka si. In der Mehrzahl der Fälle ist jedoch Grundstruktur (1) vertreten: darjavam prijatelja si s obič, delja igračite na otbori, snabdjavam prijatelja s bilet, uprekvam njakogo v nešto, uča decata na risuvane usw.*²⁹. In diesem Fall sind gerade die mit dem Verb semantisch enger verbundenen Aktanten weiter von ihm entfernt, die Valenzbezüge sind also in der topologischen Struktur nicht reflektiert.

Es ist jedoch durchgehend in beiden semantischen Strukturen die Reihenfolge direktes Objekt – indirekte Objekte vertreten, für die wir analog zum Deutschen Kasusbegriffe eingeführt haben:

- ((V) S_a) S_o/pS) /Schema 3./

(oder auch formadäquater: Verb – präpositionslose Substantive – Präpositionalsubstantive).

Hier scheinen die semantische und die syntaktische Struktur von der morphologischen überspielt zu werden, was jedoch in deutlichem Zusammenhang mit der analytischen Struktur des Bulgarischen steht: die im Bulgarischen verlorengegangene Kasusflexion scheint die aktuell

bestehende allgemeine Unterscheidung auf morphologischer Ebene zwischen präpositionslosen/präpositionalen Substantiven bewirkt zu haben, die in der topologischen Struktur dominierend geworden ist. Nicht so ist es im Deutschen, wo die Kasusflexionen nicht wie im Bulgarischen zum großen Teil semantisch undurchsichtig sind und eigentlicher Ausdruck vor allem für syntaktische Funktionen geworden sind, sondern es bestehen hier, wie es scheint, deutlichere Zusammenhänge zwischen semantischer und syntaktischer Struktur einerseits und topologischer Struktur andererseits. Im Deutschen sind z. B. Präpositionalkasus Ausdruck besonders enger Valenzbeziehung zum Verblexem (vgl. *dem Freund den Brief schreiben, dagegen: den Brief an den Freund schicken*), während im Bulgarischen die Funktionen der Präpositionalkasus fast aufgelöst erscheinen dadurch, daß sie praktisch (allerdings durch die typische, jedoch polyseme Präposition "na") Funktionen auch des früheren Dativs und Genitivs in sich aufgenommen haben. Dieses Problem kann differenzierter behandelt werden, wenn eine detaillierte Untersuchung der Satzstrukturen (bzw. der Valenzstrukturen) in beiden Sprachen unternommen wird, was den Rahmen dieser Untersuchung sprengen würde.

Wenn wir nun die behandelten Korrelationen zwischen semantischer, syntaktischer und topologischer Struktur auf den Satz übertragen, ergibt sich folgende Grundstruktur im Bulgarischen:

(1) Aktant₁ – Verb – Aktant₂ – Aktant₃
 /+ hum/ /+ hum/ /- hum/

(2) Aktant₁ – Verb – Aktant₂ – Aktant₃
 /+ hum/ /- hum/ /+ hum/

Variante (2) gilt als Nebenstruktur.

Wir wollen zunächst die Verteilung der Aktanten in den so aufgestellten semantischen Strukturen betrachten. In der Grundstruktur sind die Aktanten /+ hum/ um das Verblexem herum verteilt, dabei in denselben semantischen Rollen, die wir für das Deutsche ermittelt haben: also Agens an 1. Stelle und Patiens/Adressat nach dem Verblexem. Erst dann folgen die Aktanten /- hum/, die stark valenzabhängig sind und bereits als sekundäre Aktanten bezeichnet wurden. Hier ergibt sich also auf den ersten Blick ein paralleler Aufbau zur topologischen Grundstruktur

des Deutschen: Das Verb erfüllt primär relationale Funktionen, indem es die Bezüge zwischen den primären Aktanten mit semantischen Rollen des Agens und Patiens/Adressaten herstellt; erst zusätzlich und mittelbar erfüllt es valenzorganisatorische Funktionen, denn die mit dem Verb semantisch enger verbundenen Aktanten nehmen erst die nächstfolgende Position ein. Auf jeden Fall können wir hier behaupten, daß die valenzorganisatorischen Funktionen des Verbs im Bulgarischen abgeschwächt sind; wie weit der Grad dieser Abschwächung ist, läßt sich nur nach einer umfassenden Behandlung der Satzstruktur feststellen; wir können jedoch jetzt schon annehmen, daß beim Einfügen weiterer Satzelemente zwischen dem Verb und den sog. sekundären Aktanten die beobachtete Tendenz eher noch deutlicher hervortreten wird. Dieses Problem erfordert bereits eine umfassende Darstellung der Satzstruktur, wo die hier angedeuteten Zusammenhänge gemäß ihrer Komplexität differenzierter untersucht werden können.

In der Nebenstruktur (2) sind gerade die Valenzbeziehungen für die Gestaltung der topologischen Struktur dominierend, aber diese Struktur spielt eine untergeordnete Rolle. Welcher Zusammenhang im Funktionieren beider Strukturen besteht, läßt sich nur nach einer eingehenden Untersuchung zeigen.

Im Deutschen sind bei einer ähnlichen Gestaltung der Grundstruktur durch den Verbalrahmen die Zusammenhänge wesentlich verschieden: ein Teil vom Prädikat (und zwar das finite Verb) übernimmt die relationalen Funktionen zwischen den primären Aktanten, während der lexikalische Teil (das Verblexem bzw. Prädikative und Richtungsbestimmungen) die valenzorganisatorischen Funktionen sichert, allerdings in einer der natürlichen Entwicklung der Redekette entgegengesetzten Richtung, vom Satzende her. In der rahmenlosen Konstruktion verhalten sich die Tatsachen wie im Bulgarischen, wir haben uns jedoch von Anfang an dafür entschieden, den Satz mit Verbalrahmen als topologische Grundstruktur und den rahmenlosen Satz als eine transformationelle Variante davon anzusehen.

Auf diese Weise wird die topologische Struktur im Deutschen Ausdruck semantischer und syntaktischer Zusammenhänge, wobei die semantischen Besonderheiten auf Valenzrelationen und semantische Rollen verteilt sind, die syntaktischen entsprechend mit Besonderheiten der syntaktischen Kasus und zugrunde liegender Bedeutungsunterschiede (auf die hier nicht im Detail eingegangen werden kann) zusammenhängen. Dabei geht es um deutlich nachweisbare Parallelitäten oder Zuordnungen

zwischen der semantischen, syntaktischen und topologischen Struktur, die hier sicher nur generell aufgedeckt werden konnten und weiter detailliert zu beschreiben sind.

Im Bulgarischen scheint dabei durch verlorengegangene Kasusflexionen der Bezug zur syntaktischen Struktur gestört zu sein; dafür treten morphologische Merkmale (präpositional/präpositionslos) mit sehr indirektem, allgemeinem syntaktischen Reflex (Differenzierung zwischen direkten und indirekten Objekten) in den Vordergrund, Kasusflexionen scheinen damit durch allgemeine syntaktische Funktionen und morphologische Besonderheiten ersetzt zu werden³⁰. In der semantischen Struktur besteht zwischen den beiden Sprachen weitgehende Parallelität, wie aus den semantischen Grundstrukturen ersichtlich ist. Durch die verschiedene Platzierung der verbalen Elemente in beiden Sprachen ergeben sich jedoch Unterschiede in der Formulierung der topologischen Regeln, besonders wenn wir in Übereinstimmung mit den normativen Grammatiken das finite Verb zum Hauptorientierungspunkt wählen. Der Aufbau der Infinitivgruppe und die Betrachtung der Sätze mit Rahmenkonstruktionen im Deutschen als Grundstrukturen (SOV-Typ) macht deutlich, daß scheinbare topologische Unterschiede der nominalen Elemente in beiden Sprachen zum großen Teil mit verschiedener Platzierung des Verblexems in beiden Sprachen zusammenhängen.

Vgl. z. B. :

In der Infinitivgruppe:

Bulgarisch:

Deutsch:

Struktur (1)

darjavam prijatelja si s obič

*den Freund mit Liebe
beschenken*

snabdjavam prijatelja s bilet

*den Freund mit einer
Eintrittskarte versehen*

Struktur (2)

vnušavam sažalenie u poznati

bei Bekannten Mitleid auslösen

spodeljam trevogite s majka si

mit der Mutter die Sorgen teilen

Im Satz:

Bulgarisch:

Struktur (1)

*Toj dari prijatelja si s obič.**Toj snabdi prijatelja s bilet.**Toj dade knigata na deteto.*

Struktur (2)

*Toj vnuši sažalenie u poznatite si.**Toj spodeli trėvogite si s majka si.***Deutsch:**

Er { hat den Freund mit Liebe
(beschenkt)
beschenkt.

Er { hat den Freund mit
(versah)
einer Eintrittskarte versehen.

Er { hat dem Kind das Buch gegeben.
(gab)

Er { hat bei seinen Bekannten
(löste)
Mitleid {ausgelöst.
(aus)

Er { hat mit der Mutter seine
(teilte)
Sorgen geteilt.

In Grundstruktur (1) verläuft die topologische Verteilung der nominalen Elemente formal völlig parallel. Wenn wir jedoch die gesamte Satzstruktur betrachten, bekommen wir zwei topologische, syntaktisch und semantisch nicht äquivalente Strukturen:

Deutsch: $(S_n (V_f (S_a (pS (V_{inf}))))))$ /Schema 4./

$(S_n (V_f (S_d (S_a (V_{inf}))))))$ /Schema 5./

Bulgarisch:

$(S_n (((V) S_a) pS))$ /Schema 6./

$(S_n (((V) S_a) S_d))$ /Schema 7./

Es ist zu beachten, daß das infinite Verb im Deutschen in Endposition und das finite Verb im Bulgarischen in zweiter Position (bzw. Innenposition) als Hauptorientierungspunkt für die Bestimmung der Valenzbeziehungen, der Konstituenzstruktur und der entsprechenden topologischen Regeln dienen. Die formale topologische Übereinstimmung von S_a , pS in beiden Sprachen (der Unterschied in der Position von S_a , S_d ist auch nicht zu verabsolutieren)³¹ läßt sich dadurch nicht aufrechterhalten.

In Grundstruktur (2) besteht umgekehrt eine syntaktische und semantische Parallelität bei verschiedener Position der nominalen Satzelemente:

Bulgarisch: $(S_n (((V) S_a) pS))$ /Schema 8./

Deutsch: $(S_n (V_f (pS (S_a (V_{inf}))))))$ /Schema 9./

Wir können also bei Grundstruktur (1) von topologischer, syntaktischer und semantischer Nichtäquivalenz der Satzstrukturen sprechen. Bei Grundstruktur (2) haben wir topologische Nichtäquivalenz bei syntaktischer und semantischer Äquivalenz.

Dabei wird hier mit dem Begriff "Äquivalenz" nur Übereinstimmung/Nichtübereinstimmung der entsprechenden Merkmale bezeichnet.

Wollten wir die Äquivalenzbeziehungen in beiden Sprachen in übersetzungstheoretischer und sprachtypologischer Hinsicht untersuchen, müßten wir im Falle beider Strukturen von funktionaler Äquivalenz sprechen. Dieses Problem könnte jedoch mit größerem Erfolg bei einer empirisch angelegten detaillierten Untersuchung der Stellung der Objekte in beiden Sprachen näher erörtert werden.

Aus Grundstruktur (2) wird ersichtlich, daß im Deutschen die SOV-Stellung keine formale und willkürliche Annahme ist³²; die Verteilung der nominalen Elemente ist (auch im rahmenlosen Satz) auf die Endposition hin orientiert. Im Bulgarischen ist deutlich die Innenposition (in unserem Falle die 2. Position) Hauptorientierungspunkt für die Valenz (SVO-Sprache), und in Grundstruktur (1) fehlt der unmittelbare Valenzbezug.

Wir können am Ende die topologischen Grundstrukturen in beiden Sprachen als Konnexionsstrukturen wiedergeben:

Infinitivgruppe:

Deutsch: $(S_d (S_a (S_p/pS (V_{inf}))))$ /Schema 10./

Bulgarisch: $(((V) \text{ präpositionlose Substantive) Substantive mit Präposition})$ /Schema 11./

Satzstruktur:

Deutsch: $(S_n (V_f (S_d (S_a (pS/S_p (V_{inf})))))) (L)$ /Schema 12./

Bulgarisch: $(S_n (((V) S_a) S_d) pS)$ /Schema 13./

Die topologische Struktur im Bulgarischen ist inkonsistent (Links-Entfaltung des Subjekts).

Wir wollen am Ende die grundlegenden topologischen Prinzipien in beiden Sprachen zusammenfassen:

Sowohl im Deutschen, als auch im Bulgarischen scheint die Verteilung der erwähnten kommunikativ relevanten Aktanten höherer Hierarchiestufe um das finite Verb herum ein dominierendes Prinzip zu sein; im Deutschen erscheint daneben die Valenz als untergeordnetes Prinzip der Organisation des Satzes von hinten her mit dem lexikalischen Prädikatsteil als zweites Organisationszentrum für den Satz mit Verbalrahmen; Im Bulgarischen ist das Valenzprinzip in der Topologie von Nebenstruktur (2) vertreten und bleibt sonst ohne topologische Reflexe. Das Valenzprinzip ist alleindominierend in der deutschen Infinitivgruppe, für die wir im Bulgarischen keine Entsprechung finden und also keine parallelen Beobachtungen machen können.

¹ vgl. Hei d o l p h, K. E., W. Fl ä m i g, W. M o t s c h. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin, Akademie, 1981, p. 703 sq.; S g a l l, P., E. H a j i č o v a, J. P a n e v o v a. The Meaning of the Sentence in It's Semantic and Pragmatic Aspects. Prague, Academia, 1985, p. 180.

² Probleme der Umstrukturierungsmöglichkeiten treten erst bei der Erweiterung der Satzstruktur durch Adverbialbestimmungen auf und werden hier nicht behandelt.

³ Hier bleiben diese Merkmale außerhalb der Betrachtung.

⁴ vgl. Hei d o l p h, K. E., W. Fl ä m i g, W. M o t s c h. Op. cit., p. 702 sq.

⁵ vgl. G e o r g i e v a, E. Slovo red na prostoto izrečenie v bälgarskija knižoven ezik. S., 1974. Einzelne topologische Probleme im Rahmen der Konstituenzstrukturanalyse werden behandelt in: P e n č e v, J. Stoež na bälgarskoto izrečenie. S., 1984.

⁶ Eine Darlegung verschiedener Auffassungen mit eigenem kritischem Kommentar findet man in: W e g e n e r, H. Der Dativ im heutigen Deutsch. Tübingen, Narr, 1985, p. 234 sq.

⁷ Ibidem, p. 136 sq.

⁸ vgl. Hei d o l p h, K. E., W. Fl ä m i g, W. M o t s c h. Op. cit., p. 702; Engel, U. Regeln zur Wortstellung. – In: Forschungsberichte des Instituts für deutsche Sprache. Bd. 5, 1970, p. 24.

⁹ vgl. Hei d o l p h, K. E., W. Fl ä m i g, W. M o t s c h. Op. cit., p. 707.

¹⁰ vgl. die Beispiele ibidem., p. 707.

¹¹ vgl. einige Überlegungen in diesem Zusammenhang in: P a p a s o v a, S.

Einige Bemerkungen zum Valenzstatus der freien Dative im Deutschen und deren Vergleich mit parallelen Konstruktionen im Bulgarischen. – In: Valenzen im Kontrast (im Druck).

¹² vgl. W e g e n e r, H. Op. cit., p. 234.

¹³ In der Konstituenzstrukturanalyse wird die Endstellung des finiten Verbs als Grundstellung aufgefaßt. Vgl. H e i d o l p h, K. E., W. Flämig, W. Motsch. Op. cit., p. 139.

¹⁴ SB=Satzbasis; SbG=Substantivgruppe; PG=Prädikatsgruppe; ePG=engere Prädikatsgruppe.

¹⁵ S_d=Substantiv im Dativ; S_a=Substantiv im Akkusativ; S_g=Substantiv im Genitiv; pS=Substantiv mit Präposition; V_f=finites Verb.

¹⁶ In der folgenden Beschreibung wird Klammerbildung benutzt. Schrägstriche geben alternative Beziehungen in den Gebrauchsmöglichkeiten an. Selbstverständlich kommen in konkreten Strukturen nur ausgewählte Kombinationen der hier aus Raumgründen pauschal dargestellten Objekte vor.

¹⁷ vgl. H e l b i g, G., J. B u s c h a. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig. Enzyklopädie, 1987, p. 569; H e i d o l p h, K. E., W. F l ä m i g, W. M o t s c h. Op. cit., p. 709, wo die Regeln nach der Beziehung zum V_f verfaßt sind, vgl. dagegen W e g e n e r, H. Op. cit., p. 249, die das Deutsche als SOV-Typ betrachtet und die Endposition als Hauptorientierungspunkt wählt.

¹⁸ H e l b i g, G., W. S c h e n k e l. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, Bibliographisches Institut, 1973; P o p o v a, M. Kratāk valenten rečnik na glagolite v sāvremennija bālgarski knīzoven ezik. S., 1987.

¹⁹ vgl. Helbig, G., J. Buscha. Op. cit., p. 625 sq.

²⁰ /hum/=human; /abstr/=abstrakt; vgl. ähnliche Beobachtungen in: W e g e n e r, H. Op. cit., p. 242; H o b e r g, U. Die Wortstellung in der geschriebenen deutschen Gegenwartssprache. München, Hueber, 1981, p. 59.

²¹ Hier wird von morphologischen Besonderheiten der Prädikatsbildung abstrahiert; "sich" steht beim Verblexem.

²² Eine Ausnahme macht Satzmodell(10), wo jedoch der Akzent in Endposition als Prädikativ fungiert und Teil des Prädikats, damit des Verbalrahmens ist. (Die semantischen Kasus sind nach H e l b i g, G., J. B u s c h a. Op. cit., p. 635 bestimmt.)

²³ Eine detaillierte Untersuchung dieser Strukturen kann nur zur Aufstellung weiterer Korrelationen ähnlichen Typs führen und die gemachten Beobachtungen bestätigen und bereichern, sicher z. T. korrigieren und präzisieren. (vgl. z. B. Satzmodell (6), wo eine interessante semantische Korrelation zu Satzmodell (1)

besteht: z. B. Die Mutter gibt den Kindern den Kuchen/verteilt den Kuchen an die Kinder.) Dazu äußert sich W e g e n e r, H. Op. cit., p. 241.

²⁴ vgl. B o o s t, K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld. Berlin, 1955, p. 39.

²⁵ In Sätzen mit Aktanten, die als /- hum/ gekennzeichnet sind, besteht wahrscheinlich eine analoge, jedoch anders zu beschreibende Hierarchie mit der Setzung von hierarchisch übergeordneten Aktanten an jeweils 1. und 3. Stelle um das V_r herum: z. B. Der Raum gehört der Universität.

²⁶ Wir wollen hier die Frage offen lassen, inwieweit es um Äquivalenz im e. Sinne geht, oder ob wir nicht vielmehr von Äquivalenz im w. Sinne sprechen, die für unsere Zwecke ausreichend ist.

²⁷ vgl. Gramatika na sävremennija bälgarski knižoven ezik. S., 1983, p. 112.

²⁸ VGM=Verbgruppenmodell

²⁹ Die Beispiele sind zitiert nach: Popova, M. Op. cit.

³⁰ vgl. z. B. im Bulgarischen: Deteto vižda baštata. Baštata vižda deteto; im Deutschen übernimmt die Wortstellung nur im Falle der Homonymie zwischen Akkusativ und Nominativ kasusdifferenzierende Funktionen: Die Tochter liebt die Mutter. Die Mutter liebt die Tochter.

³¹ vgl. E n g e l, U. Op. cit., p. 61. Er vertritt die Meinung, daß das jeweils zweitfolgende Objekt stärker hervorgehoben ist; vgl. auch H o b e r g, U. Op. cit., p. 59.

³² Weitere Argumente dafür s. in: W e g e n e r, H. Op. cit., p. 235 sq.

ON THE BASIC SYNTACTIC WORD ORDER OF OBJECTS IN GERMAN AND IN BULGARIAN

Sylvia Papasova

In the first part of the study the author builds up a general conception of investigation with regard to the parts of the simple sentence, which, in the second part, is applied for studying the word-order of the objects. Parallels are carried out between a syntactic and a semantic structure.

It is established in German valency plays a greater role in establishing the typological structure, whereas in Bulgarian the basic role is played by the morphosyntactic differences. Common equivalent structures are specified in both languages, which are used for establishing basic typological differences.

К ОСНОВНОМУ СИНТАКСИЧЕСКОМУ ПОРЯДКУ СЛОВ ДОПОЛНЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Силвия Папазова

В первой части работы вырабатывается общая концепция исследования порядка слов членов простого предложения. Во второй части работы концепция применяется в процессе анализа порядка слов дополнений. Проводятся параллели между синтаксической и семантической структурами.

Устанавливается, что в немецком языке валентность имеет большее значение для устанавливания топологической структуры, в то время как в болгарском языке основными являются морфологические различия. Уточняются общие эквивалентные структуры в обоих языках, с помощью которых намечаются основные топологические различия.

ТРУДОВЕ НА ВТУ "СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
ВЕЛИКО ТЪРНОВО

Том 25 Книга 2

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ

1988

TRAVAUX DE L'UNIVERSITE "ST. ST. CIRILLE ET METHODE"
DE VELIKO TIRNOVO

Tome 25 Livre 2

FACULTE PHILOLOGIQUE

1988

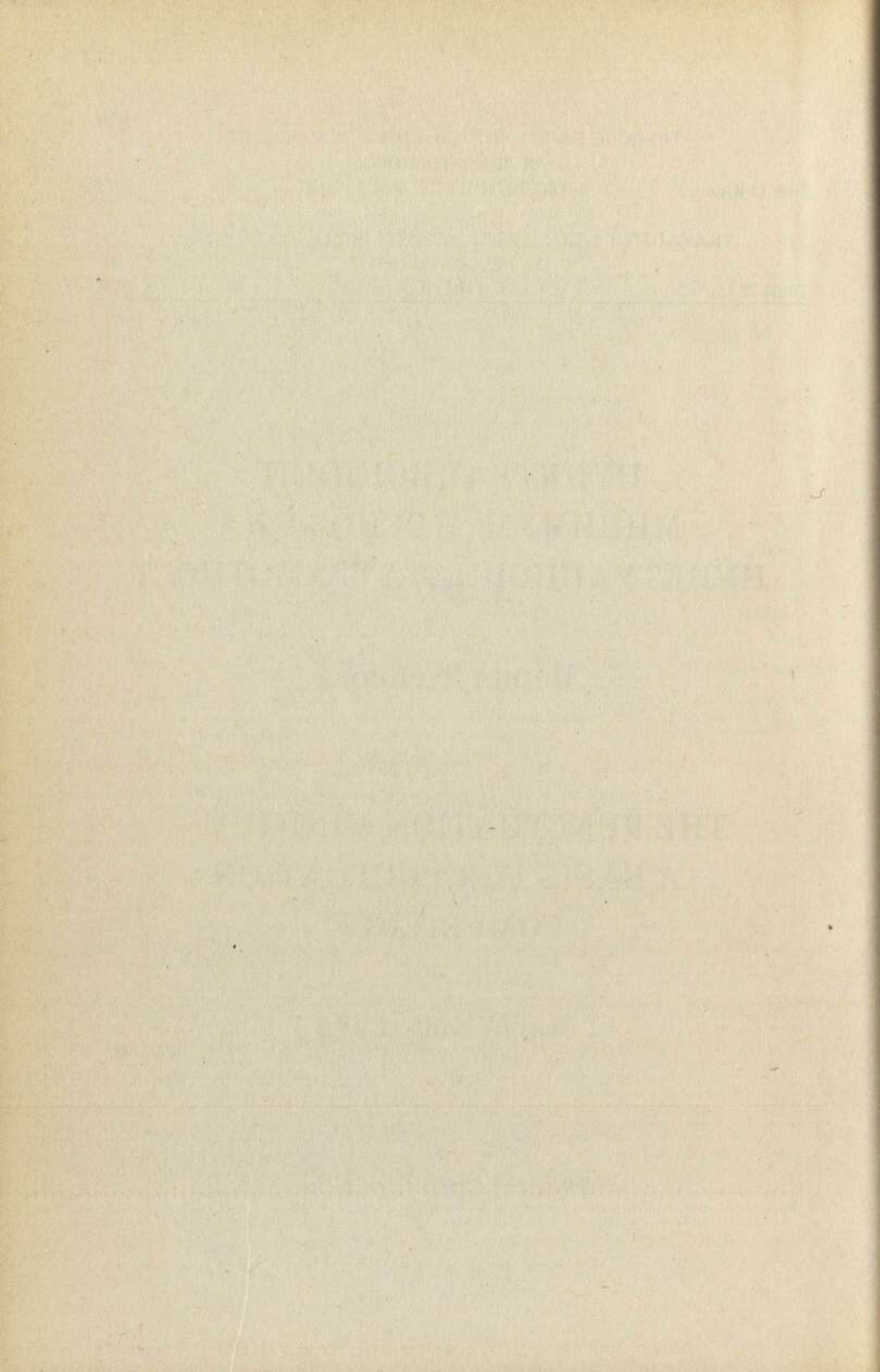
**ПУНКТУАЦИОННИЯТ
МИНИМУМ – ОСНОВА НА
ПУНКТУАЦИОННАТА ГРАМОТНОСТ**

Мария Русинова

**THE PUNCTUATION MINIMUM –
A BASIS FOR PUNCTUATION
COMPETENCE**

Maria Russinova

Велико Търново, 1988

Сред най-основните понятия в методиката на обучението по пунктуация несъмнено са понятията “пунктуационна грамотност” и “пунктуационен минимум”¹, но в нашата методическа литература те не са теоретически обосновани и не е изяснено пълно съдържанието им². Задачата на тази статия е, като се основаваме на методическата литература и на собствените си проучвания, да направим малък принос към уточняване съдържанието на посочените понятия и да определим мястото им и значението им в методиката на изучаване на пунктуацията в ЕСПУ.

1. Що е пунктуационна грамотност?

Едно от популярните определения на понятието “езикова култура” в нашата езиковедска литература принадлежи на Л. Андрейчин: “Под “езикова култура” (по-елементарно езикова грамотност) разбираме езиковата подготовка и умението да се използват правилно, точно и целесъобразно богатите изразни средства на езика”³. Степента на езиковата култура у дадено лице се преценява преди всичко по умението му да употребява правилно, точно и целесъобразно изразните средства на български език, но това умение се формира и развива върху основата на определен минимум от знания за езика, върху определена езикова подготовка, получавана в училище.

Езиковата грамотност се обяснява от Л. Андрейчин като по-елементарна форма на езикова култура. Употребявано в този смисъл, понятието “езикова грамотност” ще включва знания за нормите и правилата на книжовния език и съответно умение да се прилагат тези норми и правила в писмена и устна реч. Следователно езиковата грамотност ще включва знания за правоговорните, правописните, граматическите и пунктуационните норми и умение те да се спазват в процеса на общуването. От някои автори езиковата грамотност се разбира като “умение правилно да се използват средствата на езика за предаване на разнообразно жизнено съдържание”⁴.

Употребявано в малко по-широк смисъл, понятието “езикова грамотност” включва и елементарни знания за стилистичните възможности на изразните средства и елементарно по степен умение да се извършва подбор на изразните средства в зависимост от целите, съдържанието и условията на общуването. Но езиковата грамотност се свързва най-вече с качеството “правилност” на речта, т. е. с умението да се прилагат на практика правоговорните, правописните, граматическите, лексикалните и пунктуационните норми. Следователно под езиково грамотен човек ще разбираме човек, който познава основните книжовноезикови норми и умее да ги прилага при говорене и писане.

Разликата между езикова грамотност и езикова култура е степенна. Езиковата грамотност е първият етап по пътя на овладяване на езиковата култура, т. е. езиковата грамотност е основа на езиковата култура. Езиковата грамотност постепенно прераства в езикова култура. Колкото повече се засилва езиковата грамотност на конкретно лице или на определени обществени среди, толкова по-сигурна и широка основа се създава за издигане езиковата култура на лицето или на съответната обществена среда. Границата между езиковата грамотност и езиковата култура се определя трудно, тя е размита.

Много по-ясна и определена е долната граница на езиковата грамотност, чисто прекрочване вече ни отвежда към езиковата неграмотност. Езиково неграмотен може да бъде наречен този човек, който нарушава основните граматически, правописни и пунктуационни правила и норми, тъй като не ги познава или, ако ги познава, не притежава нужните умения да ги прилага в процеса на общуването. Под “основни норми и правила” разбираме нормите и правилата, които учениците трябва да овладеят до степен на умение и навик съгласно учебната програма по български език за ЕСПУ. Има определен минимум от норми и правила, които в процеса на обучението по български език всеки ученик трябва да овладее, за да бъде наречен езиково грамотен. За съжаление този минимум от правописни, правоговорни, граматични и пунктуационни норми не е уточнен напълно и не е представен в учебната програма във вид на изчерпателни списъци, за да бъде внесена пълна яснота, конкретност и перспективност в работата на учителите по формиране на езиково грамотни граждани на нашето общество. Според нас това е слабост на учебната програма по български език и на учебниците, изготвени

въз основа на нея. В сега действащите учебници по руски език⁵ е намерен по-добър подход – във всеки учебник не само е изведен общ списък на правописните и пунктуационни правила, които трябва да бъдат овладени в съответния клас, но се съдържа и списък на правилата, които учениците трябва да са овладели в предходните класове.

Получаването на езикова грамотност е пряко свързано с изучаване на съответния курс по съвременен български език. Тъй като според сегашната учебна програма изучаването на системния курс по български език приключва в края на VII клас, имаме основание да твърдим, че това е времето, когато към всички ученици трябва да бъдат предявени изисквания да бъдат езиково грамотни. Но езиковото обучение продължава в различни форми и през следващите класове. През тези години “се надстроява” върху езиковата грамотност, за да прерасне тя в езикова култура, каквато несъмнено трябва да притежава всеки млад човек, завършил средно образование. Освен това езиковото обучение осигурява предпоставки за по-нататъшно самостоятелно езиково развитие на гражданите на нашето общество.

По отношение на познаването и прилагането на нормите и правилата от различните системи и равнища на книжовния език очевидно обемът на езиковата грамотност не е еднакъв. Наложително е за всяко равнище на книжовния език – фонетично, граматично, лексикално, да бъде научно обоснован минимум от норми, които всеки ученик трябва да познава и да умее да прилага в речта си.

Една от основните съставки на езиковата грамотност е пунктуационната грамотност, която се разбира не само като умение на учениците правилно да поставят препинателните знаци при писане, но и като умение да “четат” точно препинателните знаци⁶.

Но не може да се иска от учениците да овладеят всички тънкости на българската пунктуация. В рамките на училищния курс по български език това не е постижима задача. Руският езиковед и методист Л. В. Шчерба различава два вида грамотност: абсолютна и относителна. Той пише: “Абсолютни грамотни в правописа и в пунктуацията са немного изключително опитни коректори и също немного учители по руски език. Всички останали руси, които се смятат за грамотни, са грамотни само относително”⁷. Това изказване ни навежда на мисълта, че от всеки ученик и от всеки гражданин не може да се иска да знае всички пунктуационни

правила, включително и забележките към тях, и да ги прилага стриктно при писане. Ще се позовем и на друг съветски езиковед – С. Г. Бархударов, който е и автор на учебници по руски език за средното училище: “Училището не може и не трябва да си поставя задача да обучи ученика във всички тънкости на пунктуацията. Работата на училището е до подбере най-важните, най-жизнените, най-често срещащите се и в неутралния стил на книжовен език случаи на употреба на препинателни знаци и да постигне тяхното усвояване от учениците”⁸. Следователно чрез обучението по български език в училище се формират относително грамотни граждани.

Едно лице ще бъде определено като пунктуационно грамотно, когато не нарушава пунктуационните правила, които се изучават в средното училище. Според А. В. Текучов “Грамотен в областта на пунктуацията може да се смята този, който правилно поставя точка, запетая, отделящи прости изречения в състава на сложното, причастни и деепричастни обрати, вметнати думи, еднородни части”⁹. “По-тънките случаи на употреба на двосточие и тире, точка със запетая и многовариантните възможности за поставяне на различни знаци в едно или друго положение не могат да бъдат повод за упрек в неграмотност”¹⁰. Следователно пунктуационната грамотност се измерва по степента на овладяване на определен минимум от пунктуационни правила и тяхното последователно прилагане в писмена реч. М. Т. Баранов определя пунктуационната грамотност като “умение правилно да се употребяват препинателните знаци между думите в изречението и между изреченията в текста”¹¹. Според него пунктуационната грамотност е една от най-важните цели на обучението на учащите се в писмена книжовна реч в училище.

Друг методист, Ю. С. Пичугов, приема, че пунктуационният минимум, от който се определя и степента на пунктуационна грамотност на учениците, обхваща правилата, които се основават на синтактичното членение на текста и на изречението и една неголяма част от структурно-семантичните правила (напр. правилата за употреба на препинателни знаци в безсъюзните сложни изречения)¹².

Относителната грамотност не е еднаква за различните лица. От значение е отношението на пишещия към езика, т. е. дали това отношение е пряко или непряко свързано с професионалната му дейност, с личните му интереси, с мястото, което писмената реч заема в живота му и т. н. Но очевидно има един минимум от

пунктуационни правила, който трябва да усвои още в училище всеки гражданин и да умее да ги прилага не само докато е ученик, но и през целия си живот. Естествено е този минимум по-късно постепенно да се разширява и обогатява, ако професионалната дейност на лицето има непосредствено отношение към използване на писмена реч. Но естествено е и другото: уменията да се прилагат точно и последователно правилата от пунктуационния минимум да се съхранят за цял живот у всеки, който е завършил средно образование. Наблюденията ни показват, че в обучението по пунктуация още не е създадена такава система и последователност, че да се осъществява тази задача.

Ако трябва да обобщим, ще кажем, че под "пунктуационна грамотност" се разбира знания за определен минимум от пунктуационни правила, които знания са превърнати в трайни умения тези правила да се прилагат последователно в писмена реч. Към пунктуационната грамотност се отнася и умението да се възпроизвежда с подходяща интонация функцията на препинателните знаци при четене. Или пунктуационно грамотен е този, който умее да пише без пунктуационни грешки в рамките на пунктуационния минимум.

2. Състояние на пунктуационната грамотност

Нерядко могат да се чуят изказвания, че пунктуационната грамотност на учениците, включително и на завършилите средно образование, е незадоволителна. Писмени работи на ученици без правописни грешки не са рядкост в училище, но писмени работи без пунктуационни грешки остават все още изолирано явление. Такава констатация направи преди години и Р. Новачкова: "Допускат се много грешки и при пунктуацията"¹³. Още по-тревожно е следното изказване на Т. Владимирова: "Запетаята се употребява, особено от по-малките ученици, произволно"¹⁴. Подобни оценки намираме и в руската методическа литература. Така например Л. Т. Григорян, която повече от едно десетилетие се занимава с изучаване грешките на учениците пише: "Известно е, че пунктуационните навици на учащите се, завършващи средно училище, и на студентите от вузовете остават и досега неудовлетворителни"¹⁵.

А ето и някои резултати от наши наблюдения. След като бяха изучени обособените части в простото изречение, на ученици от една паралелка в VI клас (уч. 1984/85 г.) беше поставена задача да прочетат внимателно текста и да поставят пропуснатите препинателни знаци (предаваме текста, както бе зададен на учениците).

Зимен ден

Денят беше ясен мразовит. Ние навлязохме в снежните тунели под дърветата пълни с мека радваща окото светлина. Китът, огрян от сутрешното слънце, лъщеше, а тишината бе тъй пълна тъй мека че пукането на снега под стъпките ни ме караше да трепвам. Крехки като че направени от най-фин бял мрамор изглеждаха храстите покрити с цветчетата на мрза.

Като излязох на малката поляна аз видях прекрасна картина. Насреща по клоните на една ела, натезали от дебели шишарки стояха десетина яркочервени птички.

Зачуден отидох под елата и отблизо разгледах непознатите птици. Приличаха на папагалчета човките им бяха криви като зъболекарски клещи.

Ем. Станев

Пропуснати са препинателните знаци във връзка с:

а) отделяне на прости изречения в границите на сложно изречение;

б) отделяне на обособени части и

в) отделяне на еднородни части помежду им. Тези въпроси от синтаксиса бяха изучени и бяха проведени тренировъчни упражнения върху тях в рамките на по един учебен час. Учениците (в клас бяха 31 души) допуснаха общо 147 пунктуационни грешки, т. е. средно по 4, 9 на ученик. Грешките са свързани с пропускане на препинателни знаци, но има и случаи, чието число не е твърде малко, на неправилно поставена запетая. Тук ще посочим някои от по-характерните грешки, свързани с употребата на обособени части (обособените части заемат основно място в контролната работа). В изречението "Китът, огрян от сутрешното слънце, лъщеше..." само един ученик е поставил правилно и двете запетая, ограждащи

обособеното определение “огрян от сутрешното слънце”; 18 ученици изобщо не са доловили, че в изречението има обособено определение; от останалите 12 ученици петима са поставили само предната запетая, а други седем — само заграждащата запетая. В изречението “Насреща по клоните на една ела, натежали от дебели шишарки, стояха десетина яркочервени птички” нарочно беше поставена запетаята пред обособеното определение, за да подсети учениците. От 31 ученици 20 не се справиха със задачата — поставената запетая не им подсказваше, че може да следва обособена част. Ще разгледаме още едно изречение: “Ние навлязохме в снежните тунели под дърветата, пълни с мека, радваща окото, светлина”. То съдържа две обособени определения — “пълни с мека...светлина” и “радваща окото” (към светлина). Обособеното определение “радваща окото” не бе отделил от двете страни със запетая нито един ученик (9 ученици са поставили запетая само пред “радваща”, но вероятно не са успели да вникнат в същността на обособените части). Общо 17 ученици не бяха поставили запетая пред “пълни с мека...светлина”.

През лятото на 1985 г. бяха анализирани поправените пунктуационни грешки в писмените работи на 300 кандидат-студенти (тема “Идеал и действителност в поезията на Димчо Дебелянов”). Без пунктуационни грешки бяха само 2 писмени работи, с по една пунктуационна грешка — 14, с две — 38, с три — 59 и с повече от три — 187 писмени работи. Общият брой на пунктуационните грешки бе 1146, т. е. средно на писмена работа се падат по 3, 82 пунктуационни грешки. В същото време броят на поправените правописни грешки бе 403, т. е. на една писмена работа се падат по 1, 3 правописни грешки. Очевидно е, че средно броят на пунктуационните грешки е 3 пъти повече в сравнение с правописните. (Анализ на пунктуационните грешки се прави на друго място). С посочване на тези данни целта ни тук е да покажем, че наистина пунктуационната грамотност на нашите средношколци все още остава незадоволителна.

Причините за това състояние на пунктуационната грамотност на учениците са твърде много и разнообразни — слабости в учебната програма, учебници и други учебни помагала, недостатъчна разработеност на теоретичната и практическа методика на обучението по пунктуация, недостатъчното време, което остава за работа по формиране на пунктуационни умения, слабости в учебния

процес, в процеса на изучаване на пунктуацията, подценяване на пунктуационните грешки и т. н. Но сред причините за ниския резултат в овладяване на пунктуацията, непременно ще трябва да поставим и тази, че у нас не е разработен въпросът за съдържанието на понятието “пунктуационна грамотност” и свързаното с него понятие “пунктуационен минимум”. Не е поставен с цялата му сериозност и въпросът за задължителното усвояване на пунктуационния минимум от всички ученици. У нас учениците изобщо се обучават в пунктуация, без да се държи сметка за това, кои правила принадлежат към пунктуационния минимум и кои остават извън него. Това пък довежда до nihilистичното заключение, че пунктуацията не може да бъде овладяна добре, което пък демобилизира силите на учениците.

Тревожно е и това, че докато в печатни издания могат да бъдат открити правописни грешки само като изключение, допуснати поради коректорско недоглеждане, положението с пунктуационните грешки е малко по-различно. В периодични издания и в книги понякога се откриват съществени отклонения от пунктуационните правила, без тези отклонения да са с нещо обосновани – пропускане на препинателни знаци, волности в употребата им и др.¹⁶ Обяснение на тези отклонения от пунктуационните правила можем да намерим в следните думи на големия руски методист А. В. Текучов: “Пунктуацията не търпи формализъм, техницизъм в нейното приложение, а изисква постоянно и дълбоко осмисляне не само на правилата по същество, но и на всяка речева ситуация, в която тя има място. Ето защо владенето на пунктуацията е проблем от общата култура на човека, от културата на неговото мислене”¹⁷. Пунктуационните умения са не само по-сложни от правописните, но и не могат да се технизират, да се автоматизират като тях. С това е свързана и по-голямата трудност, която и учител, и ученици ще трябва да преодолеят в процеса на обучението по пунктуация. От това следва, че обучението по пунктуация се свърза не само със занятията по синтаксис, но и с цялостното обучение на учениците. Особено място в това отношение се пада на занятията за развитие на речта. Все още не са изчезнали от практиката случаите, когато учители или родители съветват децата да си служат с прости (и то по-кратки) изречения, за да не допускат много пунктуационни грешки. Такъв съвет има антипедагогическо съдържание, защото е свързан със задържане на уметвеното и езиковото развитие на

детето. В крайна сметка ученици, които се вслушват в такъв съвет, остават с бедна езикова култура, не умеят свободно да си служат с разнообразните синтактични конструкции на българския книжовен език. До същия резултат довежда и практиката на някои учители, които при работа над пунктуационните грешки сами дават пример на учениците да разделят сложните изречения на по-елементарни изречения.

Ако в обучението по пунктуация учителите постоянно се ръководят от изискванията за един задължителен пунктуационен минимум, посочената практика ще бъде по-лесно изживяна, тъй като ще работят организирано и целенасочено едновременно за развитие и обогатяване речта на учениците и ще ги обучават в последователно прилагане на правилата от пунктуационния минимум.

3. За пунктуационния минимум в ЕСПУ

У нас не е разискван специално въпросът, какъв трябва да бъде пунктуационният минимум, който трябва да бъде овладян от всички ученици, завършили средно образование. Това, разбира се, не ще рече, че съставителите на програмата по български език за различните класове и общо за целия курс на обучение, както и авторите на учебниците по български език не са се ръководили от определени съображения, от определени принципи, когато са включвали за изучаване в различните класове едни или други пунктуационни правила.

Съвременната българска пунктуация е установена с законописната реформа от м. февруари 1945 г. Пунктуационните правила, които се изучават оттогава насам в нашите училища, се утвърждават най-вече чрез учебниците по българска граматика, написани от Л. Андрейчин, Ст. Стоянов и К. Попов. По техните учебници се води обучението по български език в V – VII клас повече от две десетилетия. В края на 70-те години тези учебници бяха подменени с нови, а от 1984 г. започна въвеждането на най-новите учебници, като системното обучение по български език вече започва в IV клас. Авторите на учебници са тези, които определиха кои пунктуационни правила трябва да се изучават в училище. Системата от пунктуационни правила, които намираме в учебниците на Л. Андрейчин,

Ст. Стоянов и К. Попов, се възприема в основни линии и от авторите на последвалите след това нови учебници по роден език, но се забелязват и някои различия предимно по посока на намаляване броя на правилата или ограничаване на обхвата им.

Преди да изложим нашето мнение за обема на пунктуационния минимум, ще направим критичен преглед, макар и непълен, на системата правила, които се съдържат в досегашните учебници, включително и в най-новите, като за основа вземаме учебниците по български език от Л. Андрейчин, Ст. Стоянов, К. Попов и Н. Стоянова, издадени в началото на 60-те години¹⁸. От по-ранно време използваме "Българска граматика за трети прогимназиален клас" (изд. 1948 г.) от Е. Николов.

I. Просто изречение

1. Препинателни знаци при еднородните части

В учебника на Л. Андрейчин, К. Попов и Ст. Стоянов (1961) се посочва, че запетая се пише между еднородни части, свързани безсъюзно, както и при съюзно свързване със съчинителните съюзи а, ала, но, пък, само че и др. Казано е още, че когато съюзът се повтаря (и, ни, или, ту), запетая се пише пред всеки съюз освен първия. Запетая се пише и пред втората част на сложни съединителни съюзи (както, така и; не само, но и), когато свързват еднородни части помежду им. Освен споменатите вече случаи Е. Николов включва още един – еднородните приложения се отделят от определяемото с двоеточие или с тире: По пътя се виждаха много посрещачи: мъже, жени и деца. – Върховете, доловете, равнините – всичко побеляло от сняг. Н. Димитрова и Ст. Кабасанов¹⁹ също разглеждат употребата на двоеточие и тире при еднородни части, като я представят по-пълно и диференцирано, отколкото е сторил това Е. Николов:

"Еднородните части се отделят с двоеточие в следните случаи:

а) При изброяване: Най-големи български градове са: София, Пловдив, Варна, Русе, Бургас.

б) След обобщаваща дума: Работливите селяни са навсякъде: на нивите, на ливадите, в овощните и зеленчуковите градини.

в) Пред думи, които разясняват казаното преди това: Аз с очите си видях: бяла, такава бяла. (Й. Йовков)

Тире се употребява в случаите:

а) Когато обобщаващата дума стои след еднородните части: И планините, и склоновете, и полето – всичко е потънало в зеленина.

б) Ако еднородните части са в средата на изречението, след обобщаващата дума пишеш двоеточие, а след еднородните части – тире, напр. У него всичко: и външност, и държание, и мислене – ми харесва” (с. 124).

К. Попов, К. Димчев, Л. Ставрева и Цв. Стамболиева, автори на учебници по български език за шести клас²⁰ са потърсили по-сбитата форма за представяне на пунктуацията на еднородните части: еднородните части се отделят помежду си със запетая; пред съюза и не се пише запетая; пред съюзите и, нито-нито, или-или се пише запетая, когато се повтарят.

В най-новия учебник по български език за V клас²¹, в който по сега действащата учебна програма се изучават еднородните части, също е изоставен въпросът за употреба на еднородни части към дума с обобщаващо значение, поради което не се включват и съответни пунктуационни правила. В учебника не се посочват специално и съчинителните съюзи, пред които се пише запетая, когато свързват еднородни части.

Направеният преглед повдига два въпроса:

а) дължни ли са учениците да знаят всички прости и сложни съчинителни съюзи, пред които (или само пред втората им част) се пише запетая, когато свързват помежду им еднородни части и

б) нужно ли е да се изучава употребата на еднородни части към думи с обобщаващо значение и свързаните с тази употреба пунктуационни правила.

Поставяме извън всяко съмнение обстоятелството, че основното правило трябва да бъде максимално обобщаващо, за да разкрива перспектива пред учениците за по-нататъшно развитие и обогатяване на пунктуационните си умения във връзка с тази синтактична категория. Правилото би могло да гласи: “Еднородните части, свързани безсъюзно или със съчинителни съюзи (с изключение на съюзите и, или, употребени еднократно), се отделят помежду си със запетая.” Но то би могло и да се разчлени на няколко частни правила: “Еднородните части се отделят помежду си със запетая. Не се пише запетая пред съюзите и, или, употребени еднородно.”

По наше мнение към пунктуационния минимум, задължителен за всички ученици, трябва да се отнася:

а) писане на запетая между еднородни части, свързани безсъюзно;

б) писане на запетая между еднородни части, свързани със простите съюзи а, но, ала, както и пред повторените съюзи и, и; нито, нито; ту, ту, с изключение на първия път. След като овладеят пунктуационния минимум, уменията на учениците трябва да бъдат разширени и с умението да поставят запетая пред втората част на сложни съюзи, както, така и; не само, но и.

Не можем да се съгласим с авторите на учебниците по български език, които изключват от учебното съдържание по темата употребата на еднородни части към думи с обобщаващо значение. Такива синтактични конструкции имат твърде широко място в писмената реч и учениците следва да се научат да ги използват целесъобразно и да умеят да ги оформят в пунктуационно отношение.

Наистина в някои учебници ("Българска граматика" за седми клас от Л. Андрейчин, К. Попов, К. Димчев, Л. Ставрева, Цв. Стамболиева) се споменава за обособяване на еднородни части към дума с обобщаващо значение, но това е направено само във връзка с пунктуацията. На самото явление не се отделя самостоятелно място. Това е причина явлението да не се усвоява добре от учениците и те да не умеят да оформят пунктуационно такива синтактични конструкции. Според нас в учебниците по руски език²² този въпрос е решен по-сполучливо: към тезата за еднородни части има отделен параграф за употребата на обобщаващи думи при еднородни части. Освен това тези конструкции по-добре се осъзнават от учениците, когато се изучават едновременно с еднородните части.

2. Препинателни знаци при обособените части

В "Българска граматика" за седми клас от Л. Андрейчин, К. Попов и Ст. Стоянов категорията обособени части е представена твърде пълно, като след изявяване на всяка обособена част (определение, приложение, обстоятелствени пояснения) се посочват и правилата за пунктуационното ѝ оформяне. При обособените определения и обособените обстоятелствени пояснения се казва, че

се отделят от останалите части със запетая. В учебника на Н. Димитрова и Ст. Кабасанов се добавя, че когато на обособената част се обръща по-голямо внимание, поради нейната смислова важност, тя се отделя с тире вместо със запетая. Тази практика се запазва и в учебника по български език на шести клас от К. Попов, К. Димчев, Л. Ставрева, Цв. Стамболиева. Тук се казва, че обособените части се отделят със следните препинателни знаци:

а) със запетая,

б) с тире при по-голяма пауза,

в) със скоби се отделя обособено приложение, което има “по-особен пояснителен характер” и

г) с двоеточие, което “се пише пред или след обобщаваща дума (всичко, всички)” (с. 125). В излезлите от печат учебници по български език според най-новата учебна програма (1984) категорията обособени части не е представена и не е ясно в кой клас ще бъде изучавана от учениците. Според нас нейното най-подходящо място е веднага след категорията еднородни части на изречението (каквато е и традицията, установена у нас, а и в граматиките на други езици, напр. руски език).

Стремежът на всички автори на учебници по български език е бил да посочат всички правила, които се използват за отделяне на обособените части от останалите части в изречението. Срещу такъв подход не може сериозно да се възрази, но напълно очевидно е и друго — авторите не са търсили и не са се ръководили от един пунктуационен минимум, който би се превърнал в предпоставка за по-високи учебни резултати. Това проличава главно от примерите, използвани при разработване на темата, а също и от упражненията.

Според нас пунктуационният минимум във връзка с обособените части следва да включва:

а) отделяне със запетая (или заграждани запетаи според мястото на обособената част) на обособени определения (кратки и разширени), изразени с прилагателни имена и с причастия (сегашно деятелно, минало свършено деятелно и минало страдателно);

б) отделяне със запетая (или заграждани запетаи) на обособено обстоятелство, изразено с деепричастие (неразширено или разширено);

в) отделяне със запетая (или заграждани запетаи) на разширено приложение, което е обособено;

г) ограждане със скоби на обособено приложение, което дава друго название на определяемото.

Ако учениците не овладеят напълно пунктуацията на посочените видове обособени части, те не биха могли да осъзнаят същността, употребата и пунктуационното оформяне на останалите обособени конструкции (особено обстоятелствено пояснение за място, за време, за сравнение, за начин и др.), които все пак имат особено място в системата на обособяване и с които учениците си служат по-рядко. При изучаване на обособените части в системата от упражнения не може да няма и такива, които изискват от учениците да се мотивират какъв знак е най-уместно да се използва за отделяне на обособената част (запетая или тире), но неумението им да си служат с тирето като знак за “по-силно” обособяване, не следва да се преценява като груба грешка (а до VIII клас според нас изобщо може да не се оценява като грешка).

3. Препинателни знаци при вметнатите думи и изречения

Във всички учебници, които са предмет на нашия преглед, се посочва, че вметнатите думи и изрази се отделят от частите на изречението със запетая. Вместо със запетая те могат да се отделят и с тирета или със скоби – особено когато са цели изречения и имат уточняващо значение. Употребата на тези препинателни знаци при вметнатите думи и изречения не може да не се отнесе към пунктуационния минимум, въпреки че основно място се пада на запетаята (употребата на запетая вместо тирета или скоби не се преценява като груба грешка). Извън пунктуационния минимум обаче остават случаите, когато думи като очевидно, наистина, вероятно, сигурно, според мене, например, може би и др. могат да бъдат употребени и като вметнати думи и като обикновени обстоятелства²³. Задължение на учителите е да разяснят тази двойка употреба, да насърчават тези, които умеят да си послужат точно с такива изрази, но и в същото време те не бива да оценяват като груби грешките, допускани от учениците.

II. Сложно изречение

1. Препинателни знаци при сложното съчинено изречение

В учебника за осми клас "Българска граматика" (1962) от К. Попов и Н. Стоянова са посочени твърде пълно правилата за употреба на препинателните знаци (запетая, точка и запетая, двосточие, тире) в сложното съчинено изречение. Същото може да се каже и за учебниците по български език от 70-те и началото на 80-те години²⁴. Става ясно, че пред учениците се поставя задача да получат умение да поставят точно и правилно препинателните знаци във всички видове сложни съчинени изречения, без да се акцентува върху един минимум, съобразен както с възрастта, така и с умствените възможности на учениците.

Анализът на писмените работи на учениците от VII – VIII клас доказва, че те почти не си служат (или много рядко някои от тях употребяват) с препинателни знаци като:

а) точка и запетая, за да отделят групи изречения, които са по-ясно свързани по смисъл, когато между тях вече има запетая (вж. посочените учебници);

б) двосточие за означаване на причинна или следствена зависимост на второто просто изречение от първото, или когато второто изречение съдържа разяснение на първото;

в) тире, когато с второто изречение се изразява мисъл, която е противоположна на мисълта в първото просто изречение или е неочаквана. Очевидно е, че учениците трябва да бъдат обучавани, първо, да употребяват такива видове сложни изречения, и второ, да ги оформят пунктуационно. Изпълнението на тази задача има пряко отношение към занятията по развитие на речта, въпреки че известни познания за посочените видове сложни съчинени изречения те трябва да получат при обучението си по синтаксис.

Пунктуационният минимум, който според нас трябва да бъде пълно овладян от учениците, включва:

а) отделяне със запетая на прости изречения, свързани безсъюзно в сложно съчинено;

б) писане на запетая пред съюзите а, ала, но, обаче, пък, само че, когато свързват прости изречения в сложно съчинено;

в) писане на запетая пред втората съставка на съюзите и-и, или-или, нито-нито;

г) писане на тире на мястото на изпуснат съчинителен съюз с противопоставително значение (напр. "Лозето не ще молитва – иска мотика"). Още веднъж ще кажем, че определянето на пунктуационен минимум, задължителен за всички ученици, има дидактически смисъл. Той не ограничава учителя, чието задължение е да запознава учениците и с останалите пунктуационни правила при сложните съчинени изречения, но го насочва към по-системна и целенасочена работа за овладяване на основните пунктуационни правила.

2. Препинателни знаци при сложното съставно изречение

Пунктуацията на сложното съставно изречение се изучава диференцирано, във връзка със строежа на всеки тип сложно съставно изречение: сложно съставно с подчинено определително изречение, сложно съставно с подчинено допълнително изречение и т. н. Най-разчленено пунктуационните правила за употреба на препинателни знаци при сложното съставно изречение се представят в "Български език" за 7. клас от Т. Бояджиев, Е. Георгиева, К. Димчев, М. Добринова и Р. Новачкова. Тази разчлененост е дидактически оправдана, тъй като позволява на учителите да организират по-разнообразно и системна тренировъчна дейност за превръщане на знанията за правилата в умение. Но и тук основните пунктуационни правила са диференцирани от правилата с уточняващо значение. Такова правило с уточняващо значение е, че не се поставя запетая пред подчинителен съюз, ако пред него се намира съчинителният съюз и или наречията едва, само, чак.

Според най-новия учебник по български език за V клас (1985) учениците получават елементарни знания за видовете подчинени изречения в сложното съставно изречение, което предполага да се запознаят и с основните пунктуационни правила, но такива правила

липсват (схемите, чрез които се илюстрира мястото на подчиненото изречение спрямо главното, едва ли могат напълно да заместят нужните пунктуационни правила). Като се има предвид, че в VI и VII клас няма да се учи нищо ново за сложното съставно изречение става още по-наложително поместването на основни пунктуационни правила в учебника за V клас.

Извършеният тук преглед на пунктуационните правила в учебниците по български език от последните две десетилетия показва, че авторите им са възприели един доста широк обем от знания за българската пунктуация, който поради недостатъчния брой часове за тренировъчни упражнения и поради слабости в методиката на обучение по пунктуация не се превръща в трайни умения за всички ученици. Ние не сме против този обем от пунктуационни знания и умения. Той трябва да присъствува в учебниците по български език, но е нужно да се помисли как може в него да се отдели един пунктуационен минимум (напр. шрифтово), който да бъде задължителен за всички ученици, завършили даден клас или дадена степен на единното ни средно политехническо училище.

Утвърждаването на пунктуационен минимум е важна лингводидактическа задача, с която трябва непременно да се заемат езиковеди и методисти. Това ще позволи да се внесе по-голяма организираност, целенасоченост и системност в обучението по синтаксис и пунктуация. Освен това пунктуационният минимум играе мобилизираща роля, повишава вниманието и на учители, и на ученици към формиране на пунктуационни умения, без които не може да се върви напред в училище. Пунктуационният минимум определя задължителния обем от знания и умения за прилагане на препинателните знаци. В това е неговият смисъл и значение за обучението по български език. Пунктуационният минимум е основа, върху която се формират критериите за оценяване пунктуационната грамотност на учениците.

Овладяването на уменията от пунктуационния минимум приключва в края на VII клас, но той разкрива възможности за по-нататъшна приемственост и перспективност в овладяване на българската пунктуация – процес, който е неразривно свързан със знанията по развитието на речта.

Към обема на пунктуационния минимум се включват преди всичко правила, които се основават на смислово-синтактичното членение на простото и на сложното изречение. Съветският методист

А. В. Текучов, който има най-голяма заслуга за определяне на пунктуационния минимум в съветската десетилетка, включва в него правилата, "които в своята съвкупност се явяват база, основа на руската пунктуация"²⁵. "Това са – пише той – ясни, постоянно действащи правила, които не допускат вариантност; те отчитат и смисловата, и структурно-граматическата страна на записвания текст."²⁶ Към пунктуационния минимум според него принадлежат преди всичко правилата за писане на:

- точка, въпросителна и удивителна в края на изречение;
- запетая при еднородни части, причастни и деепричастни обособени обрати, при отделяне на простите изречения в сложното;
- двоеточие след обобщаваща дума пред еднородни части, след думите на автора пред пряка реч²⁷.

Ние също приемаме, че към пунктуационния минимум принадлежат на първо място правилата, които са свързани със смислово-синтактичната структура на простото и на сложното изречение, и на второ място някои основни правила, отразяващи графичните функции на препинателните знаци. По-конкретно към пунктуационния минимум отнасяме следния обем от пунктуационни знания и умения:

1. Просто изречение

1. *Писане на точка, въпросителна и удивителна в края на изречение.*

2. *Отделяне на обръщение и на междуметие със запетая, заграждащи запетая или удивителна.*

3. *Отделяне със запетая на частиците да и не за изразяване на утвърждаване или отрицание.*

4. *Писане на многоточие в края на недовършено изречение.*

5. *Отделяне на еднородни части помежду им:*

– писане на запетая между безсъюзно свързани еднородни части;

– писане на запетая между еднородни части, свързани с простите съюзи а, но, ала: пред втората част на двойните съюзи и-и, или-или, ту-ту, нито-нито; пред втората част на сложния съюз не само, но и;

– писане на двоеточие след дума с обобщаващо значение, когато след нея има еднородни части;

– писане на тире след еднородни части, когато следва дума с обобщаващо значение.

6. Отделяне на обособени части от останалите части в изречението:

– отделяне със запетая или със заграждащи запетаи на обособено определение (кратко и разширено), изразено с прилагателно и с причастие;

– отделяне със запетая или със заграждащи запетаи на обособено приложение;

– отделяне със запетая или със заграждащи запетаи на обособено обстоятелствено пояснение, когато:

а) е изразено с деепричастие и

б) когато се отнася към друго обстоятелство;

– поставяне в скоби на обособено приложение, което дава друго название на определяемото.

7. Отделяне на вметнати думи и изрази:

– отделяне със запетаи на вметнати думи и изрази;

– отделяне с тирета или със скоби на цели вметнати изречения.

II. Сложно изречение

1. Отделяне със запетаи на отделните прости изречения в рамките на сложното съчинено:

– когато са свързани безсъюзно;

– когато има пропузенат съчинителен съюз с противоположно значение (обикновено но, а);

– когато са свързани със съчинителен съюз (с изключение на еднократно употребените съюзи и, или), с двосен съюз (и-и, или-или, ту-ту, нито-нито) с изключение на първия път, със сложния съюз не само-но и (пред втората му част).

2. Отделяне на простите изречения в сложното съставно изречение:

– писане на запетая пред съюза че;

– писане на запетая пред относително местоимение и относително наречие;

– писане на запетая пред други подчинителни съюзи (без да, щом, като че, като да, за да, затуй че и др.);

– писане на двоеточие на мястото на изпузенат подчинителен съюз;

– забрана за писане на запетая пред еднократно употребен съюз да и пред въпросително местоимение или въпросителна частица. Отделяне на простите изречения в сложно смесено изречение;

– писане на запетая пред съюзите и, да, когато с нея се огражда обособена част, вметната дума или израз, подчинено изречение;

– писане на точка и запетая между групите прости изречения в сложното смесено, когато имат еднакъв синтактичен строеж;

– забрана да се пише запетая между два съюза (съчинителен и подчинителен), употребени един след друг (а, когато, но щом и др.).

III. Пряка реч

1. *Отделяне на авторските думи от пряката реч, когато тя е след тях, пред тях или се вмъква между тях:*

– писане на тире пред пряка реч в диалог;

– писане на двоеточие след авторските думи, когато следва пряка реч;

– писане на тире след пряка реч, когато следват авторските думи;

– писане на тирета пред и след пряката реч, когато тя се вмъква между авторските думи;

– поставяне на пряка реч в кавички, когато няма характер на диалог.

IV. Графична употреба на препинателните знаци

1. *Писане на точка:*

– след съкращения;

– при цифрово означаване на дати;

– след арабска цифра за означаване на числително редно име;

– при померяване на рубрики чрез цифрова или буквена класификация.

2. *Писане на запетая:*

за отделяне на място от дата: В. Търново, 21 септември 1986 г.;

– за означаване на десетични дроби;

– за означаване на часове, минути, секунди: 19, 25 ч.

3. *Писане на двоеточие:*

– пред подпис на лице в края на писмо, молба или документ.

4. *Писане на тире:*

- за означаване на разстояние между географски обекти: Влакът София – Варна се движи навреме и ще пристигне в 10, 45 ч.;
- за означаване на противопоставяне: футболната среща “Славия” – “Спартак” се очаква с интерес.

5. Писане на кавички:

- за отделяне на приложения, приети като условни названия към нарицателни имена (улици, училища, читалища, театри, кина, заводи, заглавия на книги, вестници, пагради, ордени, звания и други).

6. Писане на скоби:

- за заграждане на псевдоними и прякори, които се употребяват след действителните имена, и обратно – на действителните имена, ако лицата са повече известни с псевдонима или прякора: Адалберт Антонов (Сашо), Елин Пелин (Димитър Иванов);

- дясна скоба при помериране с цифри или букви.

Пунктуационният минимум има следните особености:

1. Освен утвърдителните (положителните) правила включва и отрицателни правила, т. е. правила, забраняващи поставянето на един или друг препинателен знак.

2. Открива перспектива за продължаване на работата по овладяване на пунктуацията и след приключване на занятията по синтаксис.

3. Създава база за по-сигурна оценка на пунктуационните умения на учениците.

Една от причините за нисоката ефективност от обучението по пунктуация е липсата на диференцирана оценка спрямо характера на допусканите от учениците грешки. Учителите постъпват напълно правилно, когато поправят всички пунктуационни грешки, но не винаги е обосновав подходът им към оценката. В много случаи те поставят на една плоскост всички пунктуационни грешки, без да държат сметка за основни дидактически изисквания: дали нарушеното правило принадлежи към пунктуационния минимум или не, дали е учено и кога е учено, колко време е усвоявано и т. н. За тези слабости не можем напълно да оправдаем учителите, но главната причина за допускането им се корени в методическата литература, която не е предложила цялостна методика за обучение по пунктуация и в частност методика за работа върху пунктуационните грешки и тяхната оценка.

Обособяването на пунктуационен минимум може съществено да промени работата на учителите по български език в тази насока.

Товага при оценяване пунктуационната грамотност на учениците на всеки един етап от обучението им ще се изхожда от изискванията на пунктуационния минимум. Ако се нарушава изучено и достатъчно дълго време тренирано правило от пунктуационния минимум, грешката задължително трябва да се оценява като груба. Това ще е сигнал, че е такъв ученик трябва да продължи работата по формиране на съответното пунктуационно умение.

Разбира се, от казаното не бива да се правят изводи, че останалите пунктуационни грешки ще бъдат оправдани или омаловажавани. Те също трябва да бъдат предмет на грижлива работа в училище, но работата върху тях не може и не бива да измества усилията на учениците от основната задача – формиране на пунктуационни умения в рамките на минимума. Целесъобразно е пунктуационната грамотност на учениците на даден етап да се оценява преди всичко по степента на формираното умение да прилагат точно и последователно в собствената си писмена реч изучените правила от пунктуационния минимум. Грешките по прилагане на останалите пунктуационни правила също се вземат под внимание, особено ако са учени, по тяхното участие при формиране на оценката няма да бъде решаващо.

Вече се каза, че пунктуационният минимум открива перспектива за по-широка и задълбочена работа върху българската пунктуация през всички етапи на обучението по български език (I – III клас, IV – VII клас, VIII – XII клас). Завършвайки средно образование, учениците трябва да имат повече пунктуационни умения, отколкото са изискванията на пунктуационния минимум, трябва да умеят да използват стилистичните възможности на отделните препинателни знаци. Но очевидно е, че този максимум трудно ще бъде достигнат от всички ученици на сегашния етап, затова въпросът за пунктуационния минимум има своята дидактическа стойност и е препоръчително да намери отражение в учебната програма по български език и в учебниците.

Училището ще е изпълнило докрай задачата си, когато учениците възпитат у себе си постоянен стремеж да разширяват и обогатяват знанията си и уменията си от пунктуационния минимум паралелно с усилията си за развитие и усъвършенстване на писмената си реч.

ЛИТЕРАТУРА:

¹ Вж. Текучев, А. В. Орфографическом и пунктуационном минимуме для средней школе. М., 1982; Методика русского языка в средней школе. М., 1970, 410–415; Ломизов, А. Ф. Обучение пунктуации в средней школе. М., 1975, 59–60; Григорян, Л. Т. Обучение пунктуации в средней школе. М., 1982, с. 3; Основы методики русского языка в 4–8 классах. Пособие для учителей. Под ред. А. В. Текучева, М. М. Лезумовской, Т. А. Ладыженской. М., 1983, с. 170.

² Вж. Кабабанов, Ст. Методика на обучението по български език, 4. поправено и допълнено издание. С., 1979.

³ Андрейчин, Л. На езиков пост. С., 1961, с. 8.

⁴ Бабайцева, В. В., Л. Д. Чеснокова, А. П. Еремеева. Лингвометодические основы преподавания русского языка в общеобразовательной школе. М., 1980, с. 62.

⁵ Бархударов, С. Г., Е. С. Крючков, Л. Ю. Максимов, Л. А. Чешко. Русский язык. Учебник для 7–8 классов. М., 1982.

⁶ Димчев, К. “Българска пунктуация” в работата на учителя. – Български езици и литература, 1979, № 4, с. 59.

⁷ Щербат, Л. В. Об идеално грамотном человеке. – Учительская газета, № 142, 3 ноябр, 1940. Цит. по Баранов, М. Т. Оценка орфографической грамотности учащихся 4–8/9–10 классов. – Русский язык в школе, 1973, № 6, с. 66.

⁸ Бархударов, С. Г. Проблемы современного русского правописания. М., 1964, с. 14.

⁹ Текучев, А. В. Об орфографическом и пунктуационном минимуме в средней школе, с. 15.

¹⁰ Пак там.

¹¹ Баранов, М. Т. Повышение пунктуационной грамотности учащихся 4–8 классов. – Русский язык в школе, 1983, № 3, с. 17.

¹² Пичугов, Ю. С. Лингвометодический анализ правил пунктуационного минимума для общеобразовательной школы. – В: Изучение курса русского языка в школе. Сборник научных трудов. Под ред. В. В. Бабайцевой, В. М. Шаталовой. М., 1976, с. 47.

¹³ Новачкова, Р. Правопис и езиково обучение. – Български език, 1973, № 3–4, с. 291.

¹⁴ Владимирова, Т. Правопис, правописни грешки и методика на обучението по правопис. – Български език, 1973, № 3–4, с. 251.

¹⁵ Григорян, Л. Т. О зависимости качества речевого оформления сочинения от уровня пунктуационной грамотности учащихся. – В: Оценка знаний, умения и навыков учащихся по русскому языку. М., 1986, с. 68.

¹⁶ Мурдаров, Вл. Употребата на някои преципителни знаци в един научен труд. – Български език, 1973, № 3–4, 317–320; Правописни и пунктуационни особености във вестник “Отечествен глас”. – Въпроси на съвременната журналистика, 1977, № 3–4, 68–80.

¹⁷ Текучев, А. В. Об орфографическом и пунктуационном минимуме, с. 63.

¹⁸ Вж. Андрейчин, Л., К. Попов, Ст. Стоянов. Българска граматика. Учебник за седми клас на общообразователните трудовополитехнически училища. С., 1961; Попов, К., Н. Стоянова. Българска граматика. Учебник за осми клас на общообразователните трудовополитехнически училища. С., 1962.

¹⁹ Димитрова, Н., Ст. Кабаасанов. Българска граматика. Учебник за 7-и клас на общообразователните трудовополитехнически училища. С., 1975.

²⁰ Попов, К., К. Димчев, Л. Ставрева, Цв. Стамболиева. Български език. Учебник за 6-и клас на единното средно политехническо училище. С., 1984.

²¹ Комарска, И., Р. Русинов, Е. Дъбова. Български език за 5-и клас на единното средно политехническо училище. С., 1985.

²² Вж. Бархударов, С. Г., С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, Л. А. Чешко. Русский язык. Учебник для 7–8 классов. М., 1982, 105–106; Бабайцева, В. В., Л. Д. Чеснокова. Русский язык. Экспериментальный учебник для 4–8 классов. Под ред. В. В. Бабайцевой. М., 1982, 191–192.

²³ Вж. Янакиев, М. Как да редактираме собствено съчинение. С., 1975, 43–45.

²⁴ Вж. Попов, К., Л. Андрейчин, Ст. Стойков, М. Янакиев, Л. Иванов. Български език за 8-и клас на средните трудовополитехнически училища. С., 1975; Бояджиев, Т., Ел. Георгиева, К. Димчев, И. Добринова, Р. Новачкова. Български език. Учебник за 7-и клас на единното средно политехническо училище. С., 1982.

²⁵ Текучев, А. В. Об орфографическом и пунктуационном минимуме для средней школе. М., 1976, с. 63.

²⁶ Пак там.

²⁷ Пак там.

THE PUNCTUATION MINIMUM - A BASIS FOR PUNCTUATION COMPETENCE

Maria Russinova

The study throws light upon the notions 'punctuation minimum' and 'punctuation competence' which are set in a specific interdependence. As a punctuation competent person is accepted one who is able to write without any punctuation mistakes within the framework of the punctuation minimum. Due to that, at the base of teaching punctuation lies a given punctuation minimum, determined in its volume and contents.

The punctuation minimum which has to be included in the teaching syllabus for the Bulgarian language and literature in the IV -VII forms, is determined, on the one hand by studying all previous scholarly works on the subjects, and on the other hand by analyzing the frequency of employment of punctuational signs in texts of different styles and genres.

ПУНКТУАЦИОННЫЙ МИНИМУМ - ОСНОВА ПУНКТУАЦИОННОЙ ГРАМОТНОСТИ

Мария Русинова

В работе изъясняются понятия “пунктуационный минимум” и “пунктуационная грамотность”, а также устанавливается зависимость между ними. Пунктуационно грамотным считается человек, умеющий писать без пунктуационных ошибок в рамках пунктуационного минимума. В связи с этим в основу обучения пунктуации ставится определенный по объему и по содержанию пунктуационный минимум.

Пунктуационный минимум, который следует включить в учебную программу по болгарскому языку и литературе в IV – VII классах, определяется, с одной стороны, путем штудирования всех учебников по этому предмету, и с другой – путем анализа частотности употребления знаков препинания в текстах различных стилей и жанров.

ТРУДОВЕ НА ВТУ "СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"

ВЕЛИКО ТЪРНОВО

Том 25 Книга 2

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ

1988

TRAVAUX DE L'UNIVERSITE "ST. ST. CIRILLE ET METHODE"

DE VELIKO TIRNOVO

Tome 25 Livre 2

FACULTE PHILOLOGIQUE

1988

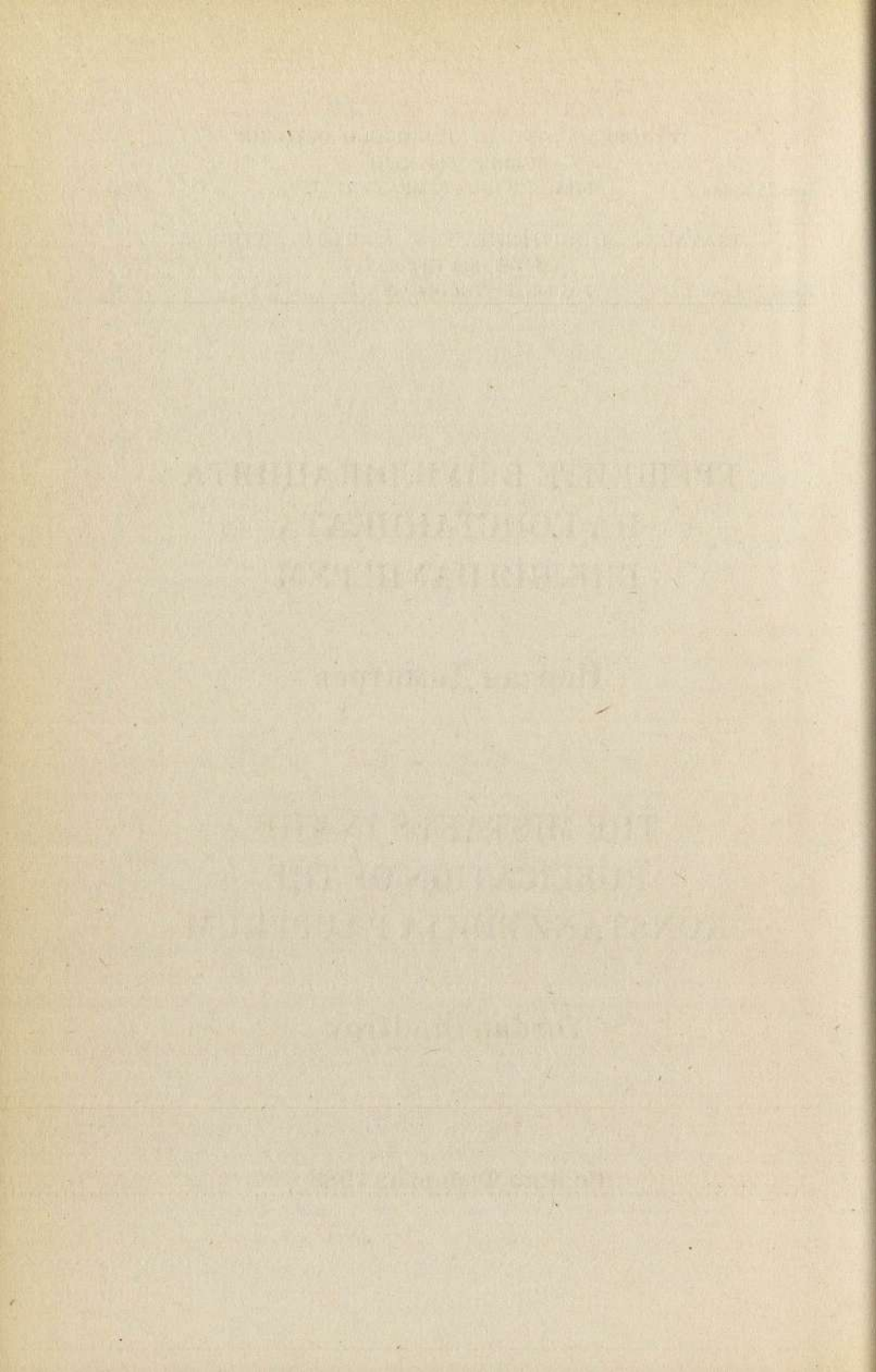
**ГРЕШКИТЕ В ПУБЛИКАЦИЯТА
НА КОНСТАНЦКАТА
БИБЛИЯ ПАУПЕРУМ**

Йордан Димитров

**THE MISTAKES IN THE
PUBLICATION OF THE
KONSTANZ BIBLIA PAUPERUM**

Yordan Dimitrov

Велико Търново, 1988

Die KBP, in der Lyzeumsbibliothek zu Konstanz aufbewahrt, ist im Jahre 1867 von Pfarrer Laib und Dekan Dr. Schwarz veröffentlicht worden. Es ist eine Faksimile-Ausgabe, der ein Abdruck und eine Übersetzung ins Neuhochdeutsche hinzugefügt sind. Die Ausgabe der KBP ist so gemacht, daß beim Aufschlagen des Buches auf der einen Seite jeweils eine Tafel der Handschrift steht und auf der gegenüberliegenden Seite der Text dechiffriert, in lateinischer Schrift geschrieben und übersetzt. Die Verfasser der Publikation wollten damit den Leser erleichtern: sie wollten ihm sowohl das Schriftdenkmal nach dem Original kopiert als auch den zum Dechiffrieren besonders schwierigen Text entziffert und ins Neuhochdeutsche übersetzt bieten. Leider haben Laib und Schwarz beim Dechiffrieren des Textes sehr viele Fehler gemacht, so daß der Abdruck den Text in einer falschen und entstellten Form wiedergibt. Die vielen Fehler in der Wiedergabe des Textes haben sich auch auf die Übersetzung ausgewirkt, die stellenweise fehlerhaft ist. Die 2. unveränderte Auflage von 1892 enthält dieselben Fehler. Sie machen den Abdruck unzuverlässig und vollkommen unbrauchbar.

Der Charakter der Fehler und die Ursachen ihrer Zulassung sind verschieden. In manchen Fällen ist das Wort im Abdruck falsch wiedergegeben, weil es im Original schlecht geschrieben und unleserlich ist, was seine Dechiffrierung erschwert, in anderen, weil sie den Autoren der Publikation unbekannt ist, da es im gegenwärtigen Deutsch nicht vorkommt. In den meisten Fällen aber handelt es sich offensichtlich um Nachlässigkeit bei der Arbeit. Wie aus der Einleitung klar wird, legen die Verfasser Laib und Schwarz großen Wert auf die künstlerische Seite des Denkmals. Für sie ist es ein Malerbuch, ein Künstlerbuch, eine Art Lehrbuch für mittelalterliche Bildner. Interesse und Verständnis zeigen Laib und Schwarz vornehmlich für die Ausführung und Bestimmung seiner künstlerischen Seite, d. h. der Zeichnungen, die die KBP enthält, während die sprachliche Seite des Denkmals in den Hintergrund tritt. Damit kann die Tatsache erklärt werden, daß sie kein Interesse dafür zeigten, in welcher Mundart die Handschrift geschrieben ist. Bei dieser Frage verweilen sie nicht. Sie erwähnen nur beiläufig in der Einleitung,

daß die Handschrift aller Wahrscheinlichkeit nach unweit von dem Ort ihrer gegenwärtigen Aufbewahrung entstanden sei. Die Uninteressiertheit der Autoren der Publikation an der sprachlichen Seite der KBP erklärt in bedeutendem Maße die Zulassung der vielen Fehler bei der Wiedergabe des Textes selbst dann, wenn das Wort deutlich geschrieben ist und keine besondere Schwierigkeit bietet.

In den folgenden Fällen von Fehlern bei der Wiedergabe des Wortes ist das Wort nicht verstanden, was daraus ersichtlich ist, daß es entweder falsch übersetzt oder beim Übersetzen umgangen ist. Die Ursache dafür, daß das Wort unverstanden geblieben ist, ist in manchen Fällen die undeutliche Gestalt des Wortes, das schlecht geschrieben ist, in anderen, daß es den Autoren der Publikation unbekannt ist, weil es in der deutschen Sprache der Gegenwart nicht vorkommt. In einigen Fällen ist beides vorhanden. Fehler dieser Art sind:

treit statt *steie* (311a). Das Wort ist undeutlich geschrieben, daher unverstanden geblieben und falsch übersetzt mit *trug*.

gerichtet statt *gerichet* (41K1). Es handelt sich nicht um mhd. *rihten* (*richten*), sondern um mhd. *rihen* (*herrschen*). Das Wort ist ungenau übersetzt mit *sie waren Könige*.

selbe vrouwe statt *selde vrouwe* (41b). Die Bedeutung des Wortes ist *Gebieterin*. Das Wort ist mit einer ziemlich freien und ungenauen Übersetzung umgangen.

wifrogete statt *rotvrogete* (411a). Das Wort ist schlecht geschrieben, falsch dechiffriert und ungenau übersetzt.

kinen statt *kumē* (411K1). Auch ein schlecht geschriebenes Wort, das unverstanden geblieben ist. Falsch übersetzt mit *können*.

kamen statt *karten* (51b). Das Wort ist unleserlich. Dazu kommt noch, daß Laib und Schwarz die Form *karten* offensichtlich nicht kennen.

betort, betoret statt *bekort, bekoret* (511a, 11b). Zweimal erscheint auch das Substantiv, falsch wiedergegeben als *betorungen* statt *bekorunge* (511a, 11b). Die Übersetzung mit *betören* ist falsch. Die richtige Bedeutung ist *in Versuchung führen*.

une statt *vrie* (611a). Ein Frauennamen. Die Übersetzung ist falsch.

volil statt *nosil* (711K1). Das Wort ist gut geschrieben, die Verfasser der Publikation kennen es aber nicht, dechiffrieren es als *volil* und übersetzen es mit *Füllen*. Die Bedeutung des Wortes ist *das Junge des Esels*.

gylvete statt *gywete* (71b). Auch ein Wort, das den Herausgebern nicht bekannt ist. Sie übersetzen es mit *seufzte*. Die richtige Bedeutung des Wortes ist *den Mund aufreißen, gähnen*.

feinden statt *dē iuden* (91a). Die Ursache für die fehlerhafte Dechiffrierung dieser Wörter ist, daß sie undeutlich und fast zusammengeschrieben sind. Außerdem verleitet der Kontext zu *feinden*.

raten statt *rat en* (91K1). Hier ist *en* Negationspartikel.

vermint statt *weninc* (91IK1). Das Wort ist unleserlich. Die Übersetzung mit *vermindert* ist falsch.

gemirit statt *getretit* (10IK2). Part. Prät. vom schwachen Verb mhd. *treten*. Das Wort ist so schlecht geschrieben, daß es kaum zu dechiffrieren ist. Die Übersetzung mit *vermehrte* ist falsch.

begerten statt *begeiten* (111b). Zum einen ist das Wort unleserlich, zum anderen haben die Verfasser nicht erkannt, daß es sich um eine kontrahierte Form von mhd. *begegenen* handelt. Sie haben es falsch mit *kommen* übersetzt.

in din statt *w'din* (11IK2). Die Verfasser der Publikation haben nicht erkannt, daß hier eine Abkürzung vorliegt, haben das Wort falsch wiedergegeben und übersetzt.

vorheunet statt *vorhennet* (121a). Das Wort ist schlecht geschrieben und daher nicht verstanden. Die Übersetzung ist falsch. Das Wort bedeutet nicht *beschließen*, sondern *zulassen, geschehen lassen*.

haffen statt *kaffen* (141IK1). Das Wort ist deutlich geschrieben und bedeutet *gaffen, verwundert schauen*. Laib und Schwarz haben es nicht verstanden und mit *Hoffnung* übersetzt.

ir hort statt *irhort* (1711b). Hier haben sie das Wort als zwei Wörter dechiffriert. Wie aus der Übersetzung *und ward ihr Schütz* ersichtlich ist, haben sie das erste Wort als ein Possessivpronomen, das zweite als ein Substantiv aufgefaßt und falsch übersetzt. In der Tat liegt hier ein Verb vor und der Satz lautet *und wurde erhört*.

niden statt *in den* (1711b). Im Text ist an dieser Stelle *in den* zweimal geschrieben. Laib und Schwarz, die es nicht erkannt haben, haben nach dem Sinn des zweiten *in den* gesucht, es als ein Wort *niden* dechiffriert und letzten Endes unübersetzt gelassen.

In folgenden Fällen ist das Wort falsch dechiffriert, offensichtlich weil es undeutlich geschrieben ist, wobei aber die Bedeutung des Wortes richtig verstanden ist.

vmcheben	statt	vmegeben (IIK1)
swingerunge		swangerunge (IIb)
geburt		gebirit (IIK2)
wileczunge		vorleczunge (IIa)
reuteren		geritenē (5Ia)
ure		irre (6IIa)
andrewerc		andirweit (7IK1)
begeniten		begeintē (7IIb)
ine		irre (9IK2)
durnuse		durninē (11Ia)

In folgenden Fällen falscher Wiedergabe des Wortes könnten Laib und Schwarz nichts zu ihrer Entschuldigung vorbringen. Die Fehler sind einfach auf Nachlässigkeit zurückzuführen.

Tafel 1

geberinge	statt	geberunge (Ia)
Diese		Dise (IK1)
betowete		betouwete (Ib)
verseringe		vorserūge (Ib)
Geistes		geistez (Ib)
nedersteigen		neder stigen (IK2)
Sieh		sich (IK2)
mayd		mait (IK2)
Disre		Dirre (IIa)
kuschheit		kuscheit (IIa)
maid		mait (IIa)
Ein		Eyn (IIK1)
Stein		steyn (IIK1)
abegesniten		abe gesniten (IIK1)
kind		kint (IIK1)
aaruns		aarons (IIb)
iunkfrowen		iuncwrowen (IIb)
unfruchtbar		vnfruchtber (IIb)
virten		virden (IIb)
des		dez (IIb)
land		lant (IIK2)
dez		daz (IIK2)
minst		minnste (IIK2)

Tafel 2

andern	statt	anderen (Ia)
ein, Ein		eyn, Eyn (Ia, IK2)
vun		von (Ia, IK1, Ib)
oppirun		opp' vñ (Ia)
insulen		insule (IK1)
gobe		gebe (IK1)
kymen		kvmen (IK1)
eine		eyn (Ib)
heidenine		heideninne (Ib)
kinngc		kunige (Ib)
dez		daz (IIa, IIb)
ersteborne		ersteborn (IIa)
erne		erme (IIa)
reiningunge		reinegunge (IIa-2x)
volbrachte		volbrochte (IIa)
wu		von (IIK1)
vorchit		vorchtit (IIK1)
ana		anna (IIb)
opirn		oppirn (IIb)
sime		syme (IIK2)

Tafel 3

welte	statt	welde (Ia)
gendte		gegenote (Ia)
dez		Daz (Ia, IIb)
vinden		vindin (IK1)
te		de (Ib)
toden		toten (Ib)
apgoter		aptgote (IK2)
anderen		anderem (IIa)
entpfagen		entphāgen (IIa)
der		dē (IIa)
quam		quan (IIa)
anden		an den (IIa)
zirbrochen		zu brochen (IIa)
zurmulete		zu mulete (IIa)

wird	statt	wirt (IIK1)
zirbrechen		zu brechen (IIK1)
die		dy (IIK1)
verhern		vorhern (IIK1)
yeme		geme (IIK1)
zirstore		zu store (IIK1)
dem		deme (IIb)
satzten		saczten (IIb)
abgewürkem		abgewurtem (IIb)
die		di (IIb)
gotes		gotis (IIK2)

Tafel 4

dorume	statt	dorumme (Ia)
prister		pristir (Ia)
si		sy (IK1)
ein		eyn (IK1, IK2-3x)
stimme		stymme (IK1)
grotz		groz (IK1)
virten		virdē (Ib)
kind		kint (Ib)
dornach		dor nach (Ib)
grimmege		grimnege (Ib)
dez		daz (Ib, IIK2)
vorstolne		volstolne (Ib)
virgozzen		vorgozzen (IK2)
grimig		grīmic (IK2)
leve		lewe (IK2)
anderin		anderm (IIa)
nach		noch (IIa)
wert		wart (IIa)
tat		tot (IIa)
engel		engil (IIa)
barmherzikeit		barmcherzikeit (IIK1)
ersten		erstem (IIb)
weder		wedir (IIb)
camelen		cameln (IIb)

esele	statt	eselen (IIb)
syne		syner (IIb)
weder kumen		wedir kumen (IIK2)

Tafel 5

dez	statt	daz (Ia, Ib)
von		vom (Ia)
christene		cristene (Ia)
heylandis		heilandis (IK1)
den		der (Ib)
das		daz (Ib)
erstburnen		erstbornē (IIa)
wirt		wart (IIa)
gyzekeit		gyzcekeit (IIa)
wusteninge		wustenūge (IIa)
hot		hat (IIK1-2x)
vorbotene		vorbotenre (IIb)
si		sy (IIK2)
vurschimphit		vorschimphit (IIK2)

Tafel 6

manesnamen	statt	mannesnamē (Ia)
waren		worē (Ia)
quome		quonē (Ia)
virsteyn		vorsteyn (Ia)
der		dez (Ib)
vernemen		vornemen (Ib)
virte		virde (Ib)
sync		synre (Ib)
gedryt		gedryet (Ib)
kunige		kunege (IIa)
vurgebunge		vorgebunge (IIa)
ruiges		ruigis (IIK1)
demutiges		demutigis (IIK1)
vurgibis		vorgibis (IIK1)
usseczig		usseczic (IIb)
vurgesse		vorgesse (IIK2)

T a f e l 7

heliás	statt	helyás (Ia)
erquikcunge		erquic-cunge (Ia)
van		von (IK1)
cruzewiz		cruiczewiz (Ib)
streken		strecken (Ib)
sybin stunt		sybinstunt (Ib)
er		h' (IK2)
vurt		wurt (IK2)
houpt		houbt (IIa)
puicken		puiken (IIa)
gebenedut		gebenediit (IIa)
hemilzuchen		hemilzucken (IIb)
helya		helye (IIb)
di		dy (IIb)
die		dy (IIK2)

T a f e l 8

hesdra	statt	esdre (Ia)
disre		Dirre (Ia)
kunig		kunic (Ia)
bedutet		bedutit (Ia)
treib		treip (Ia)
reinigete		reingete (Ia)
weil		wen (Ia, Ib)
nichtme		nicht me (IK1)
vurbaz		vorbaz (IK1)
dem		den (Ib)
reinigeten		reingeten (Ib)
vurunvletigit		vorunvletigit (Ib)
pytze		pycze (Ib)
die		dy (IK2)
will		wil (IK2)
sighaftig		segchastik (IIa)
taz		daz (IIK2)
yglich		yelich (IIb)

hivun	statt	hyvon (IIb)
ezzet		esset (IIK2)
minen		mynen (IIK2)
wyn		win (IIK2)
Himel		hymel (IIK2)
unz		vns (IIK2)
in		yn (IIK2)

T a f e l 9

bruder	statt	brudir (Ia)
yosefs		yosephs (Ia)
sandten		santen (Ia)
grimik		grimmek (Ia)
mynunge		meynuge (Ia)
indem		in dem (Ia)
veroten		vorrotten (Ia)
absalon		absolon (Ib)
ingandē		ingende (Ib)
setztit		seczit (Ib)
yme		ym (Ib)
satzten		saczten (Ib)
vurratnisse		vorretnisse (Ib)
vvrkouften		vorkouften (IIa)
ume		vmme (IIa-2x)
pheninge, phenīge		phennīge (IIa-3x)
vvrkouf		vorkouf (IIa)
drysig		drysic (IIa)
umme		vmme (IIa)
empha		enpha (IIK1)
drisset		drissec (IIK1)
Sy		Dy (IIK2)
bose		boze (IIK2)

T a f e l 10

Tzunge	statt	czunge (IK1)
wedir gebin		wedirgebin (IK1)

Hande	statt	hende (IK1)
valseheit		valseheit (Ib)
gefenknisse		geuenenisse (Ib)
brenge		brenge (Ib)
mensch		mensche (IK2)
synen		syme (IK2)
kunigine		kuniginne (IIa)
forchte		vorchte (IIb)
wegen		wege (IIb)
Taz		Daz (IIK2)
zuruke		zurucke (IIK2)

T a f e l 11

ersten	statt	erstem (Ia)
dakten		dackten (Ia)
haben		habin (IK1, IK2)
vorschimfit		vorschinphit (IK1)
vorschimpfin		vorschimfin (IK1)
kinder		kindir (Ib)
sind		sint (IK2)
si		sy (IK2)
daz		dez (IIa)
hymelischin		hymelischim (IIa)
seyme		syme (IIa)
sune		svne (IIK1)
di		dy (IIK1)
sun		svnne (IIK1)
sy		dy (IIK1)
gewandelt		gewandilt (IIK1)
den		der (IIb)
entworte		entvorte (IIb)
mucz		muz (IIb)
vrouwe		wrouwe (IIb)
zusamene		zu samene (IIb)
cruccis		cruicis (IIb)
die		di (IIb)
er		her (IIK2)
schof		schofe (IIK2)

Tafel 12

syn	statt	sin (Ia)
cym		cyme (Ia)
Die, die		Dy, dy (IK1, IIK1)
verborgen		vorborgen (IK1)
starke		sterke (IK1)
slange		slangen (Ib)
bedutet		bidutet (Ib)
gedechtnisse		gedechnisse (Ib)
vigindes		vigindez (Ib)
um		vñ (IK2)
geopfirt		geoppirt (IK2)
totiz		todiz (IIa)
bekentñ		bekentē (IIa)
entpangen		entvangen (IIa)
dem		deme (IIa)
usner		vnser (IIK1)
mittlem		mittem (IIK1)
kiseline		kiselinc (IIb)
diutet		duitet (IIb)
des		dez (IIb-2x)
smertzin		smerczin (IIK2)
haben		habin (IIK2)
di		dy (IIK2)

Tafel 13

ysmaheliten	statt	ysmaheliten (Ia)
slove		slafe (IK1)
er		her (IK1)
wird		wirt (IK1)
schife		schiffe (Ib)
uzwurfen		vz wurfen (Ib)
nath		nach (Ib-2x)
syn		sync (IK2)
gewurdiget		gewirdeget (IK2)
des		dez (IIa)

ufirstunt	statt	uf irstunt (IIa)
ufgestigen		uf gestigen (IIK1)
erenphorten		eren phorten (IIK1)
rigil		rigel (IIK1)
břimendē		brřimendē (IIb)
uzgevuret		vz gevurt (IIK2)

T a f e l 14

gevengnizze	statt	geuencnizze (Ia)
erweket		irwecket, erwecket (IK1-2x)
naht		nacht (Ib)
wels		welf (IK2)
sucte		suchte (IIa)
marian		mariam (IIa)
magdelinam		magdalenā (IIa)
geantwurtet		geentwurtet (IIa)
dywile		dy wile (IIK1)
eime		eime (IIb)
betrybten		betrubten (IIb)
herze		herze (IIK2)

T a f e l 15

wort	statt	wart (Ia)
ob		eb (Ia)
disre		Dirre (Ia, IIb)
bedutet		dutet (Ia)
frouwende		vrouwende (IK1)
frouwen		vrouwen (IK1)
gehalten		gehalden (Ib)
gefrouwet		gevrouwet (IK2)
vorchtes		vorchtec (IIa)
do		d (IIa)
woren		worin (IIa)
den		dem (IIa)
abgeniten		ab gesnten (IIK1)

antlirzes	statt	antliczes (IIK1)
evangelio		ewngelio (IIb)
darnach		dar nach (IIb)
herzen		herczen (IIb)
entphingen		entphing en (IIb)

T a f e l 16

Man	statt	Ma (Ia)
tat		tet (Ia)
bis		biz (Ia)
ungeloubig		ungeloubeg (Ia)
werden		werde (IK1)
gebendigte		gebenedigite (Ib)
is		ist (IIa)
behacte		behaite (IIa)
daz		dez (IIa)
zehn		zen (IIa)
kunig		kunic (IIK1)
ufgestigin		uf gestigin (IIK1)
ufgevarn		uf geuarn (IIK1)
viurigen		vuirigen (IIb)
israhel		israhel (IIb)
sagen		sogen (IIb)
uwerem		vwerem (IIb)
loket		loeket (IIK2)
fligen		vligen (IIK2)
über		ubir (IIK2)

T a f e l 17

liset	statt	lizet (Ia)
styg		styc (Ia)
niuwe		nuwe (Ia)
hymel viur		hymelvuir (Ia)
viurigen		vuirigen (Ia)
setze		secze (IK1)
uiver		vwer (IK1)

sind	statt	syn (IK1)
gotes		gotis (IK1)
dritten		drittem (Ib)
ein		cyn (Ib)
holz		holcz (Ib)
eime		eyme (Ib)
hymel		hymil (Ib)
vorzerte		vorczerte (Ib)
zumale		zu male (Ib)
himelische		hymelische (Ib)
bezeichnete		beczeichente (Ib)
geistes		geistez (Ib)
den		dem (Ib)
zwelfboten		zwelf boten (Ib)
herrn		herrin (IK2)
salomon		salomoni (IIa)
setzen		seczen (IIa)
Betsabea		Bethsabea (IIa)
junkfrouwen		juncvrowen (IIa)
gesetzt		gesaczt (IIa)
dir		ir (IIK1)
gegeben		gegebin (IIK1)
antlize		antlicze (IIK1)
fleen		vleein (IIK1)
volkes		volkis (IIK1)
zeichen		czeichen (IIb)
zwanc		twanc (IIb)
kunigliche		kunicliche (IIb)
er		her (IIb)
kuniginne		kunigenne (IIb)
lebens		leben (IIb)
allezit		alle zit (IIb)
ufstiget		uf stiget (IIK2)

Falsche Groß – und Kleinschreibung liegt vor:

T a f e l 1

Brust	statt	brust (Ia)
Geistes		geistez (Ib)
Her		her (IK2)
Sich		sich (IK2)
Stein		steyn (IIK1)
Mittel		mittel (IIK2)

T a f e l 2

Buche	statt	buche (Ia)
Sy		sy (IK1)
Sich		sich (IIK1)
Der		der (IIK1)
Du		du (IIb-2x)

T a f e l 3

Buche	statt	buche (Ia, IIb)
dez		Daz (Ia, IIb)
diz		Diz (Ib)
in		In (IIK1)
du		Du (IIb)
Tempil		tempil (IIb)
der		Der (IIK2)
Herre		herre (IIK2)

T a f e l 4

Si	statt	si (IK1)
david		David (IIa)
ich		Ich (IIK1)
besuche		Besuche (IIK2)

T a f e l 5

ir	statt	Ir (IK1)
ich		Ich (IK1)
diz		Diz (Ib, IIb)
in		In (IK2-2x)
dyn		Dyn (IIK1)
myn		Myn (IIK1)

T a f e l 6

dise	statt	Disc (Ia)
Wesens		wesens (Ia)
jerisalem		Jerusalē (IK2)
eyn		Eyn (IIK1)
in		In (IIK2)
bekert		Bekert (IIk2)

T a f e l 7

diz	statt	Diz (Ia)
ich		Ich (Ia, IK2)
du		Du (IIa)
der		Der (IIK1)
die		Dy (IIK2)
saget		Saget (IIK2)

T a f e l 8

disre	statt	Dirre (Ia)
ist		Ist (IK1)
Huze		huze (IK2)
Moysi		moysi (IIa)
du		Du (IIa)
Himel		hymel (IIK2)

T a f e l 9

in	statt	In (IK1, IK2)
diz		Diz (Ib)
josephs		Josephs (IIa)

T a f e l 10

Joab	statt	joab (Ia)
Judam		judam (Ia)
Tzunge		czunge (IK1)
We		we (IK1)
Hande		hende (IK1)
dise		Dise (IIa)
dy		Dy (IIK1)
Herre		herre (IIK1)
diz		Diz (IIb)

T a f e l 11

alle	statt	Alle (IK1)
ich		Ich (IK1, IIK2)
Mon		mon (IIK1)
dise		Dise (IIb)
als		Als (IIK2)
Oppir		oppir (IIK2)

T a f e l 12

abraham	statt	Abraham (Ia)
Christum Jesum		x̄pm ih'm (Ia)
Moysi		moysi (Ia, Ib, IIb)
dise		Dise (Ib)
Christum		x̄pm (Ib, IIa)
Adam		adam (IIa)
der		Der (IIK1)
Moyses		moyses (IIb)
Ubir		ubir (IIK2)
Wunden		wunden (IIK2)

T a f e l 13

Grabez	statt	grabez (Ia)
ich		Ich (IK1)
er		Her (IK1)
Jonas		ionas (Ib-2x)
in		In (IK2)
du		Du (IHK2)

T a f e l 14

ame	statt	Ame (IK1)
jonas		Ionas (Ib)
daz		Daz (IK2)
an		An (IK2)
suchet		Suchet (IHK1)
dise		Dise (IIb)
ich		Ich (IHK2)

T a f e l 15

frouwende	statt	Vrouwende (IK1)
du		Du (IK1, IHK1)
ich		Ich (Ib)
dise		Dise (Ib)
myn		Myn (IK2)
myne		Mine (IK2)
set		Set (IHK1)
disre		Dirre (Ia, IIb)

T a f e l 16

Herre	statt	h're (IK1)
du		Du (IK2)
Hymelvar		hymeluart (IIa)
Wayn		wayn (IIb)
sich		Sich (IHK2)
als		Als (IHK2)

Tafel 17

diz	statt	Diz (Ia, Ib)
dy		Dy (IK1, IIK1)
der		Der (IK2)
ubir		Vbir (IK2)
dyn		Din (IIK1)

Zur falschen Wiedergabe des Textes muß auch das bewußte Streben der Verfasser der Publikation gezählt werden, die orthographische Wiedergabe einiger Vokale und Konsonanten zu vereinheitlichen und zu vergegenwärtigen. So sind sie bestrebt, anstatt *u* und *v* so zu schreiben, wie sie sie im Original vorfinden, wo jeder dieser Buchstaben zur Bezeichnung sowohl des Vokals als auch des Konsonanten verwendet wird, stets *u* zu schreiben, wenn der Vokal, und *v*, wenn der Konsonant gemeint wird. Sie sind auch bestrebt, den Konsonanten *k*, der im Original bald mit *c*, bald mit *k* bezeichnet wird, stets mit *k* zu schreiben und den Halbvokal *i* stets mit *j*. In dieser Hinsicht zeigen sie eine bemerkenswerte Beständigkeit. Am konsequentesten zeigt sich diese Tendenz bei der Schreibung des Konsonanten *v*. In den gesamten 36 Fällen, wo im Text der Konsonant *v* durch *u* wiedergegeben ist, ist im Abdruck dieses *u* durch *v* ersetzt. In 262 von insgesamt 264 Fällen, wo *v* den Vokal bezeichnet, ist dieses *v* durch *u* ersetzt, nur in 2 Fällen ist *v* erhalten geblieben (IIK1, 7IIb). Ebenso konsequent wird der Halbvokal *i* durch *j* wiedergegeben. In 69 von insgesamt 74 Fällen ist der Halbvokal *i* mit *j* und nur in 5 mit *i* bezeichnet. Diese 5 Fälle befinden sich auf Tafeln 1IIb, 4IIa-2x, 7IIa-2x. Gut ausgeprägt ist auch die Tendenz *k* zu schreiben, wenn der Konsonant im Original mit *c* geschrieben ist. In 38 von insgesamt 105 solchen Fällen steht im Abdruck *k*. Es ist auch der Versuch gemacht, *qu* im Präteritum von mhd. *komen* durch *k* zu ersetzen. Das ist aber nicht konsequent durchgeführt. Die Schreibung *k* anstelle von *qu* kommt nur in 6 von 27 Fällen vor (3IIa, 1Ib, 6IIa, 7IIb, 8IIa, 9IIb). Alle obengenannten Fällen einer

unkorrekten Wiedergabe des Textes müssen zu den Fehlern gezählt werden, weil sie eine unzulässige Verletzung des Originals darstellen. Laib und Schwarz, die sich zum Ziel gesetzt haben, den Text der KBP in dechiffrierter Form zu veröffentlichen, hätten ihn originalgetreu wiedergeben müssen und ihn nicht nach eigenem Ermessen verändern dürfen.

Zu den Fehlern bei der Wiedergabe des Textes müssen auch die übersprungenen Stellen im Text gezählt werden. Außerdem enthalten die Tafeln bei den Seitenbildern die Namen der handelnden Personen und die meisten der Tafeln enthalten bei den Seitenbildern auch Inschriften. Sie sind in deutscher Sprache geschrieben, nur diese auf T. 15IB (oben rechts) sind in lateinischer Sprache verfaßt. Mit einer Ausnahme (11IIB — links) fehlen die Namen und die Inschriften im Abdruck. Die übersprungenen Stellen im Text, die fehlenden Namen und die fehlenden Inschriften in deutscher Sprache lauten:

T a f e l 1

got in deme paradis zu de slangen (IB)

uf dyner brust (IB)

gedeon (IB)

Got sprach uz dem burnendē pusche moysi (IIB)

Moys' s entschue dich (IIB)

moyses (IIB)

Aaron (IIB)

daz ist myne gerte (IIB)

T a f e l 2

david/saul (IB)

salomon/dy kunigīne (IB)

der kirchganc der alden e (IIB)

anna/hely (IIB)

T a f e l 3

Esau/rebecca/iacob (IB)
micol/dauid (IB)
moyses/aaron/daz kalp (IIB)
dagon (IIB)

T a f e l 4

saul (IB)
athalia (IB)
dy stimme gotis (IIB)
vnse h're got sprach zu david zuch zu ebron (IIB)
dauid (IIB)
sal ich zin in eyne der stete iuda (IIB)
Jacob mit alle syme huze (IIB)

T a f e l 5

Der wayn pharaonis mit syme volke (IB)
dy kint vō isrl' (IB)
Josue (IB)
esau/iacob (IIB)
adam/cua (IIB)

T a f e l 6

dry engil vñ abrahā (IB)
dry kinder (IB)
nathan (IIB)
worume hast du vorsmet d. wort gotis vriam hastu getotit (IIB)
dauid (IIB)
Ich habe gesundet gote (IIB)
maria/moyses (IIB)

T a f e l 7

ir (Ia)
 sunamite/helyas (IB)
 dy mutir/Elyzeus (IB)
 dauid/golye houbt (IIB)
 dy kind'/helyzeus (IIB)

T a f e l 8

dauid/amos (IB)
 Judas (IB)
 melchisedech/abrahā (IIB)
 dy kint von isrl' lezen hymelbrot (IIB)

T a f e l 9

Jacob/dy svne iacobis (IB)
 Eyn grīmic tyr hat fresse synē sun ioseph (IB)
 absolon (IB)
 wer seczet mich 'zu kunige (IB)
 hismaheliten/ioseph/eyn brudir (IIB)
 Ioseph/putifar (IIB)

T a f e l 10

Ioab/Abner (IB)
 triphon/dy mannesnamē von iuda (IB)
 gezabel/helyas (IIB)
 nabuchodonosor/daz bouil (IIB)
 gib uns danielem adir wir totin dich (IIB)

T a f e l 11

cham/sem/iaphet (IB)
 voruluchit sy d kint chanaan ist wirt knecht d' knechte

syn' brudir (IB)
Elyzeus (IB)
styc uf calre styc uf calre (IB)
dy wrouwe von sarepta (IIB)

T a f e l 12

abraham/ysaac (IB)
moyses (IB)
got machte euam (IIB)
moyses (IIB)

T a f e l 13

ioseph (IB)
Ionas (IB)
dauid/goliath (IIB)
sampson (IIB)

T a f e l 14

sampson (IB)
Jonas (IB)
Ruben (IIB)
dy bruit (IIB)
wo ist mȳ liber hen (IIB)

T a f e l 15

daniel (IB)
hastu yn ich erhaben (IZB)
nicht rure mich (IZB)
dy brudir (IIB)
Ich bin ioseph vwer brud' (IIB)
d' svn /d' vatir (IIB)

T a f e l 16

gedeon (1B)

iacob (1B)

Enoch (11B)

Elyas/Elyzeus (11B)

T a f e l 17

e (1a)

moyses (1B)

elyas (1B)

yn (11B)

yn (11b, 2. Zeile, Abdruck) ist hinzugefügt

mit luft (11K2)

betsabea/Salomon (11B)

Asuerus/hester (11B)

Die Namen der Propheten bei den Prophetenbrustbildern sind im Abdruck in der Regel angegeben, Auf T. 511K1-oben ist der Prophetenname *Jacob* im Abdruck wohl aus Versehen ausgelassen. Auf T. 511K1-unten, 611K1-unten, 611K2-oben, 161K2-oben fehlen die Prophetennamen im Original. Laib und Schwarz haben sie im Abdruck hinzugefügt. An den Stellen, wo der Prophetenspruch nicht vom Propheten stammt, dessen Name im Original steht, haben sie ihn korrigiert, z. B. *Nicht Isaias sondern Oseas* (411K1-unten). An manchen Stellen ist der Name des Propheten durch die Bezeichnung des jeweiligen Buches der Bibel ersetzt, dem der Spruch entnommen ist, z. B. statt *David* steht im Abdruck *Psalmen* (511K2-oben). Das alles ist natürlich unzulässig. Die Verfasser der Publikation mußten im Abdruck nur das angeben, was im Original geschrieben ist, und nichts korrigieren oder ändern.

Zu den Auslassungen im Abdruck gehören auch die ausgelassenen Abkürzungszeichen. Solche gibt es an folgenden Stellen:

	T a f e l 1	
hre	statt	h're (IK2)
vmcheben		vmcegeben (IK1)
gegebe		gegebē (IIK1)
	T a f e l 2	
de	statt	dē (IIK2)
	T a f e l 3	
erste	statt	erstē (Ib)
hre		h're (IK2)
entpfagen		entphāgen (IIa)
	T a f e l 4	
kunegine	statt	kunegīne (Ib-2x)
grimig		grīmic (IK2)
d		d. (IIa)
	T a f e l 6	
eync	statt	cynē (Ia)
magdalenam		magdalēnā (IIa)
	T a f e l 7	
marthe	statt	marthē (Ia)
iherlm		iherl'm (IIa)
	T a f e l 9	
rite	statt	ritē (Ib)
phenige		phēnīgc (IIK1)
	T a f e l 11	
durnuse	statt	durninē (Ia)
crone		cronē (Ia)
ey		cȳ (IIK2)
	T a f e l 12	
hame	statt	hamē (IK1)
isrl		isrl' (Ib, IIb)
mildecliche		mildeclichē (IIb)

Tafel 15

vorchte

statt

vorchtē (IIa)

In folgenden Fällen enthält der Abdruck Abkürzungen, die das Original nicht kennt:

u \bar{m} e

statt

vmme (14IIb)

vrunde \bar{n} e

vrundenne (14IIb)

ma \bar{n} e

manne (16Ia)

hiru \bar{m} e

hirumme (16IIa-2x)

u \bar{m} estende

vmestende (17Ib)

kunige \bar{n} e

kunigenne (17IIb)

In 100 Fällen ist das Abkürzungzeichen im Abdruck so angegeben wie im Original. In 210 Fällen ist das Abkürzungzeichen dechiffriert und das Wort ist in entfalteter Form geschrieben.

Bie na \bar{m} (7IIa) ist das falsch gemacht: *name* statt *namen*.

Das Wort x \bar{p} s (6Ib), x \bar{p} e (7Ia) ist im Abdruck wie *xristus*, das Wort x \bar{p} i (11IIb) wie *xrsti*, das Wort x \bar{p} m (11Ia, IIa, 12IIb, 13Ia, IIa, IIb) wie *xstum* und x \bar{p} m (11Ib) wie *xtum* wiedergegeben.

ERKLÄRUNG DER ZEICHEN

Die in dieser Arbeit verwendeten Zeichen zur Bestimmung der Stelle im Text der KBP eines Wortes oder eines Ausdrucks sind folgenderweise zu deuten: 1, 2, 3, 4... bezeichnen die Tafeln, I bezeichnet die obere, II — die untere Hälfte der Tafel, a bezeichnet den Text auf der linken, b — den Text auf der rechten Seite der jeweiligen Hälfte der Tafel, K1 bezeichnet den Text in den Kreisen links, K2 — den Text in den Kreisen rechts, B bezeichnet den Text auf den Seitenbildern, ZB — den Text auf dem Zentralbild.

LITERATURVERZEICHNIS

Biblia pauperum nach dem Original in der Lyceumsbibliothek zu Constanz herausgegeben und mit einer Einleitung begleitet von Pfarrer Laib und Decan Dr.

Schwarz, Zürich, 1867.

Biblia pauperum nach dem Original in der Lyceumsbibliothek zu Constanz herausgegeben und mit einer Einleitung begleitet von Pfarrer Laib und Decan Dr.

Schwarz, 2 unveränderte Aufl. Würzburg, 1892.

Lex er, M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. 35. Aufl. Leipzig, 1978.

Met t ke, H. Mittelhochdeutsche Grammatik. 3. Aufl. Leipzig, 1970.

Mi c h e l s, V. Mittelhochdeutsches Elementarbuch. 3 und 4. Aufl. Heidelberg, 1921.

M o s e r, H., Stopp H. Grammatik des Frühneuhochdeutschen. Bd. 1. T. 1. Heidelberg, 1970.

M o s e r, H., Stopp H. Grammatik des Frühneuhochdeutschen. Bd. 1. T. 2. Heidelberg, 1973.

M o s e r, H., Stopp H. Grammatik des Frühneuhochdeutschen. Bd. 1. T. 3. Heidelberg, 1978.

Moser, V. Frühneuhochdeutsche Grammatik. Bd. 1. T. 1. Heidelberg, 1929.

Moser, V. Frühneuhochdeutsche Grammatik. Bd. 1. T. 3. Heidelberg, 1951.

Paul, H., Moser, H., Schröbler, I. Mittelhochdeutsche Grammatik. 20. Aufl. Tübingen, 1969.

Wasserzieher, E. Kleines etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, Leipzig, 1971.

THE MISTAKES IN THE PUBLICATION OF THE KONSTANZ BIBLIA PAUPERUM

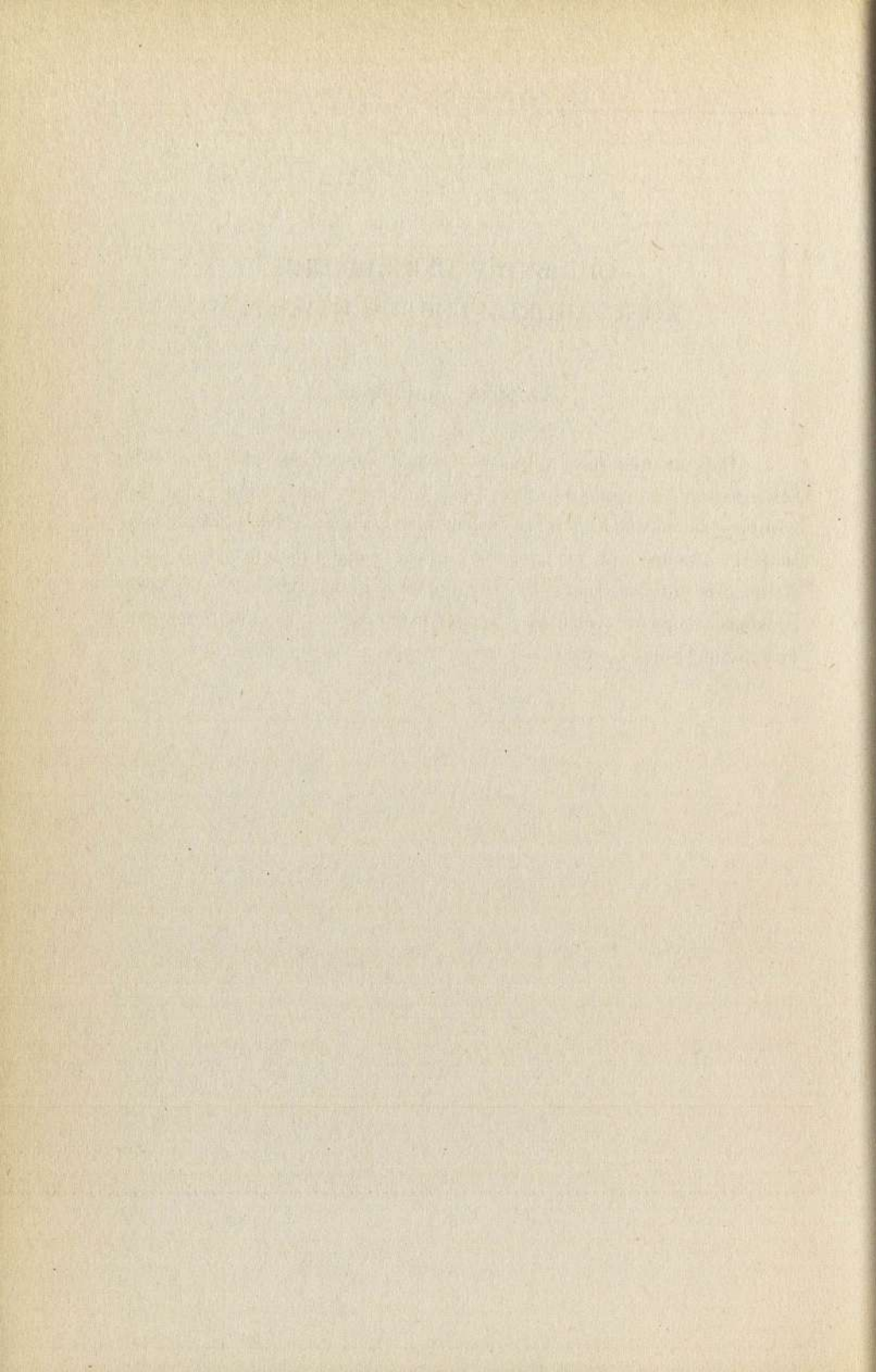
Yordan Dimitrov

The publication of the Konstanz Biblia Pauperum from 1867 (second unaltered edition 1892) contains a facsimile of the manuscript to which have been added the text in a deciphered form, as well as a translation into New High German. In deciphering the text, however, the editors made quite a lot of mistakes. The present study sets as its main task to find, comment and correct, as well as to point out the words omitted during the deciphering process, the signs of abbreviation and whole sentences.

ОШИБКИ В ПУБЛИКАЦИИ КОНСТАНЦКОЙ БИБЛИИ ПАУПЕРУМ

Йордан Димитров

Публикация Констанцкой библии пауперум 1867 года (второе не исправленное издание 1892 года) содержит факсимиле рукописи, к которому добавлены текст в расшифрованном виде и перевод на новонемецкий. Однако при расшифровке текста издатели допустили большое количество ошибок. В настоящей работе автор ставит себе целью обнаружить, прокомментировать и исправить эти ошибки, а также восстановить пропущенные при расшифровке слова, знаки сокращения и целые предложения.

ТРУДОВЕ НА ВТУ "СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
ВЕЛИКО ТЪРНОВО

Том 25 Книга 2

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ

1988

TRAVAUX DE L'UNIVERSITE "ST. ST. CIRILLE ET METHODE"
DE VELIKO TIRNOVO

Tome 25 Livre 2

FACULTE PHILOLOGIQUE

1988

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ
ОДНОСЛОВНЫХ ТЕРМИНОВ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА**

Иванка Накова

**ON SOME PECULIARITIES OF
THE RUSSIAN AND
BULGARIAN ONE-WORD
TERMS IN THE FIELD OF FINE ARTS**

Ivanka Nakova

Велико Търново, 1988

ON SOME CHARACTERISTICS OF
THE RUSSIAN AND
BULGARIAN OLD WORDS
THAT ARE IN THE FIELD OF THE ARTS

Yanka Zharkova

Yanka Zharkova

Tranmo, Tashkent, 1985

1. 1. В наше время актуальны исследования в области лексикологии близкородственных языков, в том числе в терминологической лексике. Терминология изобразительного искусства пока остается одной из слабо разработанных областей лексикологии как русского, так и болгарского языков. Быстрое развитие науки, техники, сельского хозяйства, культуры, искусства, спорта отражается в первую очередь в терминологической лексике любого языка. Каждое новое научное открытие, новое явление в жизни требует и соответствующего названия. Вот почему терминологическая лексика является наиболее подвижной частью языка.

Предметом настоящего исследования является терминологическая лексика изобразительного искусства в русском и болгарском языках. Источником языкового материала для анализа послужили словари терминов изобразительного искусства, энциклопедические и толковые словари, словари иностранных слов¹, а также специальная научная и научно-популярная литература. Цель настоящей работы – рассмотреть фонетические, графические, морфологические и лексико-семантические особенности русских и болгарских однословных терминов изобразительного искусства, выявить черты их сходства и различия, а также типы формального и семантического соответствия. В работе поставлены следующие задачи: раскрыть какими знаменательными словами могут быть выражены однословные термины, вскрыть особенности функционирования категории числа у терминов, выявить их колебания и расхождения в роде в двух языках. Ввиду ограниченного объема работы, остановимся более подробно только на явлении полисемии, которое непосредственно связано с отношениями семантического соответствия между русскими и болгарскими терминами изобразительного искусства. Явления синонимии и антонимии, довольно широко распространенные в русской и болгарской терминологиях изобразительного искусства, будут рассмотрены в отдельной работе.

Работа имеет выход в теорию лексикологии, семасиологии, терминологии, номинации, а также в теорию и практику лексикогра-

фии и перевода, в практику преподавания русского языка как иностранного.

Методом выборки выписано 2530 однословных терминов – 1300 русских и 1230 болгарских. Из словарей терминов изобразительного искусства было выписано всего 500 русских и 260 болгарских терминов, а остальные взяты из других источников, перечисленных в конце работы.

1. 2. Ввиду того, что пока нет общепринятого определения понятия “термин”, приводим рабочее определение В. Н. Сергеева: “Термином изобразительного искусства в широком смысле слова считается всякое название предметов, действий, явлений, лиц и т. п., которые имеют непосредственное отношение к живописи, графике, скульптуре и декоративно-прикладному искусству”².

Терминология изобразительного искусства охватывает обширный по объему и тематически разнообразный пласт лексики. Как известно, в любой терминологической системе выделяется центральный слой (ядро), включающий узкоспециальные термины, “ограниченный в своем употреблении сферами общения” и известный “в основном только специалистам”, а также периферийные слои, включающие “общеупотребительную терминологию, более целостную и в общем известную всем носителям языка”³. Так, например, к центральному слою терминологии изобразительного искусства относятся однословные термины: рус. *ассист, карнация, кватроченто, кероластика, короластика, левкас, припорох, тондо, фирнис*; болг. *велатура, ецване, карнация, кватроченто, кероластика, короластика, скилография, паус, смалта, фирнис*.

К общеупотребительной терминологии можно отнести однословные термины: рус. *выставка, графика, живопись, карандаш, кисть, натюрморт, пейзаж, портрет, скульптура, художник*; болг. *графика, живопис, изложба, молив, натюрморт, пейзаж, портрет, скульптура, художник*.

На наш взгляд, для процесса обучения одинаково важны как узкоспециальные, так и общеупотребительные термины, а также номенклатурные наименования. Вот почему, мы не исключаем их из анализа собранного нами материала.

1. 3. Согласно поставленной цели, остановимся более подробно на типах формального соответствия русских и болгарских терминов изобразительного искусства. В состав формального соответствия

входят: фонетическое, морфологическое и графическое соответствия⁴. В основе нашей классификации лежат концепции И. Червенковой, которые приводим ниже⁵. Отношения формального соответствия реализуются в фонетическом, морфологическом и графическом соответствиях. Русские и болгарские слова могут находиться в отношении фонетического тождества, пересечения и непересечения. Об отношении фонетического тождества можно говорить в случае совпадения звучания всех их форм. Совпадение понимается не абсолютно строго: не учитываются некоторые фонематически незначимые фонетические особенности, как, например, степень открытости гласных, смягчение согласных. Фонетическое тождество – исключение для русской и болгарской лексики. В отношении фонетического тождества находятся преимущественно союзы, предлоги, наречия, междометия, т. е. так называемые неизменяемые слова. С точки зрения формального соответствия русских и болгарских слов разграничение включения и пересечения представляется не принципиальным, и случаи формального включения рассматриваются вместе со случаями пересечения. Отношения пересечения бывают регулярными и нерегулярными. Между близкородственными языками существуют закономерные формальные различия, причина которых – в характере систем данных языков. В силу своей закономерности эти различия предсказуемы, они подчиняются определенным правилам. Такие отношения формального различия считаются регулярными. Регулярные фонетические различия обусловлены особенностями фонетических систем русского и болгарского языков, в частности их историей. Так, например, неодинаковая в русском и болгарском языках судьба *ж* и сочетаний типа *tort* дала закономерные различия между соответствующими этимологически тождественными словами. В русском языке наблюдаются нефонематические противопоставления *ы* – *и*, отсутствующие в болгарском языке. Эти расхождения приводят к регулярному фонетическому различию, когда русскому *ы* соответствует в болгарском языке *и*. Болгарскому *и*, однако, не обязательно соответствует в русском языке *ы*. С точки зрения современного состояния языков отношения регулярного фонетического различия имеют чаще не абсолютный, а относительный, точнее – выборочный характер. Одному звуку в одном языке может соответствовать больше чем один звук в другом. Различия в звуковом составе слов могут сочетаться с акцен-

тологическими различиями, касающимися как всех форм слов, так и только части форм слов. При полном фонетическом различии слов наблюдаются отношения фонетического непересечения.

Морфологическое соответствие можно рассматривать с точки зрения морфемного состава и с точки зрения морфологической структуры слов. Отношения морфологического тождества, пересечения и непересечения морфемного состава слов предполагают и фонетическое тождество, пересечение и непересечение. Отношения морфологического соответствия будут представлены с точки зрения морфемного состава слов. Отношение морфологического тождества русских и болгарских слов так же редко, как и фонетическое, если иметь в виду слово во всех его формах.

Отношения морфологического пересечения являются регулярными, когда они предопределяются закономерным для каждого из этих языков способом выражения (в словах) определенного значения. Регулярные морфологические различия наблюдаются в области русских и болгарских имен существительных, прилагательных и глаголов.

Отношения нерегулярного морфологического пересечения реализуются например, в оформлении множественного числа существительных, в расхождении русских и болгарских имен существительных в грамматическом роде.

Русские и болгарские слова могут находиться и в отношении морфологического непересечения.

В формальном соответствии русской и болгарской лексики можно наметить два случая регулярного различия.

1) При формальном различии (непересечении основ) имена существительные, прилагательные и глаголы различаются закономерно своим грамматическим оформлением в каждом из языков. Русские имена характеризуются надежными формами, отсутствующими у болгарских имен.

Болгарские имена имеют членные формы, не свойственные русским именам. Закономерные различия наблюдаются и в русских и болгарских глагольных формах. Эти различия носят регулярный характер – при отсутствии регулярного характера в соответствии основ этих слов.

2) При формальном сходстве основ (пересечении) имена существительные, прилагательные и глаголы различаются от

отношения формального тождества только по их морфологическому оформлению, имеющему регулярный характер.

Из отмеченных двух случаев отношений регулярного различия только второй относится к соответствию формального регулярного различия.

Характер графического соответствия русских и болгарских слов определяется главным образом такими факторами, как: 1) общая азбука; 2) некоторые различия между русской и болгарской графикой; 3) орфографические правила русского и болгарского языков; 4) тип фонетического и морфологического соответствия русского и болгарского слова. Второй и третий факторы имеют регулярный характер и предопределяют регулярный характер графических различий. Нерегулярные различия касаются преимущественно заимствованных слов. В графическом соответствии русских и болгарских слов тоже наблюдаются отношения тождества, пересечения (регулярного и нерегулярного) и непересечения. В формальном соответствии русских и болгарских слов графическое соответствие является преимущественно относительно морфологического и фонетического.

Комбинация отношений фонетического и морфологического соответствия позволяет выделить четыре типа формального русско-болгарского лексического соответствия.

П е р в ы й т и п. Соответствие фонетического и морфологического тождества – соответствие формального тождества (например, Фр *сфумато* ≡ Фб *сфумато*).

В т о р о й т и п. Соответствие формального пересечения – регулярного частичного различия. Такое соответствие складывается при наличии регулярного морфологического частичного различия и а) фонетического тождества сходных форм (например, р. *фреска* – *фрески* и б. *фрески*) или б) фонетическое регулярное частичное различие сходных форм (например, Фр картина ⊃ Фб картина).

Т р е т ь и й т и п. Соответствие формального частичного (нерегулярного) различия. Сюда относятся: а) фонетическое и морфологическое частичное (нерегулярное) различие (например, р. *рисовальщик* – б. *рисувач*) и б) частичное фонетическое и морфологическое различие, которое не имеет с точки зрения современного состояния языка регулярного характера, хотя обращение к истории обнаруживает определенную регулярность этого различия (например, Фр *дуб* ⊃ Фб *дъб*).

Ч е т в е р т ы й т и п. Соответствие фонетического и морфологического различия – соответствие формального различия (непересечение) (например Фр *карандаш* \cap Фб *молив* = \emptyset).

У И. Червенковой II и III типы выражены графически одинаково (Фр \cap Фб)⁶.

Характер семантического соответствия русского и болгарского слова определяется на основе их словарных толкований – в отвлечении от различий в способе толкования в формулировках, которые мы находим в разных словарях.

Отношения семантического тождества отмечаем в случае совпадения значений в словарных толкованиях русского и болгарского слова. Например, р. *картина* (произведение станковой живописи, правдиво воплощающее глубокий смысл) и б. *картина* (произведение на кавалетната живопис, което правдиво възплъщава някакъв сериозен замисъл). Отношения семантического тождества можно представить графически (Ср *картина* \equiv Сб *картина*; Ср *лессировка* \equiv Сб *велатура*).

Отношения семантического включения представляют случаи, когда один член лексической пары семантически шире второго, имея кроме одинаковых с ним значений и другие, отличные. Межъязыковые отношения семантического включения двунаправлены: включающим может быть или русское или болгарское слово. Например, б. *мулаж*, кроме совпадающего значения с р. муляж (слепок с натуры), имеет дополнительное значение (процесс литья в специальных формах изделий из воска, гипса или металла). Отношения семантического включения можно выразить графически: Ср *муляж* \subset Сб *мулаж*.

Отношения семантического пересечения представляют случаи, когда русское и болгарское слово имеют и совпадающие и различающиеся значения. Область совпадения может быть большей или меньшей. Например, Ср *тон* \cap Сб *тон*.

Отношения семантического непересечения Ср \cap Сб = \emptyset имеем при отсутствии общей части в лексическом значении русского и болгарского слова. Отношения семантического непересечения наблюдаем в двух случаях: а) при формальном тождестве или регулярном формальном частичном различии (р. *олово* и б. *олово*) и б) при формальном пересечении и непересечении (частичном нерегулярном различии) (р. *пейзаж* и б. *натюрморт*). Первый случай можно квалифицировать как отношение соответствия ч а с -

тичного лексического совпадения, чтобы подчеркнуть имеющееся внешнее сходство соответствующих семантически не пересекающихся лексических единиц. Второй случай можно рассматривать как отношение соответствия полного лексического различия.

Все случаи семантического тождества можно определить как русско-болгарские полные семантические эквиваленты в отличие от случаев семантического включения и пересечения, которые можно рассматривать как частичные семантические эквиваленты.

Лексические отношения между русским и болгарским языками могут быть однословными, когда одному слову в одном языке соответствует одно слово в другом, и неоднословными, когда одному слову в одном языке соответствует больше чем одно слово другом. Однословные отношения связывают прежде всего семантически тождественные единицы русской и болгарской лексики (например, р. *портрет* – б. *портрет*). Неоднословные соответствия характерны для включения и пересечения. Сюда относятся случаи, когда одно слово в разных значениях имеет разные лексические соответствия в другом языке, например, р. *форма* – б. 1) *форма*; 2) *калън*.

2. 1. В первую очередь рассмотрим фонетические особенности, а также отношения фонетического соответствия русских и болгарских терминов изобразительного искусства.

Как было отмечено выше, в отношении фонетического тождества могут находиться только неизменяемые части речи. Среди неизменяемых слов только наречие является знаменательным словом, т. е. может стать термином. На основании проанализированных нами лексем можно сделать вывод, что, как правило, однословные термины изобразительного искусства не могут быть выражены наречием, и, следовательно, между интересующими нас терминами нельзя установить отношения фонетического тождества. Исключение составляет субстантивированное наречие *сфумато*. Однословным терминам изобразительного искусства более свойственны отношения фонетического пересечения и непересечения, причем для процесса обучения важнее оказываются отношения пересечения. Однословным терминам изобразительного искусства в рассматриваемых языках свойственны как регулярные, так и нерегулярные отношения фонетического пересечения. Приведем примеры:

2. 1. 1. Регулярные отношения фонетического пересечения:

<i>рус.</i>	<i>болг.</i>	<i>рус.</i>	<i>болг.</i>
<i>барбы</i>	<i>барби</i>	<i>скульптор</i>	<i>скулптор</i>
<i>гармония</i>	<i>хармония</i>	<i>ультрамарин</i>	<i>ултрамарин</i>
<i>герма</i>	<i>херма</i>	<i>филигрань</i>	<i>филигран</i>
<i>полотно</i>	<i>платно</i>	<i>экспрессионизм</i>	<i>експрессионизъм</i>

2. 1. 2. Нерегулярные отношения фонетического пересечения:

<i>рус.</i>	<i>болг.</i>	<i>рус.</i>	<i>болг.</i>
<i>алебастр</i>	<i>алабастръ</i>	<i>исокефалия</i>	<i>изокефалия</i>
<i>альбом</i>	<i>албум</i>	<i>муляж</i>	<i>мулаж</i>
<i>глазурь</i>	<i>глазура</i>	<i>соус</i>	<i>сос</i>
<i>штарсия</i>	<i>штарзия</i>	<i>уголь</i>	<i>въглен</i>

Наши наблюдения показали, что для однословных терминов изобразительного искусства более характерны регулярные отношения фонетического пересечения. Мы обнаружили 620 пар терминов, находящихся в отношении регулярного фонетического пересечения и 240 пар, находящихся в отношении нерегулярного фонетического пересечения.

Различия в звуковом составе терминов, находящихся в отношении фонетического пересечения, в 40 парах сочетаются с акцентологическим расхождением, касающимся всех форм однословных терминов, например:

<i>рус.</i>	<i>болг.</i>	<i>рус.</i>	<i>болг.</i>
<i>галере́я</i>	<i>галэ́рия</i>	<i>кесло́граф</i>	<i>кеслогра́ф</i>
<i>гра́фик</i>	<i>графѝк</i>	<i>лино́леум</i>	<i>линоле́ум</i>
<i>живопись</i>	<i>живопѝс</i>	<i>майо́лика</i>	<i>майолѝка</i>
<i>жю́ри</i>	<i>жу́ри</i>	<i>орна́мент</i>	<i>орнаме́нт</i>
<i>зо́граф</i>	<i>зогра́ф</i>	<i>ра́курс</i>	<i>раку́рс</i>
<i>ко́нкурс</i>	<i>конку́рс</i>	<i>скульпту́ра</i>	<i>ску́лптура</i>

Анализ однословных терминов изобразительного искусства показывает, что они могут находиться условно только в основной форме в отношении фонетического тождества, если, конечно, не учитывать фонематически незначимые фонетические особенности. Выделять такие термины в особую группу с точки зрения лингвистической, очевидно, неправомерно, однако, с точки зрения дидактической нам кажется оправданным. Среди однословных терминов

изобразительного искусства, находящихся в отношении фонетического пересечения, основную массу (504 пары) составляют лексемы, находящиеся в отношении фонетического тождества только в своих основных формах, например:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>акварелиста</i>	<i>кварелист</i>	<i>пейзажист</i>	<i>пейзажист</i>
<i>гравюра</i>	<i>гравюра</i>	<i>перспектива</i>	<i>перспектива</i>
<i>картина</i>	<i>картина</i>	<i>плакат</i>	<i>плакат</i>
<i>марина</i>	<i>марина</i>	<i>портрет</i>	<i>портрет</i>
<i>натюрморт</i>	<i>натюрморт</i>	<i>умбра</i>	<i>умбра</i>

Однословные термины изобразительного искусства, находящиеся в отношении фонетического пересечения, могут иметь фонетические варианты в одном из рассматриваемых языков или одновременно в обоих языках. Приведем примеры: рус. *вжухлость*, *жухлость*, *пожухлость*; *вохрение*, *охрение*; *деисус*, *деисис*; *емчуга*, *ямчуга*; *изограф*, *зограф*; *кентавр*, *центавр*; *киура*, *киюра*; *санкирь*, *санкир*; *сюзани*; *сюзани*, *сузани*; *смальта*, *шмальта*; *шпахтель*, *шпахтель*; болг. *байцвам*, *байцувам*; *деисис*, *дейсис*; *египтиен*, *ежиптиен*; *емчуга*, *ямчуга*, *ермшия*, *хермшия*; *керопластика*, *церопластика*; *смалта*, *шмалта*.

Наши наблюдения показали, что в русской терминологии изобразительного искусства больше однословных терминов, имеющих фонетические варианты (20 слов), чем в болгарской терминологии (10 слов). По данным Словаря иностранных слов⁷, в болгарской терминологии изобразительного искусства функционирует ограниченное количество однословных терминов (всего 6), заимствованных из европейских языков через посредство русского языка, которые закономерно находятся в отношении фонетического пересечения:

болг.	рус.	болг.	рус.
<i>вензел</i>	<i>вензель</i>	<i>литоглифика</i>	<i>литоглифика</i>
<i>енкаустика</i>	<i>экаустика</i>	<i>литоглифия</i>	<i>литоглифия</i>
<i>литоглиф</i>	<i>литоглиф</i>	<i>мастика</i>	<i>мастика</i>

В болгарской терминологии изобразительного искусства, хотя и редко, используются русизмы, в том числе аббревиатуры, которые, естественно, находятся в отношении фонетического пересечения:

вклейка, вяз (рус. *вязь*), *каолинизация, кумач, пенопласт, передвижник, санкир, шриховка* (рус. *штриховка*), *шунгит, ямчуга; АХРР, Вхутеши, Вхутемас, ОСТ, ОХР, РАПХ* (16 терминов).

Термины изобразительного искусства могут находиться и в отношении фонетического непересечения в 210 парах. Приведем несколько примеров:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>выставка</i>	<i>изложба</i>	<i>лепить</i>	<i>моделирам</i>
<i>гратуар</i>	<i>стъргало</i>	<i>муштабель</i>	<i>палка</i>
<i>карандаш</i>	<i>молвив</i>	<i>подмалевок</i>	<i>подготовка</i>
<i>кисть</i>	<i>четка</i>	<i>прописка</i>	<i>подложка</i>

Термины изобразительного искусства, кроме фонетических, имеют и морфологические особенности, которые тоже являются предметом настоящего исследования.

3. 1. Однословные термины изобразительного искусства как в русском, так и в болгарском языке могут быть выражены любым знаменательным словом, хотя существует и другая точка зрения. О. С. Ахманова считает, что основной состав терминологического списка "для европейских языков вполне может быть исчерпан именами существительными"⁸. Терминами в разных терминологических системах могут быть имена существительные, глаголы, имена прилагательные и наречия, если они выражают специальные понятия и отвечают всем другим требованиям терминологических наименований⁹. По наблюдениям Л. Маноловой, в болгарских терминологических системах в качестве терминов функционируют имена существительные, глаголы, субстантивированные прилагательные и субстантивированные наречия¹⁰. К этому списку, на наш взгляд, необходимо прибавить и субстантивированные причастия. Приведем примеры на однословные термины изобразительного искусства, выраженные разными частями речи:

3. 1. 1. Термины, выраженные именами существительными: рус. *выколотка, известняк, клееварка, майолика, МОСХ, натурщица, сепия, скульптор, чеканка, зикауст* (1227 терминов); болг. *графичка, дърворезба, медникарство, майолика, моделиране, СБХ, сепия, скулптор, художничка, четка* (1165 терминов).

3. 1. 2. Термины, выраженные глаголами: рус. *выставляться, грунтовать, лепить, муравить, писать, подмалевать,*

прописывать (65 терминов); болг. *грубирам, грундирам, колорирам, моделирам, резвовам, скицирам, скульптирам* (60 терминов).

3. 1. 3. Термины, выраженные субстантивированными прилагательными: рус. *колическое, литографская, мастерская, портретная, типическое, трагическое* (6 терминов); болг. *колично, типично, трагично* (3 термина).

3. 1. 4. Термины, выраженные субстантивированными причастиями: рус. *портретируемый, портретируемая* (2 термина); болг. *портретиран* (1 термин).

3. 1. 5. Термины, выраженные субстантивированными наречиями: рус. *сфумато* (1 термин); болг. *сфумато* (1 термин).

Однословные термины изобразительного искусства выражены преимущественно именами существительными. На наш взгляд, в “Краткий словарь терминов изобразительного искусства” в качестве терминов неправильно включены сочетания существительных с предлогом: *в материале* (термин скульптурной практики, применяемый к процессу работы или законченному произведению, исполненному автором в твердом материале – камне, металле, дереве и пр., в отличие от временных материалов – глины, гипса) и *в свету* (термин музейно-выставочной практики, обозначающий способ приблизительного измерения обрамленных произведений живописи или графики. Если работа художника (которую нельзя почему-либо вынуть из обрамления) недоступна для обмера с оборотной стороны, обычно измеряют лишь видимую часть ее поверхности, соответствующую проему рамы). В “Кратък речник на термините в изобразителното изкуство”, очевидно, под влиянием “Краткого словаря терминов изобразительного искусства” включен термин *в материал*. Как известно, имя существительное с предлогом не может быть термином, а может лишь входить в терминологические словосочетания, которые состоят по крайней мере из двух знаменательных слов с предлогом или без предлога. На наш взгляд, было бы лучше вместо этих терминов (рус. *в материале, в свету*; болг. *в материал*) использовать терминологические словосочетания типа существительное + предлог + существительное, например: рус. *портрет в материале, скульптура в материале, фигура в материале* и т. п.; рус. *картина в свету, натюрморт в свету, пейзаж в свету* и т. п.

Однословные термины изобразительного искусства редко выражаются аббревиатурами, которые являются краткими вариантами соответствующих терминологических словосочетаний и существуют параллельно с ними. Мы собрали 11 русских и 16 болгарских терминов, выраженных аббревиатурами. Приведем примеры: рус. *АХРР*, *Вхутемш*, *ГРМ*, *ОМХ*, *ОХР*; болг. *АМХ*, *ЗМНХЗ*, *СБХ*.

В “Кратком словаре терминов изобразительного искусства” даны лишь термины, выраженные аббревиатурами: *АХРР*, *Вхутемш*, *Вхутемас*, *ОМХ*, *ОРС*, *ОСТ*, *ОХР*, *РАПХ*, – которые уже в какой-то степени устарели, так как относятся к пройденным этапам в развитии советского изобразительного искусства. Эти термины функционируют и в болгарской терминологии изобразительного искусства как русизмы. Вот почему они зафиксированы и в “Кратък речник на термините в изобразителното изкуство”. Нами собрано 7 более современных, еще не зафиксированных в словарях терминов, активно употребляющихся как в устной речи художников, так и в письменной форме – в научной и научно-популярной литературе и в различных журналах по изобразительному искусству, в каталогах и пригласительных билетах на выставки, например: рус. *ГРМ*, *ГТТ*, *МОСХ*; болг. *ОИ*, *ОХГ*, *ОХИ*, *ХГ*.

Однословные термины изобразительного искусства редко выражаются глаголами. Нами обнаружено всего 63 русских и 60 болгарских терминов, выраженных глаголами. Среди них значительное место занимают глаголы с суффиксами *-ова-/-ирова-* в русской терминологии (47 терминов), *-ува-*, *-ира-* в болгарской терминологии (41 термин), например: рус. *гравировать*, *иллюстрировать*, *лессировать*, *патинировать*, *реставрировать*, *рисовать*; болг. *гравирам*, *журирам*, *илюстрирам*, *патинирам*, *реставрирам*, *рисувам*. Термины, выраженные глаголами, как правило, отсутствуют в словарях терминов изобразительного искусства, за исключением рус. *позировать* (с. 124) и болг. *позирам* (с. 182).

В качестве однословных терминов могут выступать имена прилагательные и причастия, только если они субстантивированы. Имена прилагательные довольно широко распространены в терминологии, однако, лишь в терминологических словосочетаниях в качестве их компонентов (терминоэлементов), например: рус. *мелкая пластика*, *монументальная живопись*, *прикладная графика*,

станковое искусство; болг. *кавалетио изкуство, малка пластика, монументална живопис, приложна графика*. В словари терминов изобразительного искусства, как нам кажется, неправильно включены в отдельные статьи в качестве терминов несубстантивированные прилагательные: рус. *монохромный* (выполненный оттенками одного цвета) (с. 95); болг. *декоративен* (с. 56); живописен (с. 79); *монохромен* (с. 145); *пасторален* (жанр в изобразительном искусстве, посвященный жизни пастухов и связанный с идеализацией и нереалистическим подходом к действительности) (с. 171). На наш взгляд, было бы лучше заменить эти термины атрибутивными терминологическими словосочетаниями типа рус. *монохромный рисунок*; болг. *декоративен орнамент, живописен маниер, монохромна рисунка, пасторален жанр* и т. п.

Наши наблюдения показали, что в терминологии изобразительного искусства исключительно редко употребляются однословные термины, выраженные субстантивированными причастиями или субстантивированными наречиями. Приведем примеры из специальной литературы на однословные термины, выраженные субстантивированными причастиями, так как это довольно редкое явление: 1. “Доспевский настойчиво стремится к выявлению характера *портретируемой*” [Львова, с. 74]. 2. “Високото чело, прямият поглед придават мъжество и сила на характера на *портретиращия* и помагат да се създаде цялостна представа за Н. Златарски като човек на своето време” [Львова, с. 332].

3. 2. С точки зрения морфологической структуры, русские и болгарские термины изобразительного искусства могут быть выражены как простыми, так и сложными знаменательными словами. Сложными мы считаем знаменательные слова, содержащие в своей основе два корня и более. Основная масса однословных терминов изобразительного искусства выражена простыми словами (именами существительными, глаголами и субстантивированными прилагательными, причастиями, наречиями), например: рус. *басма, блик, графья, заказ, кариаида, плавь, тройника, уквивистость, обводить; мастерская; портретируемый; сфумато*; болг. *блик, декораторка, каменина, кариаида, кич, паус, рьотел, степенуване; моделирам; комично; портретиран; сфумато*. Наши наблюдения показали, что 1147 русских и 1077 болгарских однословных терминов изобразительного искусства выражены простыми словами.

Реже однословные термины могут быть выражены сложными словами (именами существительными и глаголами), например: рус. *автопортрет, агиттабло, видеоискатель, живопись, каменотес, ковроткачество, краскотерка, светотень, художник-модельер, цветоведение*; болг. *автопортрет, агиттабло, дървопластика, каменоделец, образописец, светлосянка, художник-моделierer, цветознание; живописвам, стенописвам*.

Как правило, однословные термины, выраженные сложными существительными, содержат в своей основе два корня. Сложные существительные с тремя корнями и более, функционирующие в качестве однословных терминов изобразительного искусства, редкое явление как в русском, так и в болгарском языках, например: рус. *автоцинокография, газошлакопенобетон, гальваностереотипия, фотопинокография*; болг. *газошлакопенобетон, галваностереотипия* (4 русских и 2 болгарских термина).

В русской терминологии изобразительного искусства отсутствуют однословные термины, выраженные сложными глаголами, а в болгарской терминологии они встречаются довольно редко, например: *живописвам, стенописвам, цинокографирам* (всего 3 примера).

3. 3. В сфере терминологии изобразительного искусства наблюдаются некоторые особенности категории числа у русских и болгарских однословных терминов.

3. 3. 1. Однословные термины, выраженные существительными, употребляющимися в единственном и множественном числе.

Сюда относится основная масса русских и болгарских однословных терминов изобразительного искусства, охватывающая 669 русских и 652 болгарских термина. Мы отказались от классификации по тематическому признаку, так как эти термины отличаются исключительным разнообразием лексических значений. Отметим лишь некоторые особенности.

3. 3. 1. 1. Однословные термины, употребляющиеся в единственном и множественном числе: рус. *выставка, карандаш, картина, краска, полотно, портретист, стека*; болг. *боля, изложба, картина, лащетка, молив, платно, портрет*.

3. 3. 1. 2. Однословные термины, употребляющиеся преимущественно во множественном числе.

В словарных статьях терминов изобразительного искусства эти термины даны во множественном числе, так как в единственном употребляются редко. В этом случае множественное число выражает не только большое количество, но и качественные различия. В тематическом отношении составляют довольно пеструю группу из 37 русских и 40 болгарских терминов, которые мы распределили на несколько подгрупп:

а) названия материалов, красок, веществ: рус. *антисептики* (*антисептик*), *баканы* (*бакан*), *изоляторы* (*изолятор*), *изразцы* (*изразец*), *ингибиторы* (*ингибитор*), *самоцветы* (*самоцвет*), *сиккативы* (*сиккатив*); болг. *антисептици* (*антисептик*), *багри* (*багра*), *багрила* (*багрило*), *заздравители* (*заздравител*), *изолатори* (*изолатор*), *инхибитори* (*инхибитор*), *сиккативи* (*сиккатив*);

б) названия инструментов: рус. *резцы* (*резец*), *формы* (*форма*), *царапки* (*царапка*); болг. *резици* (*резец*);

в) названия художественных произведений мифологических и античных героев: рус. *амазонки* (*амазонка*), *гении* (*гений*), *гиганты* (*гигант*), *демоны* (*демон*); болг. *амазонки* (*амазонка*), *гении* (*гений*), *гиганти* (*гигант*), *демони* (*демон*);

г) названия художников по направлениям в искусстве: рус. *барбизонцы* (*барбизонец*), *передвижники* (*передвижник*), *прерафаэлиты* (*прерафаэлит*), *примитивы* (*примитив*); болг. *бараци* (*барак*), *барбизонци* (*барбизонец*), *прерафаелити* (*прерафаэлит*), *примитиви* (*примитив*);

д) названия произведений искусства: рус. *геммы* (*гемма*), *итальи* (*италья*), *камен* (*камень*), *менгиры* (*менгир*), *петроглифы* (*петроглиф*), *шпалеры* (*шпалера*); болг. *бранденбурги* (*бранденбург*), *геми* (*гема*), *италии* (*италия*), *камен* (*камень*), *менхири* (*менхир*), *петроглифи* (*петроглиф*), *щемпели* (*щемпел*);

е) другие названия: рус. *барбы* (*барба*), *записи* (*запись*), *заусенцы* (*заусенец*, *заусеница*), *кракелюры* (*кракелюр*), *поповления* (*поповление*), *ремарки* (*ремарка*), *традиции* (*традиция*); болг. *барби* (*барба*), *ермишии* (*ермишия*), *изцветлявания* (*изцветляване*), *отлепвания* (*отлепване*), *подкожушвания* (*подкожушване*), *пропорции* (*пропорция*).

3. 3. 1. 3. Однословные термины, расходящиеся в значении в единственном и множественном числе.

Термин *gips*, выраженный существительным *sing. tantum* и обозначающий название материала, расходится в значении с термином *гипсы* выраженным существительным *pl. tantum* и обозначающим “гипсовые слепки скульптурных произведений, применяющиеся в качестве модели”.

Русские термины *графика, натюрморт, пейзаж, плакат, портрет, скульптура* и их болгарские параллели *графика, натюрморт, пейзаж, плакат, портрет, скулптура* употребляются как существительные *sing. tantum* только в значении отдельного вида или жанра изобразительного искусства. Те же самые термины в значении произведений искусства соответствующего вида или жанра употребляются в единственном и множественном числе.

3. 3. 2. Однословные термины, выраженные существительными *sing. tantum*.

Это довольно большая группа терминов, охватывающая 550 русских и 507 болгарских терминов изобразительного искусства. Мы распределили их на несколько тематических групп:

3. 3. 2. 1. Термины, обозначающие направления и стили в изобразительном искусстве: рус. *барокко, импрессионизм, классицизм, кубизм, модернизм, натурализм, реализм, рококо, романтизм*; болг. *барок, импресионизъм, класицизъм, кубизъм, модернизъм, натурализъм, реализъм, рококо, романтизъм*.

3. 3. 2. 2. Термины, обозначающие названия техники: рус. *акватинта, высекание, лави, резерваж, резьба, чеканка, энкаустика*; болг. *акватинта, енкаустика, изсичане, изчукване, лави, резба, резерваж*.

3. 3. 2. 3. Термины, обозначающие названия красок и других материалов для рисования: рус. *кармин, мумия, сангина, сепия, соус, уголь, умбра*; болг. *въглен, кармин, мумия, сангин, сепия, сос, умбра*.

3. 3. 2. 4. Термины, обозначающие свойства: рус. *декоративность, пастозность, пластичность, эскизность, этюдность*; болг. *декоративност, ескизност, етюдност, пастьозност, пластичност*.

3. 3. 2. 5. Термины, обозначающие названия процессов: рус. *ваяние, вохрение, выкрывание, закрепление, иллюминирование, калькирование, перевод*; болг. *ваене, грубиране, илюминиране, калкиране, копиране, моделиране, прехвърляне*.

3. 3. 2. 6. Термины, обозначающие названия скульптурных или рельефных изображений богов и мифологических геросов: рус. *Аполлон, Асклепий, Афина, Афродита, Борей, Венера, Деметра, Диана, Зевс*; болг. *Аполон, Асклепий, Атина, Афродита, Борей, Венера, Деметра, Диана, Зевс*.

Широкое распространение слов *sing. tantum* в качестве однословных терминов изобразительного искусства не трудно объяснить несколькими причинами: функционированием в терминологии вещественных существительных (*кармин, сепия*), отадективных существительных (*декоративность, эскизность*), отглагольных существительных, обозначающих процесс (*ваяние, калькирование*).

3. 3. 3. Однословные термины, выраженные существительными *pl. tantum*.

В терминологии изобразительного искусства это довольно ограниченная группа. Русские и болгарские термины обозначают названия материалов, красок, инструментов, предметов, явлений, частей человеческого тела и др. Ввиду их ограниченного количества и разнообразных значений мы отказались от распределения по тематическим группам. Перечислим все обнаруженные нами термины: рус. *белила, волосы, гипсы, квасцы, клеи, леса, пожарницы, тиски* (8 терминов); болг. *гърди, клеи, кълчица, светлини, слабини, тълмини* (6 терминов).

Болгарские термины *светлини* и *тълмини* употребляются как существительные *pl. tantum* в значении "светлых и темных пятен на произведениях живописи".

3. 4. Между русскими и болгарскими однословными терминами изобразительного искусства устанавливаются отношения морфологического соответствия, рассматриваемые нами с точки зрения морфемного состава слов.

Морфологическое тождество, как и фонетическое, отсутствует у однословных терминов изобразительного искусства из-за отсутствия слов-терминов, выраженных неизменяемыми частями речи, в частности, наречиями. Исключение составляет термин *сфумато*. В целях обучения в пределах морфологического пересечения можно выделить условно морфологическое тождество основ 736 пар однословных терминов, не принимая во внимание другие различия, например:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>акватинта</i>	<i>акватинта</i>	<i>ксилография</i>	<i>ксилография</i>
<i>натюра</i>	<i>натюра</i>	<i>портретист</i>	<i>потретист</i>
<i>офорт</i>	<i>офорт</i>	<i>фреска</i>	<i>фреска</i>
<i>палитра</i>	<i>палитра</i>	<i>шарж</i>	<i>шарж</i>

3. 5. Отношения морфологического пересечения могут быть как регулярными, так и нерегулярными. К регулярным в первую очередь можно отнести всю предыдущую условно выделенную группу морфологического тождества, включающую только имена существительные. Кроме того сюда относятся и 49 пар однословных терминов, отличающихся морфемным составом. Приведем примеры:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>инкрустировать</i>	<i>инкрустирам</i>	<i>плакировать</i>	<i>плакирам</i>
<i>калькирование</i>	<i>калькиране</i>	<i>рисование</i>	<i>рисуване</i>
<i>литографировать</i>	<i>литографирам</i>	<i>художница</i>	<i>художничка</i>
<i>патинировать</i>	<i>патинирам</i>	<i>фиксирование</i>	<i>фиксиране</i>

Нами установлено, что в отношении нерегулярного морфологического соответствия находятся 80 пар однословных терминов изобразительного искусства (в том числе 37 пар терминов с расхождениями в роде), например:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>грунтовка</i>	<i>грундиране</i>	<i>проектировщик</i>	<i>проектант</i>
<i>каутерий</i>	<i>каутеринум</i>	<i>рисовальщик</i>	<i>рисувач</i>
<i>компоновать</i>	<i>компонирам</i>	<i>стилизовань</i>	<i>стилизирам</i>
<i>литье</i>	<i>леење</i>	<i>формовка</i>	<i>формуване</i>

Перечислим чаще встречающиеся однословные термины, расходящиеся в роде в двух языках:

рус.	болг.	рус.	болг.
муж. род	жен. род.	жен. род	муж. род
<i>ангоб</i>	<i>ангоба</i>	<i>акварель</i>	<i>акварел</i>
<i>набросок</i>	<i>наброска</i>	<i>бронза</i>	<i>бронз</i>
<i>мазок</i>	<i>мазка</i>	<i>гуашь</i>	<i>гваши</i>
<i>подрамок</i>	<i>подрамка</i>	<i>манера</i>	<i>маньер</i>
<i>рисунок</i>	<i>рисунка</i>	<i>медаль</i>	<i>медал</i>
<i>стек</i>	<i>стека</i>	<i>пастель</i>	<i>пастел</i>
		<i>сангина</i>	<i>сангин</i>
		<i>тушь</i>	<i>туши</i>

жен. род <i>копия</i>	сред. род <i>копие</i>	сред. род <i>основание</i>	жен. род <i>основа</i>
сред. род <i>барокко</i> <i>строение</i>	муж. род <i>барок</i> <i>строеж</i>	муж. род <i>заголовок</i>	сред. род <i>заглавие</i>

Расхождения в роде касаются преимущественно однословных терминов, заимствованных разными путями из других языков.

Приведем примеры на употребление в специальной литературе однословных терминов изобразительного искусства, расходящихся в роде:

1. “Постепенно под воздействием общего развития реалистической живописи, обогащаясь и совершенствуясь, *акварель* обособилась в самостоятельный вид изобразительного искусства” [Столяров, с. 12]. “В днешно време *акварелът* може да се употреби при направата на прозрачни портрети, които се виждат от двете страни и са предназначени за народни манифестации” [Цонев, с. 56];

2. “*Пастель* появилась в XV в. в Италии, Франции и Нидерландах, где ее применяли для подцвечивания рисунков, исполненных твердыми шрифтами (например, серебряным карандашом)” [Энци. словарь, с. 259]; “В първия случай може да се работи с техниката на сухия *пастел*, а във втория случай, понеже калциевият карбонат от плочата ще свързва прахолинките – с техниката на мокрия *пастел*” [Цонев, с. 43];

3. “*Тушь* бывает сухая (в виде столбиков или плиток) и жидкая” [Энци. словарь, с. 289]; “Както по състав, така и по свойства сухият китайски туш се различава от европейските сухи *тушове*” [Цонев, с. 58];

4. Многие шедевры рисунка созданы в различные эпохи *сангшой*” [Энци. словарь, с. 289]; “Служи за направата на *сангин* за рисуване” [Цонев. Технология, с. 180];

5. “Законченный *рисунок* держат для закрепления под паром, при этом желатин размягчается, обволакивает частицы угля, и рисунок фиксируется” [Скачачева, с. 7]; “Той (Серов – б. м., И. Н.) е и голям майстор на графичната *рисуника*, която прилага за портрети и илюстрации” [Колев, с. 172];

6. “Врубелевский *мазок* представляет собой удивительную динамическую мозаику, мазки, то мелкие, то крупные, наполняют форму” [Скачева, с. 180]; “Броуер рисува с голям успех и пейзажи с широка и свободна *мазка*” [Колев, с. 127].

Однословные термины, находящиеся в отношении морфологического пересечения, редко проявляют колебания в роде в одном из языков. Наши наблюдения показали, что термин *стека*, кроме как в женском роде, отмеченном в “Кратком словаре терминов изобразительного искусства”, в специальной литературе употребляется и в мужском роде. Срв.:

1. “Тиснение выполняется при помощи матриц с вырезанным в деревянной рельефной доске рельефным рисунком или от руки *стеком*” [Павловский, с. 145];

2. “Если требуется, чтобы движение *стеки* было скользким, левкас следует слегка sprysnutъ мыльной водой” [Павловский, с. 145].

В “Кратком словаре терминов изобразительного искусства” термин *скарпель* дан в мужском роде. В специальной литературе, однако, его употребляют в женском роде. Срв.:

1. “Первоначальную околотку ведут так называемым шпунтом, последующую моделировку форм ведут троянкой, а заканчивают *скарпелью*” [Арнаулов, с. 69];

2. Закончив обработку форм тесовиком и киурой, скульптор окончательно прорабатывает ее *скарпелью*, после чего переходит, если это требуется, к шлифовке и полировке” [Школа, с. 154].

По данным “Краткого словаря терминов изобразительного искусства” однословный термин *арабеска* проявляет колебание в роде: кроме как в женском роде, употребляется и в мужском роде – *арабеск*. В “Энциклопедия на изобразителните изкуства в България” термин *барок*, кроме как в мужском роде, функционирует и в среднем роде: бароко (вероятно под влиянием русской терминологии).

В болгарской терминологии изобразительного искусства колебания в роде, как правило, связаны с полисемантичностью однословных терминов. Так, например, термин *стенпис* употребляется в женском роде для обозначения разновидности монументальной живописи и в мужском роде – для обозначения отдельного произведения этой разновидности. Срв.:

1. “Детайл от антична *стенпис* в Херкулан (восьма техника)” [Цонев, с. 174];

2. “Детайл от *стенписа* “Сътворението на Адам” в Сикстинската капела – Рим (фрескова техника)” [Цонев, с. 157].

Термин *рисунък* (м. р.) употребляется для обозначения техники в художественной графике, а термин *рисука* (ж. р.) – для обозначения разновидности художественной графики, а также отдельного произведения этой разновидности. Срв.:

1. “Той (Репин – б. м., И. Н.) оставя богато наследство и в областта на композицията, и в портрета, и в *рисуката*” [Колев, 163–164];

2. Кореджо съчетава в изкуството си здравия *рисунък* на Мантенья, свежия колорит на венецианците и мекотата на светлосянката на Леонардо” [Колев, с. 111].

В терминологии изобразителного искусства функционируют однословные термины, выраженные сложными словами, причем одна из основ сложного слова (обычно вторая основа) находится в отношении морфологического непересечения, а другая – в отношении морфологического пересечения. Нами зафиксировано 5 пар таких однословных терминов:

рус.	болг.	рус.	болг.
долговечность	дълготрайност	каменерез	каменоделец
искусствоведение	изкуствознание	цветоведение	цветознание
каменотес	каменоделец		

Вышеприведенные термины как бы стоят на грани морфологического пересечения/непересечения. Они отличаются более высокой степенью проявления частичных морфологических расхождений. На наш взгляд, определяющее значение имеет первая основа, поскольку вторая основа нередко выступает как суффиксоид. Вот почему мы считаем, что эти термины находятся в отношении морфологического непересечения, например:

рус.	болг.	рус.	болг.
зарисовка	скица	проклеяка	туткалосване
камедь	гума	ракушечник	мушелкалк
коловорот	маткап	стамеска	длето
мурава	глазура	струбциша	стляга
перевод	прехвърляне	шпунт	шило

Интерес представляют расхождения в морфологической структуре однословных терминов, находящихся в отношении морфологического непересечения и касающихся количества корневых морфем. Русским однословным терминам, выраженным сложными существительными, могут соответствовать болгарские однословные термины, выраженные простыми существительными. Приводим все обнаруженные нами примеры:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>видоискатель</i>	<i>визьор</i>	<i>ковроделие</i>	<i>климартство</i>
<i>ковроткачество</i>	<i>климартство</i>		

Болгарским однословным терминам, выраженным сложными существительными или сложными глаголами, могут соответствовать русские однословные термины, выраженные простыми словами (всего 2 пары терминов):

болг.	рус.	болг.	рус.
<i>надживописване</i>	<i>записи</i>	<i>подживописване</i>	<i>подмалевок</i>

От вышеприведенных пар, находящихся в отношении морфологического непересечения, следует отличать пары, составленные из болгарских сложных и русских простых глаголов, находящихся в отношении морфологического пересечения. Мы обнаружили всего 2 такие пары:

болг.	рус.	болг.	рус.
<i>живописвам</i>	<i>писать</i>	<i>писвам</i>	<i>расписывать</i>

4. 1. Графические особенности русских и болгарских однословных терминов изобразительного искусства тесно связаны с фонетическими и морфологическими. Мы ограничимся только анализом типов графического соответствия однословных терминов. В сфере терминологии изобразительного искусства отсутствуют отношения графического тождества между русскими и болгарскими однословными терминами. Исключение составляет только термин *сфумато*, выраженный субстантивированным наречием.

4. 2. Отношения графического пересечения могут быть как регулярными, так и нерегулярными. Нами обнаружено 662 пары однословных терминов, находящихся в отношении регулярного графического пересечения. Приведем примеры:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>аксессуары</i>	<i>аксесоар</i>	<i>сиккатив</i>	<i>сиккатив</i>
<i>арричиато</i>	<i>аричиато</i>	<i>штрих</i>	<i>шрих</i>

<i>валер</i>	<i>варьор</i>	<i>итихель</i>	<i>цихел</i>
<i>искусство</i>	<i>изкуство</i>	<i>эстетика</i>	<i>естетика</i>
Мы обнаружили отношения нерегулярного графического пересечения в 198 парах однословных терминов. Приведем примеры:			
рус.	болг.	рус.	болг.
<i>грануляция</i>	<i>грануляция</i>	<i>мозаика</i>	<i>мозайка</i>
<i>грунт</i>	<i>грунд</i>	<i>муляж</i>	<i>мулаж</i>
<i>жюри</i>	<i>жури</i>	<i>шедевр</i>	<i>шедьовър</i>
<i>интерьер</i>	<i>интериор</i>	<i>шпаклевка</i>	<i>шпакловка</i>

Среди однословных терминов изобразительного искусства, находящихся в отношении регулярного графического пересечения, можно выделить группу терминов, которые условно находятся в отношении графического тождества только в их основных формах (479 пар терминов).

Выделение такой группы имеет важное значение для процесса обучения. Приведем примеры:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>баталист</i>	<i>баталист</i>	<i>монумент</i>	<i>монумент</i>
<i>декоратор</i>	<i>декоратор</i>	<i>темпера</i>	<i>темпера</i>
<i>корн</i>	<i>корн</i>	<i>трафарет</i>	<i>трафарет</i>
<i>курант</i>	<i>курант</i>	<i>шабер</i>	<i>шабер</i>

4. 3. 210 пар однословных терминов изобразительного искусства находятся в отношении графического непересечения, например:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>каркас</i>	<i>арматура</i>	<i>натурицик</i>	<i>модел</i>
<i>кракелюр</i>	<i>пукнатина</i>	<i>письмо</i>	<i>живописване</i>
<i>кружево</i>	<i>дантела</i>	<i>подлинник</i>	<i>оригинал</i>
<i>самшит</i>	<i>чимшир</i>	<i>складень</i>	<i>полиптих</i>

5. 1. Однословные термины изобразительного искусства характеризуются и лексико-семантическими особенностями, которые имеют исключительно важное значение для характеристики данной терминологической системы. Вопрос о том, допустимы ли в терминологии основные лексико-семантические процессы литературного языка (полисемия, омонимия, синонимия, антонимия) является дискуссионным. Согласно традиционной точке зрения, к терминам предъявляется ряд требований, в том числе однозначности и отсутствия синонимов и омонимов (в пределах одной терми-

носистемы)¹¹. С другой стороны, лексико-семантические процессы, протекающие в литературном языке, неизбежно оказывают влияние и на терминологическую лексику. Вот почему “все основные лексико-семантические процессы, хотя и в преобразованном виде, затрагивают и терминологическую лексику¹². В сфере терминологии изобразительного искусства “наряду с неточными терминами, существуют термины-дублеты, термины-варианты, многозначные термины”¹³. Рассмотрим подробнее явление полисемии.

5. 1. 1. Полисемия.

В разных терминологических системах “существует большое количество многозначных терминов”, в частности, и в терминологии изобразительного искусства¹⁴. В общелитературном языке “полисемия способствует богатству и выразительности слова”, представляет его во всем его многообразии, а “в терминологии многозначность противоречит его основному принципу: одно понятие – одно слово, затрудняет тем самым его четкое восприятие”¹⁵. С этой точкой зрения трудно согласиться, поскольку многозначность термина спимается в “определенных контекстуальных условиях” и “реализуется лишь одно из его значений”¹⁶. Явление полисемии мы рассматриваем только в пределах данной терминологической системы, а не вообще. Как известно, “слово может быть однозначным в пределах данной терминологической системы и многозначным как единица языка в целом”¹⁷. Полисемантическим считается термин, “имеющий несколько значений в пределах определенной терминосистемы при сохранении общего семантического компонента”¹⁸.

Как правило, полисемантические термины изобразительного искусства имеют по два или три значения. Нами обнаружено 107 русских и 100 болгарских терминов, имеющих по 2 значения, и 25 русских и 20 болгарских терминов, имеющих по 3 значения. Небольшое количество однословных терминов изобразительного искусства с тремя значениями и более можно объяснить тем, что большее количество значений приводит к непониманию в процессе общения между специалистами. Нередко отдельные значения полисемантических терминов относятся к разным разделам искусства. Как известно, терминология изобразительного искусства охватывает довольно обширный и тематически разнообразный пласт лексики. Многозначные однословные термины можно распределить на несколько тематических групп:

5. 1. 1. 1. Термины изобразительного искусства, имеющие по два значения:

а) термины, обозначающие: а) вид, жанр, техническую разновидность определенного вида или жанра изобразительного искусства; б) отдельное произведение этого вида, жанра, технической разновидности. Приведем примеры: рус. *гравюра, графика, иллюстрация, литография, мозаика, натюрморт, пейзаж, плакат, портрет, скульптура, шарж*; болг. *гравюра, графика, иллюстрация, литография, мозайка, натюрморт, пейзаж, плакат, портрет, скулптура, шарж*;

б) термины, обозначающие: а) название красочного материала; б) название соответствующей техники исполнения при помощи этого материала. Приведем примеры: рус. *карандаш, сангина, соус, тушь*; болг. *молив, сангин, сос, туш*;

в) термины, обозначающие: а) название техники; б) соответствующее произведение, выполненное в этой технике. Приведем примеры: рус. *резьба, сграффито, филигрань, чернь*; болг. *резба, сграфито, филигран*;

г) термины, обозначающие: а) название материала; б) название произведения искусства, сделанного из этого материала. Приведем примеры: рус. *бронза, гипс, дерево, мрамор, стекло, фарфор*; болг. *бронз, гипс, дърво, мрамор, стъкло*;

д) термины, обозначающие: а) действие как процесс; б) результат этого действия. Приведем примеры: рус. *гравировка, лакировка, патинировка, полировка, тонировка, шлифовка*. В болгарском языке эта группа отсутствует;

Многозначность терминов первой группы (типа *пейзаж, портрет*), четвертой группы (типа *гипс, мрамор*) и пятой группы (типа *гравировка, лакировка*) отмечена В. Н. Сергеевым¹⁹.

е) термины, имеющие (по данным терминологических словарей): а) узкое (специальное) значение; б) широкое (неточное, более общее) или переносное значение. Приведем примеры: рус. *абрис, архаика, гобелен, гравер, декадентство, канон, лепка, терракота*; болг. *абрис, архаика, гоблен, гравьор, декаданс, моделиране, теракота*.

Термин *архаика*, например, обозначает: 1) древнегреческое искусство, развивавшееся с VII – VI вв. до н. э.; 2) в более общем значении – искусство древнейших эпох общественного развития,

отличающиеся примитивизмом форм. Термин *гобелен* обозначает: 1) французский тканый ковер ручной работы очень высокого художественного качества, изготовленный на так наз. гобеленной мануфактуре в Париже и предназначенный для украшения стен; 2) в расширенном значении – любой тканый ковер или ковровую ткань, высокого художественного качества – без отношения к характеру, месту или времени производства. Термин *канон* обозначает: 1) в искусстве прошлого: закономерность в пропорциях человеческого тела, принимаемую за идеальную и выраженную простейшим соотношением чисел; 2) так в широком смысле слова называют также всякую систему точных правил и предписаний, существовавшую в области изобразительного искусства.

Значения полисемантических терминов настолько разнообразны, что их нельзя заключить в узкие рамки нашей классификации. За ее пределами остается довольно большая и тематически разнообразная группа однословных терминов. Приведем примеры: рус. *герма, мастерская, панно, панорама, пастозность, стилизация*; болг. *ателие, пано, панорама, пастъозност, стилизация, херма*. Термин *герма* обозначает: 1) в античном искусстве: скульптурное изображение древнегреческого бога Гермеса в виде погрудного изваяния, переходящего в прямой или суживающийся внизу четырехугольный столб; 2) одну из форм скульптурного портрета и портретного памятника, для которой характерны прямоугольный образ плеч и слияние скульптурного изображения с призматическим постаментом. Термин *мастерская* обозначает: 1) помещение, предназначенное для работы живописца, скульптора или графика; 2) совокупность, состав учеников в стенах мастерской какого-либо крупного художника в тот или иной период его деятельности. Те же самые значения имеет и болгарский термин *ателие*. Термин *стилизация* обозначает: 1) в изобразительном искусстве: подражание какому-либо из стилей прошлого; 2) обобщенное, упрощенное схематическое изображение в орнаментах предметных форм, сведенное к определенному стилевому единству.

5. 1. 1. 2. Термины изобразительного искусства, имеющие по три значения:

а) термины, обозначающие: а) вид, жанр, разновидность определенного вида или жанра искусства; б) технику выполнения художественного произведения; в) отдельное произведение, выпол-

ненное в соответствующей технике: рус. *шкрустация, рисунок*; болг. *шкрустация*;

Термин *шкрустация*, например, обозначает: 1) раздел декоративно-прикладного искусства; 2) технику выполнения декоративной композиции из пластинок или кусочков твердых, нередко драгоценных материалов, врезанных в гладь с поверхностью декорируемого предмета; 3) отдельную декоративную композицию, выполненную в этой технике.

б) термины, обозначающие: а) название красочного материала; б) название соответствующей техники, выполняемой при помощи этого материала; в) название отдельного произведения искусства, выполненного в соответствующей технике: рус. *акварель, гуашь, масло, пастель, темпера*; болг. *акварел, гуаш, масло, пастел, темпера*.

В словарях терминов изобразительного искусства даны только первое и второе значения вышеприведенных терминов, а для термина *масло* дано только второе значение (краткое обозначение техники масляной живописи). Полисемантичесность перечисленных терминов, кроме *масла*, отмечена В. Н. Сергеевым²⁰. Увидев на художественной выставке под произведением искусства надпись, например "*акварель*", следует понимать, что это произведение живописи, выполненное в акварельной технике акварельными красками.

За пределами вышеприведенной классификации остается тематически разнообразная группа однословных терминов с тремя значениями. Приведем примеры: рус. *автолитография, арабеска, штерьер, ретушь, финишь, холст, чеканка*; болг. *автолитография, арабеска, емайл, штериор*.

Термин *чеканка*, например, обозначает: 1) технику выполнения скульптурных произведений из тонких металлических листов; 2) отдельное скульптурное произведение, выполненное в этой технике; 3) проработка лицевой поверхности металла в произведениях скульптуры посредством чекана. Термин *штерьер* обозначает: 1) жанр изобразительного искусства; 2) отдельное произведение этого жанра; 3) в декоративно-прикладном искусстве: отделку, оформление внутреннего помещения. Термин *ретушь* обозначает: 1) в монументальной живописи: частичные исправления аль фреско темперой; 2) в гравюре: частичные исправления гравюрной доски; 3)

в масляной живописи: протирку жухлых частей красочного слоя специальным лаком или маслом. Русский термин *перевод* имеет три значения: 1) в практике изобразительного искусства: механический способ переноса основных контуров изображения с подготовительного рисунка на холст, штукатурку и т. п.; 2) в реставрации: перенесение красочного слоя в целом на новую основу с целью полной замены обветшавшей старой; 3) в практике древнерусской живописи: контурный рисунок на бумаге, служащий живописцу образцом или материалом при компоновке иконы, настенной росписи, миниатюры. В “Кратком словаре терминов изобразительного искусства”, однако, даны два термина *перевод*, т. е. два омонима, причем первый (с. 118 – 119) имеет два значения (первое и второе), а второй (с. 130) имеет одно значение (третье) и дублет *прорись*. На наш взгляд, было бы лучше считать термин *перевод* полисемантическим, поскольку в пределах любой терминологической системы омонимов не бывает. “Омонимия по отношению к терминологии может быть охарактеризована только как межсистемное явление.”²¹

Как видно из приведенных примеров, полисемантические термины могут иметь разные значения в разных видах, жанрах и технических разновидностях изобразительного искусства.

Полисемантические термины изобразительного искусства редко имеют более трех значений (всего 3 русских и 2 болгарских термина). Среди них наибольшим количеством значений обладает однословный термин *роспись*: 1) в монументально-декоративной живописи: все связанные с архитектурой произведения живописи, за исключением *мозаики* и *панно*, т. е. *стенопись* и *фреска*; 2) в неточном значении: любые произведения монументальной живописи, включая *панно* и *мозаику*; 3) в прикладном искусстве: сюжетные и орнаментальные изображения, наносимые на предметы кистью или заменяющим ее инструментом; 4) техника, т. е. процесс, действие; 5) в древнерусском искусстве: выполнение живописцем при начальной стадии работы над иконой или фреской всех линейных очертаний изображения в пределах “описи” (т. е. внешних контуров), а также и самые очертания такого рода.

6. 1. Кроме полисемантической русских и болгарских однословных терминов изобразительного искусства, рассмотрим и отношения семантического соответствия между ними.

Основная масса русских и болгарских однословных терминов изобразительного искусства находятся в отношении семантического тождества (1224 пары терминов). Приведем примеры:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>выкрывание</i>	<i>ецване</i>	<i>майолика</i>	<i>майолика</i>
<i>карнация</i>	<i>карнация</i>	<i>оклад</i>	<i>обковка</i>
<i>мазок</i>	<i>мазка</i>	<i>тис</i>	<i>махагон</i>
<i>манера</i>	<i>маньер</i>	<i>уголь</i>	<i>въглен</i>

В сфере изобразительного искусства семантическое включение встречается очень редко. Нами обнаружено всего 15 примеров. Болгарский термин *патина*, кроме значения, совпадающего с русским эквивалентом (налет окислов различных цветовых оттенков [от коричневого до зеленого] на произведениях скульптуры или декоративно-прикладного искусства, выполняемых из бронзы, мрамора, известняка), имеет еще одно значение, отсутствующее в словаре, но отмеченное К. Цоневым²² (в масляной живописи: изменение тона красок с течением времени в результате пожелтения масел). Приведем примеры из специальной литературы: 1. "Пожълтяването на маслата във всички стари картини им придава след време така наречения галериен тон, или *патина*" (Цонев, с. 23). 2. "*Патината* на нашите стари икони се дължи на промяната на тона на лаковете, които са били нанесени върху тях" (Цонев, с. 23). Русский термин *отливка*, кроме одинакового значения с болгарским термином *отливка* (процесс механического воспроизведения скульптурного оригинала или его гипсовой копии посредством заполнения специальных форм, предварительно снятых с этой модели), имеет и второе значение (точная копия скульптурного оригинала, выполненная механическим способом литья, преимущественно из гипса). Болгарский термин *мулаж* (слепок с натуры), имеет дополнительное значение (процесс литья в специальных формах изделий из воска, гипса или металла). Болгарский термин *блик*, кроме значения, совпадающего с русским термином *блик* (самое светлое, нередко блестящее место на поверхности предмета), имеет и другое значение (в средневековой живописи: светлые штрихи на самых выпуклых местах лица, рук, ног и других частей изображения). Русский термин *салон*, кроме двух значений, совпадающих со значениями болгарского термина *салон* (1. наименование выставки французской Академии в XVII – XIX вв.;

2. с конца XIX в. крупные художественные выставки во Франции), имеет и третье значение (в практике советской художественной жизни: постоянная выставка художественных произведений, предназначенных для продажи, которая принадлежит специальной организации).

Вышеприведенные примеры семантического включения можно представить графически: Ср *патина* \subset Сб *патина*; Ср *муляж* \subset Сб *мулаж*; Ср *отливка* \supset Сб *отливка*; Ср *блик* \supset Сб *блик*; Ср *салон* \supset Сб *салон*.

Среди однословных терминов изобразительного искусства нами обнаружен всего один пример на семантическое пересечение: *тон*. Этот термин имеет три совпадающих значения (1. исходный, простейший элемент светотени как в самой натуре, так и в художественном произведении; 2. исходный, простейший колористический элемент; 3. общий цветовой строй художественного произведения или мотива). Болгарский термин *тон* имеет еще одно значение, отсутствующее в русском термине (в технике углубленной гравюры: очень тонкий слой краски, который оставляют на поверхности доски перед печатанием). Русский термин *тон* имеет еще одно значение, отсутствующее в болгарском термине (общий световой строй художественного произведения или мотива).

Отношение семантического пересечения графически можно отметить следующим образом: Ср *тон* \cap Сб *тон*.

Семантическое пересечение в сфере однословных терминов изобразительного искусства исключительно редкое явление. Это связано с тем, что, хотя терминологии изобразительного искусства, не подвергавшейся упорядочению, свойственно явление полисемии, как правило, многозначные однословные термины имеют по два значения. Полисемантические термины, имеющие по два значения, относятся, как правило, к семантическому включению, реже к семантическому тождеству. Однословные термины изобразительного искусства как в русском, так и в болгарском языках редко имеют более чем два значения, о чем уже было сказано.

Семантическое непересечение наблюдаем при формальном пересечении или непересечении однословных терминов изобразительного искусства. Отношение семантического непересечения при регулярном формальном пересечении в сфере терминологии изобразительного искусства довольно редкое явление. Нами

обнаружено всего две пары терминов: рус. *олово* болг. *олово* (разные металлы, служащие материалом для скульптуры); рус. *копирка* (бумага для копирования) – болг. *копирка* (инструмент для копирования). Чаще наблюдаем отношение семантического непересечения при формальном пересечении, которое можно рассматривать как отношение соответствия полного лексического различия. Приведем примеры:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>живопись</i>	<i>скульптура</i>	<i>натюрморт</i>	<i>плакат</i>
<i>натуристик</i>	<i>графичка</i>	<i>иллюстрировать</i>	<i>позирам</i>

Отношения семантического непересечения можно выразить графически следующим образом: $S_p \cap S_b \equiv \emptyset$.

В сфере однословных терминов изобразительного искусства семантическое непересечение при формальном пересечении не имеет существенного значения для процесса обучения. На наш взгляд, нет смысла составлять и подсчитывать огромное количество возможных комбинаций однословных терминов, находящихся в отношении семантического непересечения при формальном пересечении.

Русско-болгарские полные семантические эквиваленты в терминологии изобразительного искусства составляют основную массу специальной лексики (1224 лексические пары). Русско-болгарские частичные эквиваленты (случаи семантического включения и пересечения), как правило, наблюдаются довольно редко. Нами обнаружено всего 16 лексических пар. Как правило, они свойственны только однословным терминам, выраженным именами существительными.

Вопрос об однословных/неоднословных соответствиях русских и болгарских однословных терминов изобразительного искусства довольно интересен. Терминологии изобразительного искусства более свойственны однословные соответствия, например:

рус.	болг.	рус.	болг.
<i>выставка</i>	<i>изложба</i>	<i>офорт</i>	<i>офорт</i>
<i>лессировка</i>	<i>велатура</i>	<i>портретировать</i>	<i>портретирам</i>

Неоднословные соответствия встречаются редко, например:

рус.		рус.		болг.
<i>график</i>	↙ ↘	<i>модель</i>	↙ ↘	<i>модел</i>
	<i>график</i>	<i>натурщик</i>		
	<i>графичка</i>	<i>натурщица</i>		

Ввиду ограниченного объема работы вопрос о русско-болгарских однословных и неоднословных соответствиях в сфере терминологии изобразительного искусства приводит к следующим выводам:

7. 1. Анализ русских и болгарских однословных терминов изобразительного искусства приводит к следующим выводам:

7. 1. 1. У русских и болгарских однословных терминов изобразительного искусства много сходных черт. Как правило, русские и болгарские однословные термины находятся в отношении формального (фонетического, морфологического, графического) пересечения или непересечения. Отношения формального тождества исключительно редкое явление (рус. *сфумато* – болг. *сфумато*) (всего 1 лексическая пара). Отношения формального пересечения можно наблюдать в 695 парах, большей частью заимствованных из других европейских языков (рус. *темпера* – болг. *темпера* (из ит.)). Отношения формального непересечения реализуются в 210 парах терминов, заимствованных преимущественно из общелитературных языков (рус. *кисть* – болг. *четка*).

7. 1. 2. Однословные термины изобразительного искусства могут быть выражены только знаменательными частями речи: именами существительными (в том числе и аббревиатурами), глаголами, субстантивированными прилагательными, субстантивированными причастиями и субстантивированными наречиями. Основная масса терминов выражена именами существительными (1227 русских и 1165 болгарских терминов). Исключительно редко термины могут быть выражены субстантивированными наречиями (1 русский и 1 болгарский термин) и субстантивированными причастиями (1 болгарский и 2 русских термина).

7. 1. 3. В терминологии изобразительного искусства наряду с терминами, употребляющимися в единственном и множественном числе (669 русских и 652 болгарских термина) функционируют термины, выраженные существительными *sing. tantum*, составляющие

довольно большую группу (550 русских и 507 болгарских терминов) и термины, выраженные существительными pl. tantum, составляющие ограниченную группу (8 русских и 6 болгарских терминов). Незначительное количество однословных терминов (7 русских и 7 болгарских терминов) расходятся в значении в единственном и множественном числе.

7. 1. 4. Расхождения в роде наблюдаются в 37 парах однословных русских и болгарских терминов изобразительного искусства, преимущественно заимствованных разными путями из других языков. Колебания в роде проявляют 3 русских и 3 болгарских термина, причем, как правило, у болгарских терминов колебания в роде связаны с расхождениями в значении.

7. 1. 5. Как правило, русские и болгарские термины изобразительного искусства находятся в отношении семантического тождества при формальном пересечении или непересечении (рус. *портрет* – болг. *портрет*; рус. *карандаш* – болг. *молив*). Отношение семантического тождества исключительно редкое явление (рус. *сфумато* – болг. *сфумато*). Отношения семантического включения и пересечения при формальном пересечении характеризуют полисемантические термины (рус. *пятина* – болг. *пятина*; рус. *тон* – болг. *тон*) и поэтому встречаются редко. Отношения семантического непересечения при формальном непересечении практически не имеют значения для процесса обучения (рус. *натюрморт* – болг. *плакат*).

7. 1. 6. В терминологии изобразительного искусства представлены все 4 типа формального русско-болгарского соответствия.

К первому типу относится всего 1 пара однословных терминов: р. *сфумато* – б. *сфумато* (Фр ≡ Фб).

Нами обнаружено всего 620 пар терминов, которые можно отнести ко второму типу, например: р. *гравировать* – б. *гравирам*; р. *полотно* – б. *платно*; р. *штихел* – б. *цихел* (Фр ⊃ Фб)

Третий тип наблюдаем в 75 парах однословных терминов, например: р. *горельеф* – б. *релеф*; р. *гуашь* – б. *гваши*; р. *мазок* – б. *мазка* (Фр ⊃ Фб).

К четвертому типу относятся 210 пар однословных терминов, например: р. *гратуар* – б. *стъргало*; р. *оболванивать* – б. *грубирам*; р. *подмалевок* – б. *подготовка* (Фр ⊃ Фб = ∅).

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Краткий словарь терминов изобразительного искусства. М., 1965; Кратък речник на термините в изобразителното изкуство. С., 1970; Энциклопедический словарь юного художника для старшего и среднего школьного возраста. М., 1983; Енциклопедия на изобразителните изкуства в България. Т. 1. С., 1980; Словарь иностранных слов. М., 1984. Речник на чуждите думи в българския език. С., 1982.

² Сергеев, В. Н. Терминология изобразительного искусства в русском языке XIX – XX вв. (термины изобразительного искусства и примыкающая к ним лексика). АКД. Л., 1964, с. 5.

³ Моисеев, А. И. О языковой природе термина. – В: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970, с. 13.

⁴ Червенкова, И. О сопоставительном описании русской и болгарской лексики. – В: Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков. Фонетика и лексика. С., 1982, 138–145.

⁵ Червенкова, И. Указ. соч., 138–148.

⁶ Червенкова, И. Указ. соч., с. 144.

⁷ Словарь иностранных слов. М., 1984, 607 с.

⁸ Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 11.

⁹ Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1974, с. 49.

¹⁰ Манолова, Л. Българска терминология. С., 1984, с. 12.

¹¹ Даниленко, В. П. Указ. соч., с. 54.

¹² Долгова, А. И. Анализ семантических отношений между терминами-антонимами. – В: Описание русского языка в аспекте его преподавания как иностранного. Л., 1984, с. 24.

¹³ Сергеев, В. Н. Указ. соч., с. 15.

¹⁴ Зубченко, И. В. Термин и слово (семантический аспект). – В: Структурно-семантические особенности отраслевой терминологии. Воронеж, 1982, с. 37.

¹⁵ Халевский, В. С. К вопросу об основных характеристиках термина (на материале лингвистической терминологии). – В: Грозненский нефт. институт им. акад. М. Л. Миллионщикова. Грозный, 1981, с. 7.

¹⁶ Чеботникова, Т. А. Многозначность термина и контекст. – В: Термин и слово. Горький, 1982, с. 37.

¹⁷ Зимица, А. С. Синонимия в специальной лексике промышленного птицеводства. – В: Волгоградский гос. педагог. институт им. А. С. Серафимовича, Волгоград, 1981, с. 6.

¹⁸ Сыроваткина, Г. К. О некоторых типах системных отношений в терминологии технологии рыбных продуктов. – В: Минский гос. педаг. институт иностранных языков, Минск, 1981, с. 13.

¹⁹ Сергеев, В. Н. Указ. соч., с. 14.

²⁰ Сергеев, В. Н. Указ. соч., с. 14.

²¹ Даниленко, В. П. Указ. соч., с. 72.

²² Цонев, К. Технически наръчник на художника. С., 1957, с. 23.

СОКРАЩЕНИЯ

¹ Арнаудов – Арнаудов, Д. Практическое пособие по русскому языку для студентов ВИИИ им. Н. Павловича. С., 1976.

² Колев – Колев, В. История на изкуството. С., 1973.

³ Львова – Львова, Е. Българско възрожденско изкуство. С., 1978.

⁴ Львова – Львова, Е. Искусство Болгарии (Очерки). М., 1971.

⁵ Павловский – Павловский, А. С. Материалы и техника монументально-декоративного искусства. М., 1975.

⁶ Секачева – Секачева, А. В., Чуйкина, А. М., Пименова, Л. Г. Рисунок и живопись. Учебник для техникумов. М., 1983.

⁷ Столяров – Столяров, И. М. Акварель. Материалы и способы письма. Минск, 1980.

⁸ Цонев – Цонев, К. Технически наръчник на художника. С., 1957.

⁹ Цонев. Технология – Цонев, К. Технология на изящните и приложни изкуства. С., 1949.

¹⁰ Школа – Школа изобразительного искусства, выпуск VIII, изд. Академии художеств. 1963.

¹¹ Энциклопедический словарь юного художника для среднего и старшего школьного возраста. М., 1983.

ЛИТЕРАТУРА:

(кроме указанной в списке сокращений)

- ¹ Васильев, А. Ермиши. Технология и иконография. С., 1976.
- ² Виннер, А. В. Материалы живописи. М., 1954.
- ³ Лукацкий, Э. П. Первый шаг в творчество. Минск, 1985.

ON SOME PECULIARITIES OF THE RUSSIAN
AND BULGARIAN ONE-WORD
TERMS IN THE FIELD OF FINE ARTS

IVANKA NAKOVA

The work deals with the phonetic, graphic, morphological and lexico-semantic peculiarities of the Russian and Bulgarian one-word terms in the field of fine arts, as well as the basic formal and semantic equivalents; it shows which full-meaning words can function as one-word terms; points out the differences and the vacillations in the functioning of the category "gender" and reveals the peculiarities of the category "number"; a thorough analysis is carried out of the phenomenon of polysemy.

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКИХ
И БОЛГАРСКИХ ОДНОСЛОВНЫХ ТЕРМИНОВ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА**

ИВАНКА НАКОВА

В работе рассматриваются фонетические, графические, морфологические и лексико-семантические особенности русских и болгарских однословных терминов изобразительного искусства и основные типы формальных и семантических соответствий; выясняется какие знаменательные слова могут функционировать как однословные термины; вскрываются расхождения и колебания в функционировании категории рода и выявляются особенности категории числа; подробно анализируется явление полисемия.

ТРУДОВЕ НА ВТУ "СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
ВЕЛИКО ТЪРНОВО

Том 25 Книга 2

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ

1988

TRAVAUX DE L'UNIVERSITE "ST. ST. CIRILLE ET METHODE"
DE VELIKO TIRNOVO

Tome 25 Livre 2

FACULTE PHILOLOGIQUE

1988

**ЕДНА НЕХАРАКТЕРНА
УПОТРЕБА НА ЛАТИНСКОТО UT И
БЪЛГАРСКИЯТ КОНЮНКТИВ**

Василена Тодоранова

**ONE NON-TYPICAL USE OF THE
LATIN UT AND THE
BULGARIAN CONIUNCTIV**

Vassilens Todoranova

Велико Търново, 1988

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

Почти всички изследвания на латинския език имат един общ недостатък. На базата на буквалния превод се разглежда всъщност съответният феномен в родния език. По този начин българският латинист, който по принцип ползува чуждоезикова информация, я получава двойно изкривена: веднъж, защото латинските специфични особености невинаги могат да се предадат чрез буквален превод, и втори път, защото те са пречупени през призмата на друг език, със собствена специфика, различна от тази на българския. Като отбелязвам тази слабост, не искам да отрека подобен метод на работа, защото той е единствено възможният, когато липсва живият носител на езика, който се усвоява пасивно. Смятам обаче, че тя може да бъде ограничена и почти преодоляна, ако съпоставката се прави не само с родния език, а и с няколко чужди. Този път следва настоящата работа, която има за задача да разгледа една по-особена употреба на *ut* в речите на Цицерон.

В първата реч против Катилина има няколко случая на *ut* в главно конюнктивно изречение:

Te *ut* ulla res frangat?

Tu *ut* unquam te corrigas?

Tu *ut* ullam fugam meditere?

Tu *ut* ullum exilium cogites? (9, 22)

Tu *ut* illa carere diutius possis... (9, 24)¹

Първият пример е цитиран в латинските речници, които го обясняват и превеждат различно. Речникът на Войнов и Милев² го определя като наречие и го превежда с *някак*. Според Дворецки *ut* в този случай е съюз, не е уточнено какъв. Даден е само преводът му на руски: “*Да разве возможно что бы?, да что бы?*”. Преведено е и цялото изречение: “*Да разве на тебя что либо действует?*”³. Френският коментатор на цитираното в статията издание обяснява така случая: “*Interrogation oratoire où ut = est-il possible que? et sousentend une réponse négative. Il y a éclipse de fuerine potest.*”⁴

Етимологичният речник на Ерну и Меие цитира аналогична употреба в Тускуланските беседи: “*quod ut ita sit*” (1, 21, 49), придружена

със следното обяснение: “*Ut*, en qualité de particule indéterminée, accompagnait souvent des subjonctifs de supposition (d'où *ut à supposer que...*), de possibilité où d'intention... La langue a tendu à considérer cet *ut* ainsi employé comme une conjonction subordonnante qui introduisait le subjonctif, ayant le sens de *pour que*, *afin que*, *que*.” Цитираното изречение от Тускуланските беседи е преведено: “les choses seraient-elles ainsi de quelque manière”⁵.

В класическия литературен латински конюнктивът в подчинено изречение се въвежда с определен съюз (*ut*, *cum*, *si*, *etc*), който поема отчасти функцията на конюнктивен белег. В независими изречения конюнктивът е изразен със съответната суфиксална характеристика без задължителна употреба на antecedent. Възможно е в говоримата реч обаче тази употреба да е била широко разпространена, особено при сегашното време на конюнктива, където разликата с индикатива е по-трудно доловима: *amat/amet*, *legit/legat*, за разлика от другите времена, чиито характеристики: *-re-*, *-isse-*, *-eri-* се открояват по-ярко. И останалите случаи на конюнктив в независимо изречение във въпросителната реч на Цицерон са с подобен antecedent, подготвящ и насочващ вниманието с очакването за конюнктивна форма: *Utinam ... di... diunt*. (9, 22) *Nonne debeat*. (8, 19) *Quid ego te invitem...* (9, 24).

Този факт може да се обясни с особения характер на ораторската реч, предназначена първоначално изключително за слушане и затова по-близка до говоримия език и в по-голяма степен ползваща неговите обрати в сравнение с едно литературно произведение.

Цитираните в синтаксиса на Ерну и Томас аналогични на нашия примери: “*ut celerem patrem // ... tua flagitia?*” “moi, *celer* à ton père tes scandales?” (Pl. Va, 375-6); *egone ut te interpellam?*” “moi, *t'interrompre*” (Cic. Tu, 2, 42). (*Да скривам твоите безчестия от баща ти? Аз да те прекъсна?*) по-върждават нашето предположение. Единият пример е пак от Цицерон, а другият – от Плавт, в чиито комедии изобилствуват форми на разговорната реч. Според авторите този “subjonctif exclamatif ou de protestation... caractérise une éventualité qu'on repousse...”⁶. Те приемат, че *ut* тук е неопределителна частица със значение *en quelque manière*.

Същите автори отбелязват доста разпространената в по-ранния латински употреба на *ut* като частица за пожелание с конюнктив на

пожеланието. Цитираните примери са пак от комедията: Плавт и Теренций. Възвръщане на тази употреба има у Хораций, Вергилий, Овидий, Проперций, Апулей⁷.

Друг аргумент в наша полза можем да намерим в съвременните романски езици. Във френски: "Форма съюзонктива поддържається союзом *que*, который постоянно с ним употребляется. Отсутствие *que* свидетельствует о переходе съюзонктива в императив (*aie, sache, sois*), либо о фразеологизации речи: *Vive la France; Plût à Dieu; ne vous déplaîse.*"⁸ Подобно е положението в италиански и испански. В учебниците по граматика на съответния език тези съюзи се дават като част от конюнктивната парадигма на глагола. Румънският конюнктив често се различава от индикатива единствено по antecedента *să*⁹.

Какъв е българският превод на разглежданата от нас нехарактерна употреба на *ut* "Теб нещо *да те пречуни*?", Ти някога *да се поправиш*?, Ти *да помислиш*?, Ти *да се приготвиш*...?, Ти ли *да можеш*...?"¹⁰ *Да* + глагол в сегашно време предава точно латинското *ut със сегашен конюнктив* в независимо изречение.

Да – формите преобладават и в превода на конюнктива в подчинените изречения, от които изключваме косвената реч и косвените въпроси, както и подчинените условни изречения. От 51 конюнктива 36 са преведени с *да* – форми и 15 по друг начин, а именно: 2 случая на заместване на конюнктив с причастие и 13 с индикатив в: 3 подчинени за време, 4 причинно-временни, 1 отстъпително, 3 отстъпително-относителни, 1 подложно. Шестте случая на иреален конюнктив в аподозиса са преведени с *щях да*-форми.

Ако сумираме казаното дотук, виждаме, че модалност в латински се предава с конюнктив, който има морфологичен белег и може да бъде подкрепен с някакъв antecedent. Във френски, италиански и испански конюнктивът има своя парадигма със специални форми и задължителен antecedent, който вече е унифициран: *que, que, che*. В румънски формите за конюнктив в повечето случаи съвпадат с индикативните и antecedentът *să* се явява вече като основен модален белег, а в българския език, който по принцип е по-аналитичен от изброените, тази тенденция е доведена до своя красн резултат – белег на конюнктива е само antecedentът *да*.

За българския конюнктив е писано много. Ще си позволя да изброя някои от основните доводи "за" и да отговоря на някои от възраженията против него.

1. 1. Основният аргумент да приемем *да*-формите за конюнктив е, че те, както признават всички писатели по въпроса, изразяват модални отношения, които в други езици се предават чрез конюнктив. Това се потвърждава и от сравненията между оригинал и превод от френски и немски в монографията на Геннадиева-Мутафчиева, латински в настоящата статия (която при това сравнява с литературен превод, допускащ отклонения от стилистичен характер, сравненията между старогръцки текст и старобългарски превод в дисертацията на Милева. Трябва да отбележим, че Милева констатира същата употреба и в текстове без гръцко съответствие, т. е. явлението е оригинално българско, характерно за говоримия език от онова време¹¹.

1. 2. *Да*-формите са темпорално ограничени, както и конюнктивът. Те никога не се употребяват в бъдеще време, каквото и конюнктивните форми не притежават, защото по принцип функциите на бъдеще време в архаичните езици се изпълняват от конюнктивни форми, като някои от тях се трансформират по-късно в бъдеще време. Така е в латински и в санскрит¹². Не са редки случаите на заместване на бъдеще с конюнктив, защото една молба, заповед или намерение са насочени винаги към бъдещето. В латински дори имаме пресичане на формите на конюнктива с тези на бъдеще време: конюнктивус перфекти и футурум секундум са омонимни по форма в активум.

1. 3. *Да*-глаголните форми в подчинено изречение са тясно свързани с глагола на управляващото, както и конюнктивът в определени видове подчинени изречения.

1. 4. В подчинените *да*-изречения може да се говори за съгласуване на времената, каквото има и при латинските подчинени конюнктивни изречения¹³.

2. 1. Основното възражение против конюнктива е, че "в българския език не съществува конюнктив и то разбран като система от форми, образуващи парадигматично единство"¹⁴. Цитатът е от автореферата на дисертационната работа на Милева, но той изразява общото мнение.

Според Ю. Маслов "конюнктивът се образува от съчетанието на формите за сегашно време и перфекта, а също и на съответните

преизказни форми със служебната частица *да...*¹⁵. Същите тези форми (оставяме настрана преизказните) са приети в българската граматика за описателен императив. Следователно парадигма има, въпросът е как да я наречем. Основание за такава постановка дава фактът, че императивът по принцип има форми за второ, а в някои езици и за трето лице в отделни времена. Третоличните императиви се употребяват рядко и може да се каже, че се забелязва тенденция към изчезването им. В латински само бъдещето време има третоличен императив (в най-старите юридически текстове), който се смята за архаизъм. Заповед в трето лице и смекчена заповед във второ се предават с конюнктив. Що се отнася до формата за първо лице, перифразирайки Варон, можем да кажем, че никой не заповядва на себе си. Според нас формите *да пиша, да пишеш..., да съм писал, да си писал...; нека да пиша...; нека пишеш...* образуват парадигмата не на описателен императив, а на конюнктив. Защо българският описателен императив да има толкова разнообразни функции (конюнктивни, опативни и императивни)¹⁶, каквито никой от познатите ни императиви не притежава? Не ги притежава и синтетичният ни императив. Нормално ли е синтетичният и аналитичният императив да имат различни значения? Императивът е с редуцирана парадигма и монофункционален. Не е ли по-приемлива обратната постановка, че конюнктивът има и императивно значение, което не се покрива абсолютно с това на същинския императив, както е в другите езици?

Възражения имаме и спрямо бъдеще време в миналото: *щях да чета, щеше да четеш* и т. н. Граматиката на Стоянов цитира следните примери като типична употреба на това време, предаващо "действие, което е предстояло да се осъществи в миналото след момента, за който се говори":

"А тъкмо вече *щеше да се жени* за Велико железарина от Сърнено, готови бяха дори и книгата за венчаването..." (Й Й)

"Когато той вече *щеше да тръгне*, някой попита отвътре:..." (Й Й)

"Той пристъпи няколко крачки и се спря: двете момченца се гонеха и *щяха да се ударят в него*." (Й Й)

"Най-после имот му беше, ще го види, пък и *щеше да си почине*." (Й Й)¹⁷

Временната стойност се определя или спрямо момента на говоренето (абсолютната временна стойност) или спрямо времето на друг глагол (релативна временна стойност). Последният случай е характерен за подчинените изречения спрямо главните. В цитирания случай е изразено намерение и това е само по-точният и кратък израз на “действие, което е предстояло да се осъществи в миналото след момента, за който се говори.”¹⁸ (къде? – б. а.)

Общоприето е, че индикативът предава действието на плана на реалната действителност като факт, а останалите наклонения – като съществуващо във въображението на говорещия субект под формата на молба, заповед, намерение, предположение и т. н. Смятаме, че в цитираните примери очевидно не става дума за обективен факт, протичащ на плана на реалната действителност.

От друга страна, не всички лингвисти са на мнение, че самостоятелната морфологическа парадигма е задължителна характеристика на наклонението. Ето какво пише Т. Бароу за санскритския инюнктив: “Строго говоря, так называемый инюнктив вовсе не является самостоятельной морфологической категорией. По форме инюнктив представляет собой безаугментный аорист и имперфект...”¹⁹

2. 2. *Да*-формите имали по-разнообразни функции, защото заместваха причастия и инфинитиви.

Тези форми се заместват взаимно в много езици. У Овидий имаме пример на една и съща мисъл, изразена в едно изречение веднъж със супин, веднъж с конюнктивно подчинено изречение: “*Spectatum veniunt, veniunt, spectentur ut ipsae*”. (Аа, 1, 99) (Идват, за да гледат, идват, за да бъдат гледани самите те.) Вече цитирах два примера на обратен случай, когато оригинален конюнктив е преведен на български с причастие (вж. с. 169). Една и съща мисъл може да бъде изразена и с конюнктив, и с инфинитивно изречение:

Hunc videre saepe optabamus diem. (Ter, Нес 4, 4, 29)

(Често искахме да *видим* този ден.)

Ut moriatur optabis. (C, De fluibu de Finibus, 2, 24, 79)

(Ще поискаш да *умре*.)

На това основание и преводачът е свободен да направи замяната, но това не може да бъде аргумент против конюнктива. Всеки език разполага с няколко средства за изразяване на една идея. Удо отбелязва, че що се отнася до латинския език: “*Seul, le dictionnaire peut*

indiquer exactement quelles sont, pour un verbe donné, la ou les constructions autorisées par l'usage.⁴²⁰

2. 3. Това, че *da* има и други функции освен модалната, също може да се оспорва като възражение в смисъл, че и латинското *ut* не е само antecedent на конюнктива, а същевременно и подчинителен съюз за време, причина, отстъпление, следствие, а може да бъде наречие и съчинителен съюз. Разнообразни функции и значения има и френското *que*.

2. 4. Да се съчетава с други думи: *без da*, *за da* и др., също и *ut: utcumque, utique, pro ut eo, perinde ut, utpote, utpote cum, ut primum, ut statim, utinam, sicut, velut, prout*.

Определителният член във френски и италиански се слива с някои предлози до неузнаваемост, намира се пред думата, отделно от нея, а в български има постпозиционалност и все пак е определителен член.

2. 5. "Не винаги съюзът *da* оцветява модално глаголното действие в *da*-конструкция."²¹

Латинският конюнктив в подчинено изречение не винаги има модален характер. Често той изразява само граматическата връзка между подчинено и управляващо изречение, поради което някои автори го наричат "конюнктив на подчинението" за разлика от модалния конюнктив, наречен "на смисъла". Макар и много рядко се среща и конюнктив на модалното привличане – в подчинени релативни изречения, ако управляващото има конюнктивно или инфинитивно сказуемо, т. е. този конюнктив няма никакво отношение към реалността на изказването.

А има и обратни случаи. В старогръцки – език с много развита модална парадигма, индикативът може да изразява иреалност и потенциалност, като отрицанието може да бъде както *οὐ*, което обикновено отрича факт, така и *μη*²². С други думи ролята на отрицанието съвсем не е така стабилна, че да бъде определяща.

2. 6. Останалите възражения са от общ характер. Наименованията "частница" и "конструкция" са прекалено общи, за да бъдат термини. Употребяваме ги тогава, когато не ни е ясна същността на явлениято.

Намирам, че към българския конюнктив се предявяват прекалени изисквания. Някоя граматична теория и категория не

обяснява, нито обхваща всички случаи. Френският събжонктив също има своите многобройни проблеми и съответно теории, които се опитват да ги решат²³.

Ако терминът конюнктив се въведе в школната граматика, ще се улесни изучаването на чуждите езици и българските ученици ще се запознаят с изразяването на намерение, иреалност, възможност в българския език.

В светлината на така изложените доводи и възражения ми се струва, че въпросът ще наречем ли *да*-конструкцията конюнктив има по-скоро практически, а не принципен характер.

Връщайки се към казаното в началото, но вече в обратен ред, искам да добавя, че не смятам за недостатък да се гледа на родния език от гледната точка на други езици. От една страна, българският език е индоевропейски, т. е. има много сходни съществени черти и по-малко разлики с другите и. е. езици. От друга – някои неща отстрани се виждат по-добре. Опасно е, ако страничната точка е само една, тогава може да се получи изкривяване. Но когато точките са няколко, сравнява се с няколко езика, които, макар и “генетично отдалечени”, имат “типологично сходство”²⁴ с нашия език, това вече е полезно.

БЕЛЕЖКИ:

¹ Латинският текст е по Levaillant, M. M. T. Ciceronis in Catilinam orationes quattuor, texte latin. 10 ed. Paris, Hachette.

² Войнов, М., Милев, Ал. Латинско-български речник. С., 1971.

³ Дворецкий, И. Латинско-русский словарь. М., 1976.

⁴ Levaillant, M. Op. cit., с. 119, б. 5.

⁵ Ernout, A., Meillet, A. Dictionnaire étymologique de la langue latine, 4 ed., Paris., 1967.

⁶ Ernout, A., Thomas, Fr. Syntaxe latine. Paris., Klincksieck, 1964, p. 242.

⁷ Пак там, с. 240.

⁸ Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка, морфология. М., 1979, с. 187.

⁹ Вж. Карулин, Ю. А., Черданцева, Т. З. Самоучитель итальянского языка. М., 1987, с. 197 сл.; Виноградов, В. С. Грамматика испанского языка. М., 1978, с. 160 сл.; Гъммулеску, Д. Учебник по румънски език. С., 1976, с. 86.

¹⁰ Преводът на първата реч против Катилина е от Бояджиев, Д. (Велики оратори. Цицерон. С., с. 151 сл.) Всички останали преводи са от авторката.

¹¹ Милева, Н. Употребите на служебната дума *да* в стария български книжовен език. (Автореферат). Велико Търново, 1982, с. 20.

¹² Вж. Egnout, A. Morphologie historique du latin, 3 ed. Paris, Klincksieck, p. 159 sq.; Барроу, Т. Санскрит, М., 1976, с. 280.

¹³ Вж. Геннадиева - Мутафчиева, З. Подчинителният съюз *да* в съвременния български език. С., 1970, с. 203.

¹⁴ Милева, Н. Цит. съч., с. 5.

¹⁵ Маслов, Ю. С. Граматика на българския език. С., 1982, с. 200.

¹⁶ Вж. Попов, К. Повъпроса за българския конюнктив. – В: Помагало по българска морфология, глагол. Съст. П. Пашов и Р. Ницолова. С., 1976, с. 384.

¹⁷ Стоянов, Ст. Граматика на българския книжовен език. С., 1980, с. 398 сл.

¹⁸ Геннадиева - Мутафчиева, З. Цит. съч., с. 206.

¹⁹ Барроу, Т. Цит. съч., с. 279.

²⁰ Oudot, J. Syntaxe latine, Strasbourg, 1964, p. 290.

²¹ Геннадиева - Мутафчиева. Цит. съч., с. 206.

²² Милев, Ал., Михайлов, Г. Старогръцка граматика. С., 1961, с. 267 сл., с. 326 сл.

²³ Гак, В. Г. Цит. съч., с. 184 сл.

²⁴ Иванчев, Св. Проблеми на развитието и функционирането на модалните категории в българския език, в сб. цит., с. 348.

ONE NON-TYPICAL USE OF THE LATIN UT AND THE BULGARIAN CONIUNCTIV

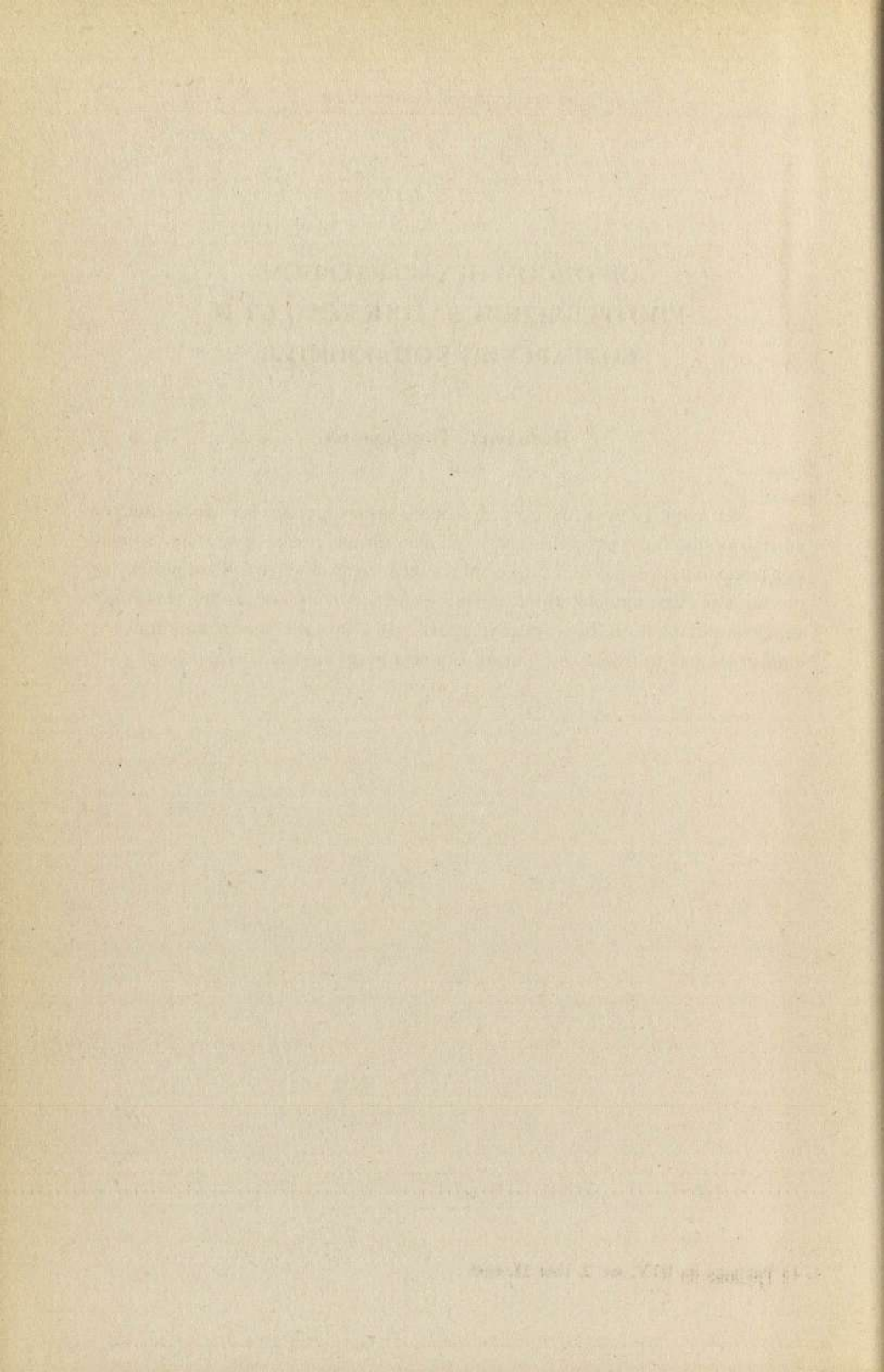
Vassilena Todoranova

The author proceeds from the hypothesis that Latin Coniunctiv, as long as it features in colloquial speech, had as a feature not only a morphological characteristic, but also some kind of an antecedent. In modern Romance languages the unified antecedent becomes a defining characteristic. This process has been carried through in the Bulgarian language in which the only marker of the Coniunctiv is the antecedent да.

**ОБ ОДНОМ НЕХАРАКТЕРНОМ
УПОТРЕБЛЕНИИ ЛАТИНСКОГО UT И
БОЛГАРСКИЙ КОНЪЮНКТИВ**

Василена Тогоранова

Отправным пунктом исследования считается гипотеза, что латинский конъюнктив, встречающийся в разговорной речи, имел не только суффиксальную характеристику, но и какой-то antecedent. В современных романских языках унифицированный antecedent становится определяющей характеристикой. В болгарском языке этот процесс уже закончился, и единственный признак конъюнктива в нем – это antecedent да.

ТРУДОВЕ НА ВТУ "СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ"
ВЕЛИКО ТЪРНОВО

Том 25 Книга 2

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ

1988

TRAVAUX DE L'UNIVERSITE "ST. ST. CIRILLE ET METHODE"
DE VELIKO TIRNOVO

Tome 25 Livre 2

FACULTE PHILOLOGIQUE

1988

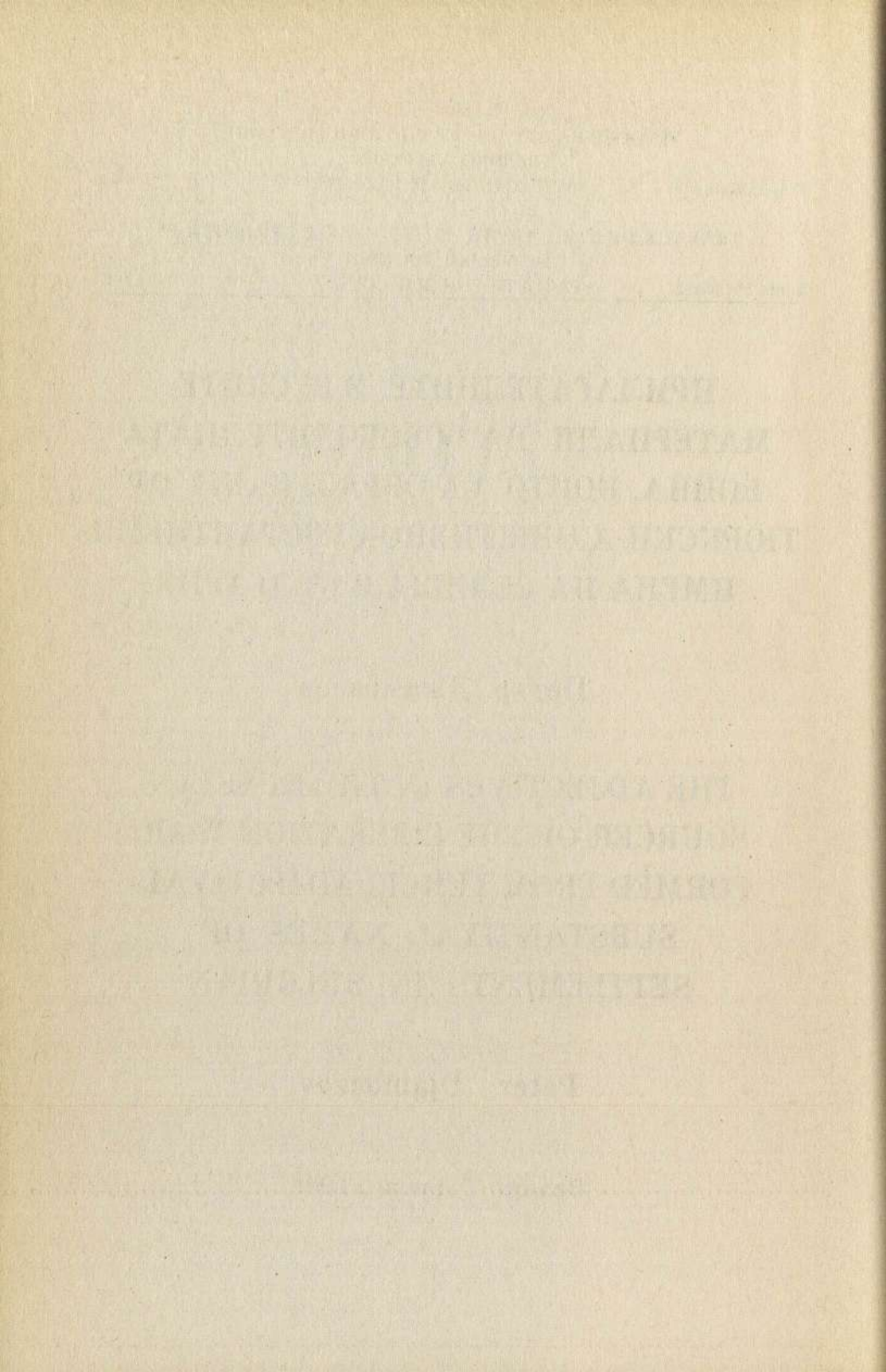
**ПРИЛАГАТЕЛНИТЕ В РУСКИТЕ
МАТЕРИАЛИ НА ОСВОБОДИТЕЛНАТА
ВОЙНА, КОИТО СА ОБРАЗУВАНИ ОТ
ТЮРКСКИ АДIEКТИВНО-СУБСТАНТИВНИ
ИМЕНА НА СЕЛИЩА В БЪЛГАРИЯ**

Петър Джамбазов

**THE ADJECTIVES IN THE RUSSIAN
SOURCER OF THE LIBERATION WAR,
FORMED FROM TURCIC ADJECTIVAL-
SUBSTANTIVAL NAMES OF
SETTLEMENTS IN BULGRIAN**

Peter Djambazov

Велико Търново, 1988

Голям е броят на имена на български географски обекти в руските архивни документи от Руско-турската война (1877–78), в кореспонденциите за нея в руската преса и в мемоарите на участници във военните действия.

Тези названия представляват научен интерес за историци, военни географи, краеведи, но особено ценни са те за езиковедите. В тях са отразени резултатите от активната творческа езикова работа на авторите на съответните документи, които най-често са били високообразовани носители на руския език. Тази работа се е състояла във фонологично, граматично и словообразователно приспособяване на съответните български и тюркски думи и словосъчетания към системата на руския език при включването им в руския текст. Със своята сложност тя би могла да затрудни даже специалисти-езиковеди, а е била извършена от хора без специална езиковедска подготовка и то в суровите и динамични условия на военните действия. Ето защо имената на българските географски обекти се срещат в руските материали на Освободителната война в много варианти, в които са отразени важни особености на българския и руския език, както и на тяхното контактуване.

Специално внимание заслужава словообразователното преоформяне на тия лексикални единици, още повече, че в руските текстове, в които те функционират, са употребени и много техни производни, най-често прилагателни.

Комплексното проучване и описание на топонимичните прилагателни в руския език е актуална, но доста сложна изследователска задача. При формирането например на техните словообразователни структури действуват някои особени закономерности на руското словообразуване и на неговото взаимодействие със заемането. Разкриването и системното описание на тия закономерности е нужно както за теорията на словообразуването, ономастиката и езиковите контакти, така и за лексикографската теория и практика, а също и за практиката на езиковото обучение. Ето защо словообразователният аспект на руските топонимични прилага-

телни е привличал вниманието както на специалисти по руско и източнославянско словообразуване, така и на ономасти и автори на университетски учебници по руски език¹.

Употребените в руските материали на Освободителната война прилагателни, образувани от имена на български географски обекти, са особени лексикални единици. Те са възниквали стихийно и са много подходящ материал за изучаване на заемането от руски език на български и тюркски думи като процес.

Известно е, че от думите, които руският език заема от други езици, на най-редовно и най-значително граматично и словообразователно преоформяне се подлагат глаголите и прилагателните. Това важи и за заемките от близкородствени езици. Въпреки структурната близост на повечето български топонимични прилагателни със съответни руски (а може би именно поради нея), воините от освободителната армия са предпочитали да образуват такива прилагателни вместо да ги заемат наготово. Изглежда, че главната причина за това се крие в деривационната природа на тия думи – в тяхната производност, вторичност, която е трябвало да се запази и в руския език. Именно затова те са били образувани със средствата и по правилата на руската словообразователна система, вместо да бъдат заемани и преоформяни словообразователно и граматично. Това, разбира се, се е налагало и от военните условия, в които е било по-лесно нужното прилагателно да бъде образувано, отколкото да бъде чуто от носител на българския език. Още по-редовно са били образувани руски прилагателни от тюркските имена на българските географски обекти.

Голям е броят в разглежданите руски материали и на сложните прилагателни, образувани от български и тюркски географски имена от територията на днешна България. В зависимост от своята словообразователна база те се делят на две групи: 1) прилагателни, образувани от отделни разчленени географски имена (словосъчетания) и 2) прилагателни, образувани от по две (рядко три) еднословни имена. Всяка от посочените групи според словообразователната база, начина на словообразуване, словообразователните средства и словообразователните структури на нейните членове, се разпада на подгрупи.

И в тези стихийно възникнали думи ясно е отразено активно взаимодействие на лексикалното заемане със словообразуването. Ще

разгледаме ония от тях, които са образувани от тюркски адиективно-субстантивни имена на селища от територията на съвременна България. Техният начин на словообразуване е композиция, придружена от суфиксация. Наставката е *-ск-* и тя е представена от няколко аломорфа.

Широкото и сложно вариране на фонемния (чрез буквения) и морфемния състав, а също така на словообразователните и граматични характеристики на многобройните имена на български географски обекти в руските материали на Освободителната война е предизвикано от ред причини. В него влизат: диалектното вариране и липсата на нормативност за тия имена в българския език по онова време, записването им по слух от носители на руски език с различен езиков усет и опит, руско-българската интерференция и т. н. Руските воители са слушали тюркските географски имена най-често от българи, в българския им изговор и граматично оформление, и затова те се нуждаят от специално внимание. Много често в разглежданите руски исторически материали разчленени тюркски имена на български географски обекти са предавани като една дума (чрез слято писане). Това свидетелствува за неразбиране на техните структури от носителите на руския език, които са ги записали. Такова вариране на топонимите е отразено и в образуванията от тях прилагателни, включително и в сложните, и то трябва да бъде обяснявано при тяхното проучване.

Воините от освободителната армия са образували руски прилагателни от имена на български географски обекти за нуждите на именуването. Те са ги употребявали в словосъчетания с номенклатурни географски термини, военни термини и нетерминологични руски съществителни, с които са назовавали различни обекти: *Кялбунарская гора, Турнодерская долина, Карагачский лес, Карнак-Балканский перевал, Демиркойский подъем, Карабунарская станция, Еникойское ущелье, Карабаирский хребет, Кадыйкойский лагерь, Кизиль-Агачский отряд, Араба-копакская позиция* и много други. Кръгът на тая съчетаемост за всяко отделно прилагателно също трябва да бъде определен.

Основната функция на географските имена е да служат за "адреси" на съответните географски обекти. Именно тя обуславя първостепенното значение на тия имена в историческите документи и необходимостта от тяхното идентифициране, когато те не са ясни.

Историческите материали на Освободителната война се използват от историци, краеведи и други специалисти с различна национална принадлежност и затова употребените в тях географски имена трябва да се идентифицират.

Посочените особености на разглежданите от нас прилагателни както и на топонимите, от които те са образувани, определят основните задачи на настоящото проучване. Те са следните:

- 1) да се идентифицират произвеждащите топоними;
- 2) да се представят отделните варианти на самите прилагателни в минимален контекст от съответен исторически материал;
- 3) да се определят съществителните, с които тия прилагателни са употребени в материалите;
- 4) да се обяснят особеностите на словообразуването на тези прилагателни;
- 5) да се опишат случаите на интерференция и семантизация.

Проучваните думи са разположени по азбучен ред на техните опорни (втори) компоненти, а след това – по азбучен ред на определящите (първите) им компоненти.

Прилагателни с опорен компонент А Г А Ч

Срещат се такива производни от имената на с. Караач – с. Славяново, Р.* и Къзъл агач – г. Елхово, Б. С деривата на първото название са образувани топоними от номенклатурните географски термини *лес* и *возвышенность*: “в Карагачском лесу” (17, вып. 4, с. 125)²; “над оврагом, отделяющим Амуркойскую правую возвышенность от Карагачской (Карагачькойской, ред)”³ (17, вып. 38, с. 41).

В редакторската бележка към втория откъс е даден дериват на друг вариант на топонима – Карагачькой. В него липсва наслагване (апликация) на първата гласна от втората основа върху крайната гласна на първата основа, каквато има във варианта *карагачский*. Това прилагателно се среща и без наслагване: “к Карагачскому лесу” (17, вып. 91, ч. 2, с. 317). Б във варианта Карагачьский няма

* При идентификацията на произвеждащите селищни имена те се дават в българския им облик, а когато селището е преименувано, се дава и съвременното му название. След имената на селищата се посочват (чрез първите им букви) областите, в които те се намират сега, например: Л. – Ловешка област. С цифри в скоби след илюстративния текст се отбелязват номерата на източниците от приложения в края на студията “Списък на историческите материали” и съответните страници.

езикова стойност: “направлен на Карагачьский лес” (17, вып. 56, ч. 2, с. 436). Редовното слято писане на деривата свидетелствува за лексикализация на словосъчетанието и за неразличаване на двете основи.

От названието Къзълагач е образувано сложното прилагателно Кизиль-Агачский. То е употребено в съчетания със съществителните *отряд* и *округ*: “служит резервом Тырново-Семенгийскому и Кизиль-Агачскому отрядам” (16, вып. 4, с. 33); “в округах: ... Кизиль-Агачском” (16, вып. 4, с. 58). Подуелятото писане на тоя дериват свидетелствува за разграничаване на двете основи от носителите на руския език. Първата основа *къзъл* (тур. *kızıl*) – *червен* е заменена с руската *кизиль* – *дрян* поради фонологичната им близост. Тая замяна е станала още в произвеждащия топоним: “прибыли... в Кизиль-агач” (16, вып. 4, с. 40).

Прилагателно с опорен компонент А Л А Н

В прегледаните от нас исторически материали се среща само едно сложно прилагателно с тоя опорен компонент, образувано от името на с. Курт алан – с. Иванча, Р.: “из Курталанской рощи” (17, вып. 36, с. 418). Лексикализацията на словосъчетанието е станала в произвеждащия топоним: “к д. Курталан (Курталар, ред.)” (17, вып. 36, с. 418).

Прилагателни с опорен компонент Б Е Й (Б Е К)

Такива прилагателни са образувани от имената на селата Фида бей – с. Велчево, Л. и Козлублик – с. Сливовица, Л. с аломорф *-ск-*: “Федабейскую позицию укрепляйте” (17, вып. 54, с. 318) или *-евск-* (по-често): “Велите федабеевским...жандармам” (17, вып. 36, с. 67); “укреплять Федобеевскую позицию” (пак там); “на Федабеевской позиции” (17, вып. 63, с. 17). Колебанието между *а* и *о* в първия корен е потвърждение на тяхното практическо неразграничаване в позиция без ударение.

От името Козлублик е образувано прилагателно *козлубекский*, вторият компонент на което (бек) е бил известен в руския език. Въпреки това прилагателното е писано само слято. То е употребявано в съчетания със съществителните *гора* и *дорога*: “в Козлубекских горах” (17, вып. 47, с. 111); “на Козлубекской дороге” (17, в. 63, с. 131).

Прилагателни с опорен компонент Б У Н А Р

В нашата картотека има такива прилагателни от седем имена на селища: с. Ак бунар – с. Бял извор, Х., с. Беш бунар – с. Пет

кладенци, Р., с. Гьол бунар – с. Бистренци, Р., с. Кара бунар – с. Гълъбово, Х., с. Карабунар – с. Подслон, Х., с. Кара бунар, П., и с. Кая бунар, което е било разположено западно от с. Хотница, Л., (изчезнало).

Прилагателното от първото название е употребявано със съществителното *дорога* и е писано полуслято: “на Ак-бунарской дороге” (2, с. 69). С дериватите на топонима Беш бунар са образувани няколко географски имена: “между Банической и Бешбунарской балками” (17, вып. 47, с. 2); “в конце Бешбунарской долины” (17, вып. 50, ч. 1, с. 185); “от Бешбунарской ... дороги” (17, вып. 49, ч. 2, с. 136); “по Бешбунарской ложине” (17, вып. 50, ч. 1, с. 67); “У самого соединения Балабанларского и Бешбунарского ущелий” (17, вып. 45, ч. 1, с. 301). Среща се и полуслято и отделно писане на това сложно прилагателно: “перешла в Беш-Бунарскую ложину” (17, вып. 92, с. 101); “до соединения Беш-Бунарского и Балабанларского ущелий” (17, вып. 45, ч. 1, с. 253); “к Беш бунарскому ущелью”. В един от вариантите е регистрирана асимилация по звучност: “влево от Бежбунарской (беш-бунарской, ред.) дороги” (17, вып. 45, ч. 2, с. 117). Тя е предизвикала замяна на малко известния на русите тюркски корен *беш* (ср. връх Бештау в Северен Кавказ и гр. Бешкент в Узбекистан) с корена на заетото от френски прилагателно *бежевий* (ср. също несклоняемото прилагателно *беж*). Същият компонент е заменен в един от вариантите на това прилагателно с друг тюркски: “вблизи Бейбунарского бивака” (17, вып. 67, с. 30).

Прилагателното от ойконима Гьол бунар е писано само слято и е употребявано със съществителните *ручей* и *ущелье*: “... где с Балабанларским ручьем соединяется ручей Гельбунарский” (4, 1880, № 10, с. 372), “между Гельбунарским и бузовецким ущельями (Гольбунар и Базовец, ред.)” (17, вып. 50, ч. 1, с. 184). От редакторската бележка се вижда, че палатализацията на *л* във втория вариант е станала при предаването на руски език на името на селото (в тая бележка компонентът *гьол* е неправилно семантизиран и заменен с руското съществително *голь*).

Прилагателното от тюркското име на днешния град Гълъбово е употребявано със съществителните *дорога* (железная) и *станция* (железнодорожная). То е писано слято или полуслято: “по дорогам Шумлинской, Карабунарской и Ямбольской” (17, вып. 74, с. 117);

“пошли на Карабунарскую станцию железной дороги” (12, т. 2, с. 168); “чтобы Карабунарская станция была...” (4, 1879 г., № 1, 2, с. 152); “заял Карабунарскую станцию железной дороги” (пак там, с. 130).

Прилагателните от другите два Кара бунара са писани само слято: “Не позволил Карабунарскому отряду” (17, вып. 24, с. 406) (от тюркското име на с. Подселон, Сз.); “склады...Карабунарский...” (17, вып. 96, с. 329) (от с. Карабунар, П).

Слято са писани също така името Кая бунар и образуваното от него прилагателно: “через Хлар, Каябунар и Белаковцы” (8, с. 413); “прибывшей с Каябунарской горы” (8, с. 414).

Прилагателни с опорен компонент Д Е Р Е

Срещат се такива деривати от следните селищни имена: с. Дермен дере – с. Първенец, П., с. Дурна дере – с. Росно, Л., и с. Чатал дере – с. Разсоха, Л. Прилагателното от названието Дермен дере е писано само слято: “дермендерский отряд” (16, вып. 4, с. 34). Така е писано и самото название: “в окрестностях деревни Дермендере” (пак там). При образуването на прилагателното е изпаднала крайната гласна на втория компонент на произвеждащото име. С прилагателното от названието Дурна дере са образувани географски имена от съществителните *высота, гора, долина, дорога, овраг, ручей и ущелье*: “выбитые с Чаталдага и Дурнадерских высот” (17, вып. 64, ч. 1, с. 42); “на Дурнадерской горе” (17, вып. 64, ч. 1, с. 19); “выходящего в Турнодерскую долину” (17, вып. 47, с. 53); “по Турнодерской дороге” (17, вып. 63, с. 246); “высоту правого берега Дурнадерского оврага” (17, вып. 47, с. 50); “пробиться ложиной Турно-дерского ручья” (17, вып. 64, с. 180); “в Дурнадерском ущелье” (17, вып. 47, с. 51). От приведените примери се вижда, че прилагателното варира чрез слято или полуслято писане и чрез замяна на *д* с *т* и на крайната гласна на първия компонент *а* с *о*. Във всичките примери при образуването на прилагателното е изпаднала крайната гласна на компонента *дере*. Преобладава слято писане, както е и при произвеждащия топоним: “из... жителей с. Турнадер” (17, вып. 42, с. 129); “через ущелье Дурнадере” (17, вып. 47, с. 51).

Възможно е предаването на първия компонент с начално *т* вместо с *д* да е по-точно. Чрез тая замяна неясният корен *дурна* е превърнат в ясен (ср. тур. *turna* – жерав), замяната на крайната гласна *а* на тоя компонент с *о* изменя словообразователната структура на

прилагателното, защото това *o* функционира като съединителна гласна. То се среща и в други текстове, както при слято, така и при полуслято писане на прилагателното: “из-за Турнодерских высот” (17, вып. 63, с. 232); “в Турнодерских...горах” (17, вып. 47, с. 111) и “на Турнодерских горах” (пак там); “очистить Турнодерское ущелье” (17, вып. 47, с. 53).

Срещат се и други примери със запазването на *a*: “к Турнадерским высотам” (17, вып. 64, ч. 1, с. 16); “спустившихся к Турнадерских гор” (17, вып. 42, с. 129); “кряж, отделяющий Златарицкую долину от Турнадерской” (17, вып. 63, с. 20); “по ... Дурнадерскому (ущелью)” (17, вып. 91, ч. 2, с. 84) и “по Турнадерскому ущелью” (пак там, с. 17).

В един от вариантите на прилагателното съединителна е гласната *e*: “на вершине Турнедерского (Дурнадерское, Ред.) ущелья” (17, вып. 47, с. 294). В един от авторските и в един от редакторските варианти няма изпадане на гласната *e* на втория компонент на произвеждащото име: “движущийся...в Турно-Дереское (Дурнадерское) ущелье” (17, вып. 47, с. 131); “разбежались...в Дурно-Дерское (Дурнадерское, ред.) ущелье” (пак там).

Трудно за идентифициране е названието *Текер дере*, от което е образувано прилагателно чрез разширяване на основата с *v*: “Иметь поддержку караула на Текер-Деревской дороге” (17, вып. 47, с. 73). В същия документ е употребено и произвеждащото име: “со стороны с. Текер-Дер” (пак там). В редакторската бележка под черта четем следното: “На картах Каница и 5-тиверстной с. Текер-Дере не обозначено; вероятно, находится близ Дурнадере” (пак там).

От тюркското име на днешното село Разсоха, Вг. е образувано прилагателно, което значително варира по форма. То се употребява за образуване на разчленени названия от номенклатурните термини *балка*, *высота* и *ущелье*: “в Чатылдакской балке” (17, вып. 47, с. 111); “занять Чаталдерскую высоту” (17, вып. 64, ч. 1, с. 19); “Черкесы Чаталдерского ущелья” (17, вып. 91, ч. 1, с. 190). От първия пример се вижда, че коренът *дере* е заменен с *дак*. Възможно е това да е предаване на турското съществително *dağ* (планина) от друго име на селото или на височината край него. Тая замяна, редовно придружавана от замяна на ударената гласна *a* с *ы*, се среща и в други случаи: “из Чатылдакского ущелья” (17, вып. 47, с. 50). В друг вариант неударената гласна *a* на първия корен е заменена с *e*: “и других мелких селений

Четылдакской (Чатаалдереской) балки” (17, вып. 47, с. 111). Такава замяна се среща и в името на селото: “в Четылдак (Чатаалдере? Ред.)” (17, вып. 47, с. 50). Тя е станала възможна при силна редукция на гласната след меката съгласна **ч**. В приведенния пример в скоби е регистриран и вариант на това прилагателно (Чатаалдереский), който е образуван без изпадане на крайната фонема **Е** на втория компонент на произвеждащото словосъчетание. В друг вариант е заменена и съгласната **л** с **р**: “Четырдакское (Чатаалдерское. Ред.) ущелье занято” (17, вып. 91, ч. 1, с. 190). Това сигурно е станало при печатането на ръкописа поради неправилно разчитане или е печатна грешка. Още по-трудно е да се обясни посочената вече замяна на гласната **а** под ударение с **ы**, която се среща и във варианти със запазен опорен компонент *дер*: “Оставили Чатылдаерские высоты” (17, вып. 64, ч. 1, с. 16); “по деревням Дурнадерского и Чатылдаерского ущелий” (пак там, с. 266). Това е могло да стане при изчезване на първото ударение в прилагателното.

Прилагателно с опорен компонент Д Ж У М А

То е образувано от ойконима Ески Джумая – гр. Търговище, чрез алоформите *-ск-* и *-шск-* и е употребено в съчетание със съществителните *дорога*, *дефиле*, *округ*, *отряд* и *ущелье*: “правее Эски-Джумской дороги” (17, вып. 4, с.33); “Ески-Джумское дефиле имеет...” (14, 1877 г., № 175); “в Эски-Джумском (округе)” (16, вып. 4, с. 59); “в обозе Эски-джумского отряда” (4, 1885 г., № 3, с. 13); “у входа в Эски-Джумское ущелье” (4, 1888 г., № 2, с. 353). С аломорфата *-шск-* е образуван само един от вариантите: “Эски-Джуминский отряд” (17, вып. 45, ч. 1, с. 346). Прилагателното е писано само полуслято. Един от приведените варианти (във втория пример) започва с **е** вместо с **э**. Това сигурно е регистрация на по-закрит източнобългарски изговор на тая гласна. Образувани са и прости прилагателни само от втория компонент на тоя ойконим: “по Джумской дороге” (17, вып. 36, с. 211); “жители Джумской казы” (17, вып. 77, с. 190). Първият компонент се изпуска и в името на града: “до Джумы” (17, вып. 4, с. 30).

Прилагателно с опорен компонент Е Р

То е образувано от името на с. Акчайар, Акча ср – с. Алеково, Л. В картата на Каниц името е предадено Аксуар, т. е. вторият компонент с **я**р, тур. уар. Възможно е именно това да е неговото предтопонимично значение. Тоя вариант е предаван и на руски език: “в Акчиаре живут

болгары, бежавшие из Руцука, Акчиарские же пропали” (15, т. IV, с. 408).

Прилагателно с опорен компонент И С Е Н

То е образувано от името на с. Кара Исен – с. Райко Даскалово, Л.: “хранившегося в карайсинских амбарах” (8, т. 1, с. 184). Замяната на гласната *е* с *и* е направено още в името на селото: “по прибытии в с. Карайсин” (пак там, с. 183). Тя е могла да стане при произнасяне на това съчетание само с първото ударение. Регистрация на такова произношение е и замяната на *и* с *й*.

Прилагателни с опорен компонент К И Л И С

Те са две. Едното е образование от името на неидентифицирано село Каракилис: “до спуска в Каракилисескую балку” (17, вып. 78, с. 95). Селото е локализирано: “от с. Каракилис (Иеникиой), лежащего на большой дороге из Базарджика в Меджидие, в расстоянии 10 в. от первого” (пак там, с. 104). Тия сведения ни дават основание да допуснем, че това е с. Каралез – с. Царевец, В..

Второто прилагателно с тоя опорен компонент е образувано от неизвестно второ турско име на с. Карагуй – с. Горталово, Л.: “из Кара-Килиского оврага” (17, вып. 13, ч. 1, с. 242). Полуслятото писане на това прилагателно потвърждава отделянето на компонента *килис* от съответните носители на руски език.

Прилагателни с опорен компонент КЪОЙ

В групата на руските прилагателни в материалите на Освободителната война, които са образувани от тюркски адиективно-субстантивни имена на селища в България, броят на тия с опорен компонент *къой* е най-голям.

Такива прилагателни са образувани от 33 имена на селища: с. Дауд къой – тюркско име на с. Осоица, С., с. Демир къой – м. Железарци, Л., м. Драм къой, Дреми къой – присъединена към с. Теменуга, Л., с. Деро – с. Струйно, В., с. Дуран, Р., с. Халваджи ендже къой – с. Цар Асен, Р.; с. Даг ени – с. Любен, Р., с. Бюк ени къой – с. Голямо Ново, Р., с. Индже къой – с. Теменуга, Л., с. Кадъ къой – г. Стражица, Л., с. Кадъ къой – с. Щръклево, Р., с. Кадиево, П., с. Карагуй – с. Горталово, Л., с. Кара Хасан – с. Зарасво, Р., с. Клисе къой – с. Църковище, присъединено към г. Средногорие, С., с. Костиево, П., с. Мансър, Мънсър – с. Манастирица, Р., с. Балджи омур – с. Медовина, Р., с. Омур бей – с. Захари-Стояново, Р., с. Орта къой – с. Аспарухово, Л., с. Орта къой – г. Ивайловград, Х., с. Отлук

кьой – г. Панагюрище, П., с. Паша кьой – с. Мирово, Л., с. Синан – с. Помен, Р., с. Султан – с. Невски, присъединено към г. Попово, Р., с. Текия – с. Христо-Даново, П., с. Топал – с. Кривица, Р., с. Хаинито – г. Гурково, Х., с. Хайдар – с. Кардам, Р., г. Хасково, с. Хасът – с. Крън, Х., с. Хюджекии – с. Захари-Стояново, Р., и с. Чаир – с. Камен, Л.

С прилагателното от ойконима Дауд кьой са образувани географски имена от номенклатурните термини *впадина*, *высота*, *долина*: “от Даушкиоской впадины” (4, 1881 г., № 3, с. 156); “позиция на Даушкийских высотах” (17, вып. 62, с. 220); “обстреливать долину Даушкийских высотах” (17, вып. 62, с. 220); “обстреливать долину Даушкийскую (4, 1881 г., N 3, с. 168). В първия пример е изпусната *й* на опорния компонент, а в друг случай на нейно място е напечатана буква *р*: “двинулся на Даушкиорские высоты” (17, вып. 58, с. 192). Тия отклонения свидетелствуват за невъзприемане отделността на тоя компонент.

Прилагателното от турското име на м. Железарци, Л. е образувало географски имена с термините *возвышенность*, *высота*, *дефиле*, *лес*, *ручей*, *подъем*, *ущелье*: “за Демиркойской возвышенностью” (17, вып. 36, с. 206); “через Демиркойские высоты” (17, вып. 4, с. 141); “до Демиркойского дефиле” (17, вып. 36, с. 123); “впереди Демиркойского леса” (17, вып. 36, с. 127); “до Демиркойского подъема” (17, вып. 34, с. 85); “у Демиркойского ручья” (17, вып. 34, с. 103); “против Демиркойского ущелья” (17, вып. 34, с. 127). Само в два случая това прилагателно е написано полуслято: “вход в Демир-Кьойское дефиле” (17, вып. 91, ч. 1, с. 35); “к Демиркьойскому ущелью” (пак там, с. 140). Както се вижда от приведените примери, гласната фонема на опорния компонент най-често е предавана на руски език чрез буквосъчетанието *ю*. В двата случая на полуслято писане и в един на слято тя е предадена чрез *ю*: “по Демиркьойскому ущелью” (17, вып. 91, ч. 1, с. 28). Втората гласна на първия компонент, освен с буквата *и*, често е означавана с *а*, а в отделни случаи и с *е* и *о*: “за Демаркойской возвышенностью” (17, вып. 36, с. 206); “у Демеркойского ручья” (17, вып. 34, с. 85); “спустился с Деморкойских высот” (17, вып. 34, с. 110). Това в същност е колебание в означаването на фонемите *и* и *а* в позиция без ударение, което е изчезнало и в произвеждащия ойконим, ср.:

“Демаркиой оказался...” (17, вып. 27, с. 249); “заяла с. Деморкиой” (17, вып. 34, с. 110).

Дериватът на *Дреми кьой* няма формални варианти и се среща само в съчетание с географския термин *высота*: “За Демиркойскими высотами” (17, вып. 42, с. 33). В същия документ името на махалата е предадено като Демеркиой: “на высотах за д. Демеркиой”.

Прилагателното *Дерекиойский* е употребявано с военните термини *отряд* и *позиция*: “фланга Дереккойского отряда” (17 вып. 77, с. 63); “на Дереккойской позиции” (17, вып. 4, с. 192). В един от случаите на мястото на *й* в опорния компонент се е появила *и*: “на Дереккойской позиции” (17, вып. 64, с. 158). Изглежда, че грешката е станала при разчитането на ръкописния текст, но тя говори за непознаване на тоя компонент и от редактора.

Прилагателното *Дуранкойский* е употребявано само в съчетание с военния термин *пост*: “За исключением лишь Дуранкойского поста” (17, вып. 65, с. 464).

Ойконимът *Халваджи ендже кьой* е предаван в разглежданите материали като *Енеджеси* и *Ениджези*: “из Ениджези... (Инджекьой, ред.)” (17, вып. 56, с. 169). Ето защо сложно прилагателно с опорен компонент *кьой* от това име срещаме само в редакторски бележки: “Батальон Енеджесийский (Инджекьойский, ред.)” (17, вып. 56, с. 158).

Сприлагателно от второ тюркско име на с. *Даг ени* са образувани разчленени географски имена от номенклатурните термини *овраг* и *ущелье*: “против устья Иеникойского оврага” (17, вып. 4, с. 169); “по Иеникойскому ущелью” (17, вып. 16, с. 313). Това прилагателно е писано и с начално Е: “спустились по Еникойскому ущелью к р. Сваленику (17, вып. 70, с. 128).

Аналогичен по структура е и дериватът на Бююк ени кьой, който е употребяван в съчетания с военния термин *позиция*: “до Иеникойской позиции” (4, 1880 г., № 9, с. 168). Прилагателното от тоя топоним се среща както с компонента *кьой*, така и без него. С тоя компонент то е писано само полуслято. Употребявано е с номенклатурните термини *высота*, *скат*, *хребет*: “склоны Енеджи-Кийской высоты” (17 вып. 42, с. 309); “на Хениджейских (вероятно, Енжикьойских, ред.) скатах были” (17, вып. 42, с. 312); “с Ениджейского хребта” (17, вып. 42, с. 174).

С прилагателното от тюркското име на днешния град Стражица са образувани разчленени топоними от номенклатурните термини *высота, долина, дорога, ручей*: “на Кадыкиойских...высотах” (17, вып. 16, с. 55); “между... и Кадыкиойскою долиною” (17, вып. 47, с. 81); “от кадыкиойской дороги” (17, вып. 36, с. 77); “по Кадыкиойскому ручью” (17, вып. 45, ч. 1, с. 333). То е употребявано и с военните термини *лагерь, отряд, позиция*: “войска Кадыкиойского лагеря” (17, вып. 44, с. 99); “Кадыкиойскому отряду” (17, вып. 4, с. 154); “к стороне правого фланга Кадакиойской позиции” (17, вып. 54, с. 49). В нашата картотека има само един пример с полуслято писане на това прилагателно: “От Кадя-кьойской дороги” (17, вып. 91, ч. 1, с. 27). Предаването на турската ударена фонема в края на първия компонент в тоя пример чрез *я* показва, че думата се е произнасяла с ударение само на опорния компонент. Тая турска гласна е обозначаваана и с *а*: “состав Кадакиойского отряда” (17, вып. 34, с. 109). Такава замяна е ставала още в произвеждащия ойконим: “Кадакиой” (пак там). Колебало се е и предаването на първата гласна на първия компонент. Освен с *а*, тя е означаваана и с *о*: “бассейн Кодькьойского ручья” (17, вып. 70, с. 203). Такова предаване на *а* без ударение често се среща в изследвания материал, но то е ставало само в случаите, когато авторът не е знаел значението на съответната морфема.

Дериватът на Кадь кьой – с. Щръклево, Р., е писан само слято и без формални варианти. Той е употребяван в съчетание със съществителните *виноградник, войска, лагерь*: “по гребню и скату высоты Кадыкиойского виноградника” (17, вып. 44, с. 200); “фланга Кадыкиойских войск” (17, вып. 4, с. 94); “из Кадыкиойского лагеря” (17, вып. 16, с. 58).

Прилагателното от името на с. Кадиево е употребявано само с номенклатурния термин *высота*: “Отступать на Кадыкиойские высоты” (4, 1878 г., № 5, с. 103).

С прилагателното от Каракиой (17, вып. 3, с. 181), друго тюркско име на с. Карагуй – с. Горталово, Л., са образувани географски имена от номенклатурните термини *овраг* и *ущелье*: “из Каракиойского оврага” (17, вып. 13, с. 161); “занимавший... Каракиойское или Картожабенское ущелье” (17, вып. 7, с. 257). В един от вариантите на това прилагателно опорният компонент е *килис* (тур. *kilise*) “из Кара-Килиского оврага” (17, вып. 13, ч. 1, с. 242). В друг вариант тоя компонент е *-аль* (тур. *yalı* – речен бряг): “выступил к Караяльскому

ущелью для разработки и исправления дороги в этом ущелье у д. Каракиой” (17, вып. 13, ч. 1, с. 434). Изглежда, че това са деривати на неотбелязани в разглежданите исторически материали тюркски имена на селото.

Сприлагателното от тюркското име на с. Зараево са образувани географски имена от номенклатурните термини *возвышенность*, *высота*, *гора*, *плато* и *роща*: “Карахасан-къойские возвышенности укрепляются” (17, вып. 50, ч. 2, с. 37); “с Карахасанкиойских высот” (17, вып. 67, с. 361); “на северной горе (Карахасанкиойской)” (17, вып. 4, с. 146); “на Карахасанкиойском плато” (4, № 5, с. 103); “у Кара-Хасанкиойской роши” (17, вып. 37, с. 408). То е употребявано и с военните термини *отряд* и *позиция*: “Кара-Хасанкиойский отряд” (17, вып. 37, с. 281); “впереди нашей Карахасанкиойской позиции” (17, вып. 4, с. 41). Произвеждащият ойконим съдържа три корена и е писан слято или полуслято: “Через Карагасанкиой” (17, вып. 12, с. 88); “из Карахасанкиой” (17, вып. 38, с. 11). Още повече се колебае члененето на основата на прилагателното. Това колебание е отразено във варирането на нейното писане: “занятыми Кара-Хасанкиойскими высотами” (17, вып. 16, с. 35); “занимают все Карахасан-киойские высоты” (17, вып. 37, с. 11); “на Кара-хасанкъойских (Карахасан-къойских, ред.) высотах” (17, вып. 47, с. 183). Вариантът в текста “на Караха-Синкиойских высотах” (17, вып. 45, ч. 1, с. 96) е пример на съвсем немотивирано членене на това прилагателно. В друг вариант, употребен в текст, преведен от турски език, компонентът *-къой* е заменен с *ляр*: “должны были оперировать... и Кара-Хуснулярский отряды” (4, 1879, № 7, с. 146). Източник на тоя компонент сигурно е съответно тюркско име на селото. Замяната на съгласната *х* с *г* във варианта на ойконима *Карагасанкиой* сигурно е регистрация на украински или южноруски изговор. Удвояването на *с* във варианта: “к восточному краю Карагасанкиойского плато” (17, вып. 12, с. 88) може да е резултат от престараване.

Прилагателното от ойконима *Клисе къой* е писано слято и е употребявано в съчетание със съществителното *ущелье*: “близ Клисекиойского ущелья” (13, т. VII, ч. 1, с. 372). Замяната на крайната гласна *е* на първата основа показва, че тя е била произнасяна без ударение: “влево от Клисикиойского ущелья” (17, вып. 62, с. 188). Замяната на същата гласна с *а* е служела за морфологично преоформяне на първата основа, която в някои случаи е употребявана

самостоятелно: “у Клисы” (13, т. VII, ч. 1, с. 372); “вправо от Клисикиойского (Клиского, ред.) ущелья” (17, вып. 57, ч. 2, с. 219); “по окраине Клиссакиойского ущелья” (17, вып. 57, ч. 2, с. 219); “по окраине Клиссакиойского ущелья” (15, т. IV, с. 316). Удвояването на съгласната *с* няма съответствие в турското съществително от гръцки произход *kilis* и може да се обясни с престаараване.

Името на с. Костиево, П. е предавано в разглежданите исторически материали като Костекиой: “расположились на ночлег в д. Костекиой” (3, с. 395).

Прилагателното от тюркското име на с. Манастирица, Р., е употребявано в съчетания с военните термини *отряд* и *позиция*: “позиции Мансуркиойского отряда” (17, вып. 36, с. 418); “посты Мансыр-кьойской позиции” (17, вып. 76, с. 239). В колебанието *у-ы* е отразена трудността при предаването на българската гласна *ъ* и турската *ı* на руски език.

Тюркското име на с. Медовина, Р., най-често е предавано на руски език като Амуркиой: “на Посабинских высотах позади д. Амуркиой” (17, вып. 37, с. 311). Образованото от него прилагателно е употребявано с географските термини *возвышенность*, *высота*, *дорога* и *уступ*: “отделяющим Амуркиойскую правую возвышенность от...” (17, вып. 38, с. 40); “на Амуркиойской высоте” (17, вып. 37, с. 282); “по обсем сторонам Умуркьойской дороги” (17, вып. 91, с. 315); “с упомянутым Амур-киойским уступом” (4, 1880 г., № 7, с. 13). Среща се и с военните термини *отряд* и *позиция*: “кто будет начальником Амур-кьойского отряда?” (17, вып. 70, с. 97); “на подкрепление Амуркиойской позиции” (17, вып. 45, с. 315). Предаването на руски език на първата гласна в името на селото и в образуваното от него прилагателно чрез *у* е фонетично. Нейната замяна с *а* е станала възможна поради разликата в звуковите стойности на руското и българското *о* без ударение и поради сливането в тази позиция на руските *о* и *а*.

Прилагателното от тюркското име на с. Захари-Стояново с втори компонент *-кьой* е писано само с начално *у*: “на высоты Умуркиойского Лома” (4, 1883 г., № 4, с. 153); “р. Умур-киойский Лом” (пак там, в отчетна карта).

Прилагателните от тюркските имена на г. Ивайловград и с. Аспарухово, Л., са писани слято и без вариране на формата: “в Ортакиойском отряде” (4, 1880 г., № 8, с. 181) (от първото); “Ор-

такойский магазин” (17, вып. 96, с. 432) (от второто). Такова е и прилагателното от рядко срещаното в разглежданите исторически материали тюркско име *Отлуккьой* на г. Панагюрище: “на Отлукиойской дороге” (17, вып. 4, с. 138). Дифузното изпускане на едното *к* сигурно е станало в изговора на съответния информатор-българин.

Прилагателното от ойконима *Паша кьой* варира чрез слято и полуслято писане и чрез колебания между *киой* и *кьой*: “с Пашакиойской высоты” (17, вып. 4, с. 153); “с Паша-кьойских высот” (пак там).

Прилагателното от тюркското име на с. Помен, Р. варира чрез колебание между *и* и *е* в първия компонент поради неразличаването им в позиция без ударение и между *ио* и *ьо* в опорния компонент. То е употребявано със съществителните *долина*, *ущелье*, *отряд* и *позиция*: “в долине Синанкиойской” (17, вып. 16, с. 50); “войдя в Сенанкьойскую долину” (17, вып. 92, с. 102); “через Синанкиойское ущелье” (1, с. 777); “отряды Хеджикиойский... и Сенанкиойский отправляются” (17, вып. 50, ч. 2, с. 103); “начальником Синанкиойской позиции назначен” (17, вып. 4, с. 113).

Прилагателното *Султанкиойский* няма варианти. С него са образувани географски имена от номенклатурните термини *овраг* и *ручей*: “отступил в Султанкиойский овраг” (17, вып. 4, с. 50); “на правом берегу Султанкиойского ручья” (4, 1880 г., № 9, с. 186).

Нямат варианти и прилагателните *Текекиойский* и *Топалкиойский*. Първото е употребявано с географския термин *перевал*, а второто с военния – *отряд*: “двинулся на Карнарский и Текекиойский перевал” (9, 1877 г., № 65, с. 3); “По Хирсовскому и Топалкиойскому отрядам” (17, вып. 77, с. 297).

Освен с известното му тюркско име *Хаинбоаз* тоя старопланински проход е наричан в разглежданите руски военноисторически материали и по името на с. Хаинито – сега г. Гурково, Х. Името на селото е предавано най-често като Хаинкиой: “до Хаинкиой” (17, вып. 24, с. 145). От него е образувано прилагателно, с което се дават названия на прохода от номенклатурните термини *богаз*, *дефиле*, *перевал*, *теснина*, *ущелье*: “К стороне Хаинкиойского Богаза” (17, вып. 64, ч. 2, с. 36); “в Хаинкиойском дефиле” (17, вып. 94, с. 18); “на Хаинкиойский перевал” (17, вып. 36, с. 112); “в Хаинкиойском проходе” (17, вып. 24, с. 119); “втянулся в Хаинкиойскую и... теснины”

(5, с. 81); “впереди Хаинкиойского ущелья” (17, вып. 24, с. 146). Употребява се също с военния термин *отряд*: “с Хаинкиойским отрядом” (17, вып. 24, с. 124). Това прилагателно, освен чрез рядко срещаното полуслято писане, варира и чрез различните начини на предаване на гласната фонема в опорния компонент и на гласната *и* в определящия. Освен чрез *ио*, гласната на опорния компонент е предавана и чрез *ьо* (jo), *ё*, *ье* (jэ), *и*: “у Ханкьойского перевала” (17, вып. 74, с. 28); “по Хаин-Кейскому проходу” (11, с. 6); “через Ханкьейский проход” (10, с. 477); “у выхода Ханкиойского прохода” (17 вып. 34, с. 140). Гласната *и* на първата основа, освен чрез своята буква, е предавана и чрез *й*, *а* или е изпускана: “из Хайнкиойского ущелья” (4, 1882 г., № 7, с. 86); “через Хаанкиойский проход” (19, с. 15); “у Ханкиойского перевала” (17, вып. 5, с. 124); “не через Ханкиойский проход” (18, с. 157). В последните два примера първата основа е преосмислена като *хан*.

Тюркското име на с. Кардам, Р., е предавано като *Хайдаркиой*: “близ Хайдаркиоя” (17, вып. 4, с. 48). Образованото от него прилагателно е употребявано със съществителните *курган*, *холм*, *мост* и *позиция*: “до Хайдаркиойского (Гайдаркьойского, ред.) холма или кургана” (17, вып. 38, с. 41); “от Хайдаркиойского моста” (17, вып. 4, с. 48); “с Хайдаркиойской позиции” (17, вып. 16, с. 35). Означаването на първите два гласни звука на това прилагателно чрез буквата *о* вместо чрез *а* е могло да стане при произнасянето им без ударение: “с Хойдоркиойской позиции” (15, т. II, с. 332).

Прилагателните, образувани от завършващите на *-киой* имена в руския език на г. Хасково и на с. Хасът, нямат варианти. Първото е употребявано със съществителните *округ*, *уезд* и *шоссе*, второто с *лес*, *перевал* и *роща*: “от Хаскиойского округа” (17, вып. 3, с. 420); “Хаскиойский (уезд)” (17, вып. 71, с. 198); “от Хаскиойского шоссе” (7, с. 273); “миновав Хаскиойский лес...” (17, вып. 64, ч. 2, с. 43); “к Хаскиойскому перевалу” (16, вып. 4, с. 79); “на опушку Хаскиойской рощи” (4, 1881 г., № 8, с. 403).

С втори компонент *-киой* е предавано на руски език и селищното име Хюджекии: “у Сенанкьоя и Хаджекикиоя” (17, вып. 42, с. 174). Образованото от него прилагателно е употребявано с военния термин *отряд*: “и до постов Хеджекикиоского (Уджи-кьойского, ред.) отряда” (17, вып. 45, ч. 2, с. 43). Втората гласна *е* е силно редуцирана в позиция без ударение и се означава също с *и*: “отряд Хеджекикиойский опирается...” (17, вып. 42, с. 278).

С прилагателното от завършващото на *-киой* (*-кьой*) тюркско име на с. Камен, Л. са образувани географски имена от номенклатурните термини *дорога, долина, лес, плато, роца и ручей*: “в Чаиркиойскую долину” (17, вып. 45, ч. 1, с. 230); “на Чаиркиойской дороге” (17, вып. 47, с. 5); “к Чаиркиойскому лесу” (4, 1879 г., № 10, с. 283); “над Чаиркиойским плато” (4, 1880 г., № 10, с. 253); “к Чаиркиойской роще” (4, 1880 г., № 10, с. 392); “Чаиркиойский ручей” (4, 1880 г., № 10, с. 252). Употребявано е и с военните термини *дело, отряд, позиция* и *резерв*: “в Чаиркиойском деле” (17, вып. 16, с. 5); “между Копровецким и Чаир-кьойскими отрядами” (17, вып. 42, с. 115); “для охранения Чаир-кьойской позиции (17, вып. 36, с. 538); “Чаиркиойскому резерву придать...” (17, вып. 16, с. 97). Освен чрез слято и полуслято писане и чрез предаването на гласната в опорния компонент с *ио* или *ьо* това прилагателно варира и в първата си основа. В нея се колебае предаването на гласната *и*, която понякога се изпуска или си разменя мястото с *а*: “цель Чаркиойского отряда” (17, вып. 27, с. 134); “на Чиаркиойской дороге” (17, вып. 27, с. 180). Немотивираното премятане във втория пример е получено от произвеждащия ойконим, който е предаден с такова отклонение в същия документ: “... в Чиаркиой” (пак там). Но то се среща и самостоятелно: “фланг Чиаркиойской... позиции” (17, вып. 46, ч. 1, с. 228). В други случаи *и* се изпуска, а *а* се заменя с *е*: “по Черкиойской дороге” (17, вып. 50, ч. 1, с. 241).

Прилагателни с опорен компонент МАХАЛЕ

В разглежданите руски исторически материали се срещат прилагателни, образувани от селищните имена Бахча (Бахче) махале – м. Деде махале – м. Дедина, Л., (или някое изчезнало селище от този район), Ени махале – с. Бракница, Р., и Чаушка махала – с. Деляновци, Л.

Първото име се среща многократно и в различни варианти: “наступление на Бехчимале (Бекчамали, ред.) со стороны Минде (Миндия, ред.)” (17, вып. 63, с. 10); “имея авангард... в Бахчамали” (17, вып. 15, с. 149) “до с. Бекчимолис (Бекчамале, ред.)” (17, вып. 36, с. 106) и др. Образованото от него прилагателно е употребявано с номенклатурните географски термини *высота, гора* и *дорога*, с военните термини *бивак, лагерь, отряд, позиция* и *укрепление* и със съществителното *поселовка*: “к Бахчимальским высотам (у с. Бекчамали, ред.)” (17, вып. 54, с. 328); “По прибытии на Бехчи-

Мальскую гору” (17, вып. 63, с. 64); “на пересечении дорог Рамазанской, Бехчимальской и Златарицкой” (17, вып. 63, с. 220); “по Бехчимальскому лагерю” (17, вып. 63, с. 23); “над Бехчимальским отрядом” (17, вып. 63, с. 85); “в тыл Бахчимальской позиции” (17, вып. 63, с. 49); “наступление на Бехчимальские укрепления турок” (17, вып. 63, с. 10); “разрушение Бехчимальских построек” (17, вып. 63, с. 182). Полуслятото писане на това прилагателно, което е свидетелство за възприемането му от авторите му на неговата сложна структура, е по-рядко от слятото: “...занимающих Бехчимальские высоты (у с. Бекамели, ред.)” (17, вып. 63, с. 33); “обстреливать... Бехчимальский лагерь” (17, вып. 63, с. 22).

Съществителното *бакча* е влязло в руския език от татарския и е регистрирано в писмена реч още през 1635 г.⁴ В голяма си облик и във варианта *бахча* то се среща в редица руски диалекти⁵, но честото заместване на първата гласна в разглежданото прилагателно и в неговия произвеждащ ойконим с *e*, а на втората гласна с *и* говори, че то не е било познато на съответните носители на руския език и се е оказало трудно за слухово възприемане. Редовното отсъствие на съгласната *х* в опорния компонент сигурно е резултат от изпускането ѝ в диалектния говор на съответните информатори. Съгласната *з* в приведения пример “к Багчимальскому биваку” не изменя фонемния състав на прилагателното, понеже се намира пред беззвучната *ч* и се асимилира в *к*. При образуването на прилагателното крайната гласна на произвеждащия ойконим най-често е изпускана. В случаите, когато тя е запазена, словообразователната наставка е представена от аломорфата си *-йск*: “к Бекчамалийским высотам” (17, вып. 91, ч. 1, с. 202); “часть Бахчимальского (Бекчамалийского, ред.) отряда” (17, вып. 64, ч. 1, с. 16). Не е ясна причината за разширяването на произвеждащата основа във варианта на прилагателното, който е представен в следния текст: “на Бекчамаллалийских высотах” (13, т. VII, ч.2, с. 91).

С. Бракница е имало и второ име – Ени махале⁶. От него е образувано прилагателно, употребявано в редакторски бележки в разглежданите писмени материали: “не тревожили Бракницкий (Енимахленский, ред.) отряд (17, вып. 36, с. 495); “задерживая противника на Бракницкой (Енимахленской, ред) позиции (17, вып. 36, с. 495). Крайната гласна на произвеждащото име е запазена, но

словообразователната наставка е представена от различни разширени аломорфи: - *йск*- и -*иск*-.

Името на с. Чаушка махала, поради близостта му до Плевен и пребиваването в него на Главната квартира на руската армия, се среща често в материалите на Освободителната война. То най-често е предавано на руски език точно, например: “из д. Чаушка-махалы” (17, вып. 91, ч. 2, с. 281). От него е образувано прилагателно, което е употребявано в съчетание със съществителното *гора*: “С Чаушко-Махальской горы” (пак там). Както се вижда от този пример, при словообразуването са изпуснати окончанията и на двете основи и е използвана съединителна гласна. Но и това име е изопачавано: “... Чаус Маголя” (17, вып. 26, с. 51). От този вариант е образувано съответно прилагателно: “...спустить с Чаус-Магольской горы” (пак там, с. 52).

Прилагателни с опорен компонент О Р М А Н

Те са две. Първото е образувано от срещанцо се в разглежданите материали разчленено тюркско име на с. Харманлък – с. Дъбовик, В., (или на някое неидентифицирано село), а второто – от името на с. Чаир харман – с. Генерал-Колево, В. Името на първото село варира: “к д. Куру-Орманы (Кара-Орман, ред.) с целью окончательной разведки Куру-Орманского леса” (17, вып. 51, с. 125); “на пепелище д. Караорманлы” (17, вып. 78, с. 82). Варира и формата на прилагателното, което е употребявано със съществителното *лес*: “впереди Кара-Орманского леса” (17 вып. 79, с. 2); “для осмотра Караорманлынского леса” (17, вып. 78, с. 80); “к Куру-Орманлыскому лесу” (17, вып. 78, с. 104); “занимают... Куру-Арманский лес” (17, вып. 66, с. 89); “в Куро-Орманском лесу” (17, вып. 78, с. 104). Приведените примери подсказват, че първият компонент на името на селото е бил *куру*, но той понякога е заменян с добре известната на русите тюркска топонимна основа *кара*. Възможно е вторият компонент да е бил *харман* (тур. *harman*), диал. *арман*, който е регистриран в един от приведените примери, но той е бил заменян с известния на русите негов омофон *орман*. Същата замяна е станала и в прилагателното, образувано от ойконима *Чаир харман*: “вблизи Чаир-Орманского леса” (17, вып. 79, с. 33).

Прилагателни с опорен компонент П А З А Р,

П А З А Р Д Ж И К

Такива прилагателни са образувани от селищните имена *Ени пазар* – г. Нови пазар, М., *Осман пазар* – г. Омуртаг, Р., *Татар*

Пазарджик – г. Пазарджик и *Хаджиооглу Пазарджик* (Хаджиооглу Базарджик) – г. Добрич.

Прилагателното от първото име е употребявано със съществителното *шоссе*: по Ени-Базарскому шоссе” (6, с. 96). Правилността и липсата на колебания при предаването на руски език на ойконима и при писането на прилагателното сигурно са обусловени от прозрачността на втория компонент. Той е общоизвестно съществително в руския език, което е заето от татарския и затова започва с *б*.

Точно е предавано и второто име: “к стороне Осман-Базара” (17, вып. 5, с. 117). Образованото от него прилагателно е употребявано със съществителните *дорога, каза, округ, равнина, район, шоссе* и *отряд*: “на Осман-Базарской дороге” (17, вып. 5, с. 122); “жители Османбазарской ... (казы)” (17, вып. 77, с. 190); “в округах: ... Осман-Базарском...” (16, вып. 4, с. 59); “из Османбазарской горной равнины” (4, 1880 г., № 7, с. 30); “направить их в Осман-Базарский (район) (4, 1879 г., № 11, с. 131); “на Осман-Базарское шоссе” (17, вып. 5, с. 117); “начальниками Османбазарского и ... отрядов” (17, вып. 92, с. 85).

Освен с полуслятото и слято писане това прилагателно варира също чрез писането на втория (и даже на първия) компонент понякога с малка буква: “Осман-базарский отряд расположен...” (4, 1885 г., № 3, с. 14); “по осман-базарской дороге” (14, 1877 г., № 179). Тия колебания могат да бъдат обяснени с правописни предпочитания на съответните автори.

Разчлененото име на г. Пазарджик е предавано точно: “к Татар-Базарджику” (17, вып. 10, с. 281). Без отклонения е писано и образованото от него прилагателно, което е употребявано със съществителните *ветвь* (железнодорожната), *округ, шоссе, уезд* и *отряд*: “...на Татар-Базарджикскую ветвь” (17, вып. 24, с. 113); “занимали Татар-Базарджикский округ” (16, вып. 4, с. 24); “по Татар-Базарджикскому шоссе” (17, вып. 65, с. 114); “Татар-Базарджикский (уезд)” (17, вып. 71, с. 198); “Татар-Базарджикский (отряд)” (16, вып. 4, с. 34). Често се срещат и прости прилагателни, образувани само от втория компонент на името на града, например: “по обеим сторонам Базарджикского шоссе” (17, вып. 10, с. 28).

Простото прилагателно, което е образувано от главния компонент на ойконима Хаджиооглу Базарджик се среща много по-често от сложното. Сложното няма варианти и е употребявано само

със съществителното *округ*: “Хаджи-Оглу-Базарджикский (округ)” (16, вып. 4, с. 28). От полуслятото му писане се вижда, че неговият автор е разграничавал трите му основи.

Прилагателно с опорен компонент С У В А Т

В разглежданите писмени материали се среща прилагателно, образувано от името на с. Чалъ суват, което се е намирало северно от с. Върбица, Л., и е изчезнало през Освободителната война. Структурата на името не е била ясна на русите и то е предавано на руски език със значителни отклонения, ср.: “В Калишоваце постросна...” (17, вып. 2, с. 407); “В Калисоваце...” (17, вып. 43, с. 76). Това затруднява идентифицирането му. По същата причина образуваното от това име прилагателно, което е употребявано със съществителното редут, е писано слято и формата му варира: “Калисовацкий редут окончен” (17, вып. 43, с. 92); “... постройка “Калишоватского” и ... редутов” (17, вып. 2, с. 396).

Прилагателно с опорен компонент С Ю Л Е, С Ю Л Ю.

Това прилагателно е образувано от името на с. Дели Сюле – с. Драгомирово, Л. Името е предавано на руски език като една дума поради неяснотата на неговата структура: “у д. Делисулу” (17, вып. 7, с. 130). Прилагателното е образувано с изпускане на крайната гласна. Писано е слято и е употребявано със съществителното *дефиле*: “... из Делисульского дефиле” (пак там).

Прилагателно с опорен компонент Т О П Р А К

То е образувано от името на с. Кара топрак – с. Чернозем, П. Името е писано слято въпреки широкото разпространение в тюркската топонимия и антропонимия на първата му основа: “Дойдя до Каратопрака...” (8, т. 2, с. 473). Така е писано и прилагателното: “Каратопракские болгары встретили нас...” (8, т. 2, с. 474).

Прилагателно с опорен компонент Х А Н Л А Р

Образувано е от разчленено тюркско име на с. Исуфани, Юсуфани – с. Балканци, Л. Името е писано полуслято: “от Юсуф-Ханлара” (17, вып. 41, с. 9). Прилагателното е употребено със съществителните *возвышенность*, *высота* и *пост*: “по южному склону Юсуф-Ханларской возвышенности” (17, вып. 42, с. 8); “группу Юсуф-Ханларских высот” (пак там); “к левому (Юсуфхаиларскому) посту” (17, вып. 47, с. 248). Слятото писане на варианта в последния

пример показва, че неговият автор не е възприел сложността на основата му.

Прилагателни с опорен компонент Ч Е Ш М А

Те са образувани от варианти на названието на хана "Гюр чешма", който се е намирал на шосето от Русе за Бяла, източно от с. Мечка, Р. Най-често се среща трикомпонентното название на хана, който е бил отбелязван като село: "... у с. Хан Гюль Чесме" (17, вып. 16, с. 273). От него е образувано прилагателно, което е употребявано с географските термини *балка*, *высота*, *дорога*, *лощина*, *плато* и с военния термин *позиция*: "... через Хан-Гюль-Чесменскую балку" (17, вып. 44, с. 168); "по склону Хан-Гюль-Чесменской высоты" (17, вып. 67, с. 212); "по Хан-Гюль-Чесменской дороге" (17, вып. 16, с. 259); "спускаться в Хан-Гюль-чесменскую лощину" (4, 1886 г., № 11, с. 58); "задний гребень Хан-Гюль-Чесменского плато" (17, вып. 56, ч. 2, с. 347); "находился на передовой Ган-Гюль-Чешменской... позиции" (17, вып. 66, с. 152).

По-рядко се използва двукомпонентното название на хана: "стоявшим на Гюль-чесме" (17, вып. 44, с. 128). Образованото от него прилагателно е употребявано с географския термин *высота*: "до подошвы Гюль-чесменских высот" (17, вып. 44, с. 127); "... служащего подъемом... на Гюль-чесменскую высоту" (пак там, с. 128). Изключването на съществителното *хан* от названието и от съответното прилагателно е станало поради осъзнаването му като номенклатурен термин⁷. Това се потвърждава и от редакторските бележки: "Через гребень Хан-Гюль-Чесменской (Гюр-чешме, ред.) балки" (17, вып. 66, с. 144); "... с Хан-Гюль-Чесменского плато (Гюр-Чесменского плато, ред.)" (17, вып. 56, ч. 2, с. 411). Опорният компонент *чешме* редовно е отделян от определящия с тире или даже е писан отделно: "...взятие Гюль Чесменских высот" (4, 1879 г., № 10, с. 226). Това показва, че той е бил познат на съответните автори като номенклатурен географски термин. Писането на това съществително със *с* вместо с *ш* изглежда, че е пренесено от разпространената в руската армия карта на Ф. Каниц, като е пренебрегнат диакритичният знак над *S*. В тая карта името на хана е *Gölcēsme* т. е. в него е предадено турското *göl*, а не *gür*. Изглежда, че именно това определение, което реално е съществувало⁸, е предавано и на руски език с компонента *Гюль*. Възможно е също това да е

турската дума *gül* (ср. с. Гюл бунар – с. Розов кладенец, присъединено към с. Обручище, Х.).

Прилагателно с опорен компонент Ч О М А К

Такова прилагателно е образувано от наименованието на изчезнало през Освободителната война черкезко село, което е било разположено източно от гр. Стражица, Л. Името му е предадено в картата на Каниц като *Karaçomaköi*. В разглежданите документи то е писано както полуслято, така и слято: "... остановившись в д. Карачумак" (17, вып. 42, с. 131); "Д. Карачумак..." (17, вып. 47, с. 58). Прилагателното е писано полуслято и с него е образувано географско име от съществителното *балка*: "... на вершине Карачумакской балки" (17, вып. 42, с. 231). Писането в опорния компонент на *у* вместо *о* е било естествено за носителите на руския език, които са знаели украинския историзъм *чумак*. Освен това то предава точно българския изговор на тоя компонент.

Главните изводи от настоящото проучване са следните:

1. Прилагателните, които са образувани от тюркски адиективно-субстантивни имена на селища от територията на България, са употребявани от руската армия през Освободителната война за нуждите на именуването. С тях редовно са създавани имена на географски и военни обекти, на военни части, събития и др. от съответни номенклатурни географски и военни термини и от други руски съществителни.

2. Тези думи не са заемани, а са образувани на руска почва от съответни тюркски адиективно-субстантивни селищни имена, които руските воители най-често са усвоявали на слух от българи.

3. За разлика от руските сложни прилагателни, които са образувани от руски адиективно-субстантивни словосъчетания (ср. западная Сибирь западн-о-сибир-ск-ий), разглежданите тук най-често са образувани без съединителна гласна. Ето защо техният начин на словообразуване по-скоро е чиста суфиксация, отколкото композиция, придружена от суфиксация. Причина за това е липсата на окончания в определящите компоненти на съответните словосъчетания. Съединителната гласна е употребявана в отделни случаи, когато определящият компонент на словосъчетанието завършва с *а* и поради това съпада с кратка форма за женски род на руско качествено прилагателно. Макар че в съвременния руски език тези форми не изпълняват роля на определение, крайната гласна *а* в

първите компоненти на някои от разглежданите от нас деривати е заменена със съединителната гласна *o* (Турна Дереве → Турн-о-Деревск-ий, Чаушка Махала → Чаушк-о-Махаль-ск-ий). От това следва, че главната функция на съединителната гласна не е изразяването на “идеята за съединяване”, а неутрализирането на граматичните показатели на намиращата се пред нея произвеждаща основа.

4. Словообразователната наставка с малко изключения е представена от основния аломорф *-ск-*. В единични случаи са използвани аломорфите *-йск-* (Бекчемали-йск-ий), *-инск-* (Эскиджум-инск-ий), *-евск-* (Федабей-эвск-ий) и *-иск-* (Енимахленск-ий). В топонимичните прилагателни в съвременния руски език не се отбелязва словообразователен аломорф *-иск-*⁹. Той би могъл да се избегне и в нашия случай, като се признае аломорфа *-енск-*, присъединен чрез наслагване, т. е. Енимахл енск-ий.

5. Морфологичните промени (редуването, изпускането, наслагването на фонемни, преместването на ударението и разширяването на произвеждащата основа), които са станали при словообразуването, са малко.

6. Взаимодействието между засмането и словообразуването се е проявило най-вече при фонологичното (и графичното) оформяне на произвеждащите основи и при семантизацията на много от тях. При тях се е проявявала и интерференцията на руския език с българския.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженов, П. Н. Действия русской кавалерии во время Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1904.
2. Баженов, П. Н. Сборник статей о действиях кавалерии Передового отряда в войну 1877 г. (оттиски из Военный сборник, 1902, № 6–8).
3. Боброевский, П. О. История лейб-гвардии уланского полка. Т. 2. СПб., 1903.
4. Военный сборник. СПб., 1877–1893.
5. Газенкамф, М. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908.
6. Гершельман, Ф. Воспоминания о Турецкой войне 1877–78 гг. СПб., 1908.

7. Дукмасов, П. А. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–78 гг. и о М. Д. Скобелеве. СПб., 1889.
8. Крестовский, В. В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). Т. 1–2, СПб., 1879.
9. Летучий военный листок (орган действующей армии). Гор. Свицов (вестник).
10. Максимов, Н. В. Две войны. 1876–1878 гг. СПб., 1879.
11. Нагловский, Д. С. Передовой отряд в последнюю турецкую кампанию. СПб., 1891.
12. Немирович-Данченко, В. И. Плевна и Шипка. СПб., 1881.
13. Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. 1–9. СПб., 1901–1913.
14. Русский инвалид. Газета военная. СПб.,
15. Сборник военных рассказов, составленных офицерами, участниками войны 1877–1878. Т. 1–6. СПб., 1878, 1879.
16. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–79 гг. Вып. 1–4. СПб., 1903–1905.
17. Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1–97. СПб., 1898–1914.
18. Шаховской, Л. В. С театра войны 1877–78. Два похода за Балканы. М., 1878.
19. Зайончковский, А. М. Сражение под Ловчей 22 августа 1877 г. СПб., 1895.

БЕЛЕЖКИ

¹ Вж: — Грамматика русского языка. Том. 1. Изд. АН СССР. М., 1960, с. 341, 342 (разделът е написан от Виноградов, В. В.); Русская грамматика. Т. 1. М., 1980, с. 281–286 (автор на разделите е В. В. Лопатин); Черненко, Н. М. Словообразовательная структура отгопонимических прилагательных в современном русском языке. Ташкент, 1978 (канд. дис.); Горинич, В. О. Теоретичні питання в догопонімного словотвору східнослав'янських мов. Київ, 1973; Зверев, А. Д. Словообразование в современных восточнославянских языках. М., 1981, 37–84. Супранская, А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М., 1969, 150–170.

² Примерите се дават със съвременната руска графика, но се запазват правописните особености (слято, полуслято или отделно писане, главни или малки букви) на оригинала, тъй като чрез тях е регистрирано разбирането на авторите на съответните деривати за тяхната структура.

³ Съкращението *ред.* в източника означава редакторска бележка при печатането на съответния материал от ръкописния му първоизточник.

⁴ Вж. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1 (А – Б). М., 1975, с. 67.

⁵ Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка.

⁶ С двете си имена то е отбелязано в известната карта на Ф. Каниц.

⁷ Ср. географския термин *хан* 'ручей, напоителен канал, извор' в речника: Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

⁸ Ср. селищното име Гьол бунар – с. Бистренци, Р.

⁹ Вж. Черненко, Н. М. Словообразовательная структура... (автореферат канд. дис.), с. 2.

**THE ADJECTIVES IN THE RUSSIAN SOURCES OF
THE LIBERATION WAR, FORMED FROM TURCISH
ADJECTIVAL-SUBSTANTIVAL NAMES OF
SETTLEMENTS IN BULGRIAN**

Peter Djambazov

The study describes the word-formation, the variation and the combinability of the adjectives under consideration. An identification is carried out of the settlements which were named by the corresponding oikonyms. It establishes the cases of linguistic interference in rendering those oikonyms into Russian. Attention is called to the interaction between the word-formation of Russian toponymic adjectives and the process of borrowing from the Russian language the corresponding foreign geographic names.

**ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В РУССКИХ МАТЕРИАЛАХ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ
ТЮРКСКИХ АДЪЕКВИВНО-СУБСТАНТИВНЫХ НАЗВАНИЙ
НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В БОЛГАРИИ**

В работе описаны словообразование, варьирование и сочетаемость исследуемых имен прилагательных. Идентифицированы населенные пункты, названиями которых являются соответствующие производящие ойконимы, выявлены случаи языковой интерференции при передаче этих ойконимов на русский язык. Обращено внимание на взаимодействие словообразования русских оттопонимных прилагательных с процессом заимствования русским языком соответствующих иноязычных географических имен.

5002

ISSN 0204 - 6369

